Karel Pazek.

ЕН 161
П 8Л3

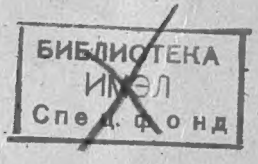
Карл Радек

ПОРТРЕТЫ
и
ПАМФЛЕТЫ

Книга первая

СОВЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
МОСКВА 1933

ЕН161
П 817 3
БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
1058954
КАБИНЕТ ИСТОРИИ
К. А.
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
1026.
339/12
~~1061~~
БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец. фонд
~~ф~~
~~47650~~



ПАМЯТИ

НЕЗАБВЕННОГО ДРУГА

ЛАРИСЫ МИХАЙЛОВНЫ

РЕЙСНЕР

БОРЦА И ПЕВЦА

ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

КНИГУ ЭТУ ПОСВЯЩАЮ

Карл Радек

МОСКВА, КРЕМЛЬ

В борьбе с Врангелем принимала участие сводная бригада московских и петроградских курсантов. В ночном бою за обладание городом Ореховым часть их была взята в плен дроздовцами. На месте казни они должны были сами рыть себе могилу. Они пели при этом Интернационал и под его звуки падали. Памяти их была посвящена речь на собрании московских курсантов 24 октября 1920 г. в здании академии Красной армии. Пусть она послужит вступлением к этой книге борьбы.

Requiem

Сегодня я буду говорить о вопросе, о котором мы должны были бы говорить больше, чем о каком-либо другом, но о котором никто из нас, наверное, вслух никогда не говорит. Нам всем приходилось много раз смотреть смерти в глаза. Многие из нас были в положении, когда казалось, что только чудо может нас спасти. Но ни в эти моменты, ни позже никто из нас не задумывался над тем, что такое смерть, что такое жизнь наша. Почему вы, молодежь, которая еще не жила, вы, которые еще от жизни ничего радостного не вкусили,— почему вы должны спокойно, сознательно итти на опасность, смотреть смерти в глаза и, когда этого потребуют обстоятельства, не только погибнуть, но погибнуть с глубоким убеждением, *что эта смерть есть высшее подтверждение жизни, что в этой смерти выражается все, что есть лучшего в нашей жизни; что мы, можно сказать, живем лишь для того, чтобы быть достойными такой смерти.* Об этом вопросе никто из нас не думает в момент опасности. Когда же опасность минует, каждый идет на свой пост, делает свою тяжелую работу, и нет у него даже времени подумать об этом, а если бы время и было, то нет уголка, где он мог бы один, сам с собою, подумать об этом.

Сегодня, собравшись, чтобы осмыслить смерть наших геройских товарищей, мы все как будто чувствуем, что они не погибли, что они живут в нас, и что мы живем, дабы продолжать их дело. Чувствуя это, мы спрашиваем: *было ли время, когда не мы, не рабочая и крестьянская молодежь, а сыновья того самого класса, с которым мы боремся не на жизнь, а на смерть, думали так же, как и*

мы,— что стоит умирать за то, чтобы жило отечество, которое они создали.

Это — не праздный, не книжный вопрос. Он помогает нам уяснить себе самый важный источник нашей силы.

Когда буржуазия творила жизнь, она не боялась смерти. Достаточно вспомнить время Французской революции. Это было такое время, когда французская молодая буржуазия взялась за создание новой жизни, когда она разбила старый феодальный, крепостнический строй, когда она освободила мужика-крестьянина от ига помещика, который прикреплял его к земле, освободила от жизни, о которой современники говорили, что она «хуже жизни скота». Когда эта молодая буржуазия начала создавать новую Францию,— Францию человеческой свободы,— то она так высоко ценила эту жизнь, эту новую, ею созидаемую, жизнь, что верила в то, что стоит погибать, лишь бы только победила революция. Если вы вспомните историю французской революционной армии, то увидите, что в ней была та же самая неурядица, что и у нас. Старый офицерский состав был против революции: молодая армия была недисциплинирована,— ей недоставало самого необходимого. Был момент, когда один из вождей Французской революции, Сэн-Жюст, приехав в армию и увидев, что она сражается неодетая и необутая, приказал раздеть жителей города, чтобы одеть армию. Эта голодная, необученная, неодетая армия, без хороших полководцев, научилась сражаться за дело Французской революции не на жизнь, а на смерть. Она сумела отбросить атаки всех современных королей, которые собрались в поход против Франции,— такой же поход, от которого мы отбиваемся уже в течение трех лет. Если прочитать письма и мемуары людей, которые жили в ту эпоху, то что увидим мы? Мы увидим глубокую веру этих людей в то, что та жизнь, за которую они сражаются, будет такой хорошей, что стоит того, чтобы за нее умирать. И это чувство цены новой жизни, которую строила буржуазия, было так сильно, что когда даже членам того молодого класса приходилось погибать в гражданской войне, когда приходилось ожидать смерти в тюрьме, они перед лицом этой самой смерти еще верили, что стоило жить. Прочтите оставшиеся письма Камилла Демулена: он был один из самых выдающихся мо-

лодых революционных писателей этой молодой революционной буржуазии. Как принадлежавший к правому крылу революции, к ее, так сказать, меньшевикам, он попал в тюрьму,— а бросили его в тюрьму представители более радикального крыла, его собственный друг Робеспьер. Камилл Демулен в тюрьме не понимал смысла борьбы правого крыла буржуазной демократии с левым крылом. Ему казалось, что он погибает по недоразумению, случайно. Он пишет в письме к своей жене, что он «смотрит через решетку тюрьмы и видит ее и любимого своего ребенка, и все в нем внутренно потряслось». Но даже в этот момент,— момент, когда этот представитель молодой революционной буржуазии погибает с убеждением, что он гибнет несправедливо, он все-таки так высоко ценит общее дело революции, что перед лицом своего ребенка, которого оставляет, которого страстно любит, перед лицом своей молодой жизни, которая должна быть прекращена, ни на один миг не поднимает руки, чтобы проклясть революцию, которая привела его молодую голову к эшафоту, где ему через несколько часов придется умереть. Или читайте письма сознательных солдат, сынов буржуазии, или крестьян. Они все полны глубокой верой в новую жизнь, которую надо защищать грудью. Буржуазия верила, что она создаст общество, в котором всем людям будет лучше жить. *И именно потому, что она так высоко ценила свою новую жизнь, она бесстрашно смотрела смерти в глаза.*

Если вы прочитаете философскую или экономическую литературу этой молодой буржуазии, то даже в самых ее жестоких проявлениях вы увидите эту неслыханно-глубокую веру в жизнь. Возьмите буржуазного философа и экономиста тех времен — Мальтуса. Он говорил, что те люди, которые гибнут в экономической борьбе от голода, от холода, это — наименее ценные, неприспособленные к жизни люди. Пусть они умрут: те, которые останутся, будут самыми даровитыми людьми, и они создадут самую прекрасную жизнь. Это возмутило против Мальтуса всех социалистов. Они обрушились на него с брошюрами и книгами, и наш великий учитель Маркс называл его «подлым попом», который защищает капиталистический мир, ведущий людей к смерти. Но столь жестокую философию Мальтус смог открыто проповедывать только потому, что

буржуазия настолько верила в свою великую историческую миссию, что не боялась открыто указывать на путь страданий, через который капитализм ведет человечество к счастью; стоит жить для этого строя, стоит за него умирать. Эту веру вы найдете во всех национальных войнах буржуазии XIX века, которые были войнами за создание условий, необходимых для развития капитализма. Эта вера двигала ту тысячу молодых итальянцев, которые под руководством Гарибальди бросились в бой за освобождение Италии. Тысяча человек поднялась с оружием в руках, чтобы освободить свое отечество, шла на смерть с глубокой верой, что смерть их даст счастье миллионам. С такой же верой погибали в войнах за объединение Германии молодые сыны германской буржуазии. Буржуазия двигала вперед дело общественного развития, она верила в свою будущность, верила в то, что она создает общество счастливых людей, и потому она ценила так высоко свою жизнь, что знала, что стоит за эту жизнь умирать.

Если вспомнить конец XIX века, то такого настроения, такой веры вы уже не найдете в буржуазной литературе. В военных школах учили курсантов буржуазных армий, что нет ничего выше, чем идеал отечества, что за это отечество стоит умирать. Но всякий из этих сыновей буржуазии, если он осматривался вокруг себя, если он был мало-мальски честным человеком, видел, что за жизнь, которую создала буржуазия, погибать не стоит. Что же он видел вокруг себя? Где было равенство, о котором говорила буржуазия? Он видел, как маленькая кучка людей держит в своих руках источники всего, что дает человеку возможность развернуться и жить. Маленькая кучка людей держала в своих руках всю промышленность, все земледелие. Она управляла государством, она жила великолепно: она могла воспитываться, учиться, наслаждаться всем, а широкие массы народа заведомо держались в темноте, в положении рабов. И если сыновья буржуазии хотели бы не видеть всего этого, то жизнь кричала им об этом. Они видели грандиозные забастовки рабочих, видели, как буржуазия принуждена выдумывать против рабочих особые законы, как она преследует рабочую печать, и всякий мыслящий сын буржуазии, когда спрашивал себя, что такое это отечество, получал ответ в словах

Густава Эрвэ, тогдашнего бунтовщика, а теперешнего лакея французской буржуазии: «Это есть *отечество богатых*, и кто погибает за это отечество, тот погибает для того, чтобы и в будущем маленькая кучка богатых эксплоатировала десятки миллионов бедных; чтобы трудящийся народ был рабочим скотом, чтобы он никогда не мог разогнуть своей спины». И не было ничего удивительного, что наиболее чуткие люди из этой буржуазии начали относиться насмешливо к идее отечества, к идее героической смерти за отечество. Лет 15-16 назад один из самых талантливых английских писателей, Бернард Шоу, сочинил комедию под заглавием «Герой», которую ставили и в России. Она описывает болгарско-сербскую войну. Швейцарский специалист-офицер, который из любви к военному искусству принимает участие в этой войне, высмеивает военное геройство. «Что вы рассказываете о военном геройстве,— говорит он,— часть людей умирает потому, что их принуждают, умирают, или проклиная войну, или как скот, ничего не говоря, и это славные герои... Посмотрите на колени этих героев-кавалеристов: у них все колени изранены, ибо, когда лошадь несется в бой, они, боясь смерти, удерживают лошадь всеми силами».

Эта комедия, высмеивавшая идею геройства, доказывавшая, что не стоит умирать за отечество, обошла весь мир, и все смеялись. «Какой остроумный человек; нет отечества, не стоит умирать». Конец XIX века, это — сумерки буржуазных богов; их литература, их философия показывают, что буржуазия изверилась в своей исторической миссии, что самые лучшие из ее сынов начали понимать, что жизнь, творимая буржуазным классом, пустая, бессодержательная, нечеловеческая жизнь. Слова об отечестве, о геройской смерти на поле брани звучали как насмешка. Но буржуазная идея геройства должна была еще раз разгореться бурным пламенем, чтобы навеки погибнуть.

Усилившись благодаря экономическому подъему последних лет XIX века, буржуазия бросилась захватывать громадный азиатский и африканский континент. Перед ней встали новые задачи: сетью железных дорог, пароходных сообщений связать мир, подчинить себе последние уголки земного шара. А сколько романтики таилось для сынов буржуазии за морями и реками, куда надо было

проникнуть с оружием в руках. Империализм,— политика захвата мира для капиталистов,— сделался для капиталистического общества новой возвышенной верой. Буржуазная молодежь, служа корыстным интересам кучки синдикатчиков, воображала, что она идет в бой завоевывать мир для культуры, что она расширит горизонты человечества. Писатели, философы, поэты расширяют старую идею отечества; они проповедуют геройский подвиг во имя углубления влияния их «национальной культуры» на новые страны. Мировая война доказала, какие широкие круги охватило это пламя. На войну шли с одушевлением не только сыновья буржуазии. По всей Европе поднялись на зов буржуазии и народные массы, которым буржуазия обещала, что победа сделает их свободными, счастливыми гражданами.

Миллионами лежали солдаты в окопах, в вихре ураганного огня, терзаемые голодом, холодом и болезнями, они имели достаточно времени, чтобы задуматься над целями войны: представители всех буржуазных отечеств, ругаясь с трибун парламентов, разглашали правду о целях войны... Если английский министр разоблачал Германию за то, что она воюет, чтобы у нее не было отнято право эксплоатировать Турцию, Балканы, то английский солдат говорил себе: да, это правда, но ведь английское правительство не для того воюет, чтобы освободить турок, а именно для того, чтобы вырвать их из рук германских капиталистов и отдать в руки английских. Солдаты видели, как война усиливает везде власть самых реакционных, самых грабительских элементов; они видели, как во всех странах, воюющих якобы во имя свободы, уничтожается свобода; как во всех странах, воюющих якобы во имя блага народа, народные массы брошены на ограбление кучке спекулянтов, набивающих карманы в то время, как семьи солдат терпят крайнюю нужду. За идеей «защита отечества» показалось жадное лицо ростовщика; отечество оказалось отечеством богатых.

Война кончилась перед тем, как растущее во всех странах разочарование солдат привело их к восстанию. А когда солдаты вернулись домой,— что увидели они? Для них не было квартир, ибо четыре года никто не строил новых домов, но спекулянты жили в прекрасных кварти-

рах по 8—10 комнат; для солдат не было работы, когда они вернулись домой, ибо спекулянты закрыли фабрики, когда им стало невыгодно их держать. Когда же рабочие находили работу, они видели, как поднимаются цены на все предметы первой необходимости, а заработная плата не успевает подниматься. Им приходилось выносить голод в то время, как те, кто нажился на войне, были господами положения и прекрасно жили. И когда рабочие всех стран начали добиваться своего, то они увидели, что капиталистические государства, которые звали их под знамя борьбы во имя всеобщего блага, имеют для них, для раненых и искалеченных солдат, только свинец, и больше ничего. Инвалиды, со знаками отличия, безрукие шли на демонстрации, а им заграждали дорогу полицейские, нанятые буржуазией для того, чтобы сказать этим рабочим: «Вы были дураками, когда поверили, что существует буржуазное отечество».

Свобода, которую обещала буржуазия народным массам, это — свобода ростовщиков и спекулянтов эксплоатировать их. *Равенство,* которое обещала буржуазия, это — равенство перед лицом жадного капитализма, который говорит: вы должны беспрекословно подчиниться мне, властителю вашей жизни. Мир, который война должна была дать всем, это — ограбление побежденных, это — боязнь, что они восстанут, это — открытое вооружение победителей против побежденных, это — подготовка новых войн между «союзными» победителями, это — война против первого пролетарского государства. Рухнули все надежды народных масс на то, что капитализм сможет создать *их* отечество.

Кумиры буржуазного мира умирают. Вместо веры в империализм, т. е. веры в то, что капитализм может создать человечеству условия нормального развития, народные массы с каждым днем все более охватываются верой в коммунизм, т. е. в собственные силы, в способность собственными руками объединенных тружеников воссоздать мир из развалин.

Буржуазное отечество гибнет.

Когда в 1917 г. русские крестьяне и рабочие первые восстали против империалистической бойни, они прямо покинули массами фронт. Они отказались от защиты гнилого

царского отечества. И это отечество скоро перестало существовать. Рабочие и крестьяне, взяв власть в свои руки, создали свое, рабоче-крестьянское отечество: земля, которую пахали много веков русские крестьяне, очутилась в их руках; фабрики, шахты и рудники, созданные трудами рабочего класса, перешли в его руки. Но народная масса еще не ощущала реально этой перемены,— для нее отечество было еще пустым звуком, и она оставила его беззащитным перед лицом грозного врага. Пока нам удалось создать первые отряды Красной армии, мы призывали рабочих и крестьян к оружию, указывая им, что если они не откликнутся на наш зов, то русская буржуазия водворит при помощи международного капитала снова свою власть, помещики отнимут землю у крестьян, и трудовые массы России сделаются снова «серой скотиной», которую капиталисты будут гнать на войны за дело богатеев, сколько раз им это понравится. Многие указывали народным массам России, что наш призыв к защите отечества является сплошным обманом, что в Советской России и сейчас не существует отечества трудящихся, ибо разве у нас уже восторжествовало равенство, разве у нас нет больше нужды? Но, несмотря на то, что у нас нет еще равенства и что мы живем в неслыханной нужде, крестьянин знает, что в его руках земля и что он ее потеряет, если победят белые. Рабочий класс, который наиболее страдал от нужды, поднимался во всякий момент на защиту Советской России; он посылал десятки и сотни тысяч своих лучших сынов на все фронты, преодолевая усталость, не прислушиваясь к голосам людей, которые обещали ему хлеб за сдачу рабочей власти. Почему? Тут-то мы и подходим к главному вопросу о смысле нашей жизни.

Весь мир в крови, весь мир в развалинах, миллионы людей гибнут от голода не только в России: голод терзает теперь рабочего даже в житнице мира — в Аргентине, которая не видела войны. Два года миновало со времени великой империалистической войны; день за днем усиливается экономическая разруха. Капиталистический класс, который вступил в империалистическую войну, дабы ввести свой капиталистический порядок в Азии и в Африке, разрушил этот самый «порядок» в Европе, которая теперь корчится в муках полной анархии. Уничтожена сеть то-

варного обращения, которая снабжала деревню изделиями города, а город — продуктами земледелия. Разрушена кредитно-денежная система, которая облегчала этот процесс. Падает земледелие, падает производство и в деревне и в городе. Даже нищенская жизнь, которую вел когда-то рабочий под господством капитализма,— даже эта жизнь кажется теперь потерянным раем. Буржуазия доказала, что она больше не в состоянии устроить мир — даже на буржуазных началах. Человечество стоит перед гибелью, если рабочий класс не возьмется за дело, если он не возьмется за построение жизни на новых, коммунистических основах. Хозяйственную разруху невозможно иначе преодолеть, как собрав все хозяйственные силы страны в один «крепкий кулак». Нужно планомерное распределение производительных сил мира,— распределение угля, железа, хлопка, машин, рабочей силы,— нужно устранение всякой попытки хищников кормиться за счет обнищалых народных масс. Это все может сделать только тот класс, который наиболее заинтересован в уничтожении разрухи, ибо он от нее больше всего страдает.

Только совместный труд, только планомерная его организация, т. е. коммунизм, выведет человечество из нищеты, к которой привел его капитализм. Это понимают сознательные рабочие, это чувствуют несознательные рабочие в момент, когда решается участь Советской России. И это чувство, что мы, и только мы, являемся творцами новой жизни, что мы, и только мы, нашли выход для человечества,— это дает нам неисчерпаемую силу, которую проявляет Советская Россия три года под ряд. Это дает силу растущей коммунистической волне во всем мире.

Только рабочие могут спасти мир, стоящий на краю пропасти.

Мы держим в окровавленных руках наше красное знамя, ибо мы знаем, что с ним связана не только участь русских рабочих, но и участь всего человечества. Ибо помощь рабочих всего мира нужна нам не только для себя. Рабочие промышленных стран нуждаются в том, чтобы советская власть в России была сохранена и укреплена до момента их победы. Ни рабочие Германии, ни рабочие Англии не в состоянии в случае революции в их странах прокормить средствами этих стран народные массы. Нам

нужны их машины,— им нужно наше сырье. Сильная Советская Россия, которая отбросила всех своих врагов, которая вернулась к мирному труду, которая подняла свое земледелие, это — половина победы международного пролетариата. Красная звезда, которую вы носите на своей груди, это — звезда, которая должна вывести все человечество из рабства, неволи, нищеты, хотя бы нам пришлось итти через море и своей и чужой крови.

Мы только-что начали закладывать фундамент нового мира. Дело наше — впереди. Три года нашей борьбы, это — только начало, прелюдия великой мировой революции пролетариата, но каждый шаг, который мы делаем, освящен великими целями, к которым мы стремимся. Крестьяне взяли землю. К такому крестьянину мы приходим и пытаемся сделать из него не только жителя его маленькой деревни, пытаемся привести его к сознанию, что он гражданин страны в 150 миллионов людей, что перед ним стоят громадные задачи, что он — часть мировой революции. У нас нет буржуазии, нет класса, который нас угнетает. Если мы еще нищи, если мы еще бедны, если у нас еще недостаток во всем, то нет такого класса, который нас эксплоатирует. Ту долю работы, которую мы выполняем, мы выполняем для себя. Можно говорить о России что угодно, но нет барина, нет помещика, и рабочие и крестьяне работают только для себя. И если мы не сумели устранить неравенство, если мы еще принуждены создать лучшие условия жизни для специалистов в армии или для специалистов на фабрике, для инженеров, то что это значит? Разве это означает, что мы хотим закрепить неравенство? Это означает, что, пока наши дети не окончат технических, военных школ, пока мы не научимся управлять фабриками и армией, мы должны содержать чужих нам людей, чтобы от них научиться всему необходимому, и то неравенство, которое существует, есть только путь к равенству,— путь к тому, чтобы мы сами научились умело строить нашу жизнь, чтобы мы могли всем давать в будущем то, что им нужно, и от всех брать то, к чему они способны.

Чем была сильна буржуазия, что было источником ее верховенства, когда она была молода? Она устранила положение, при котором крестьяне были рабами; она устра-

нила то положение, при котором ремесленники были привязаны к своему ремеслу, как каторжане; она чувствовала, что она раскрепостила человечество, но она создала новое неравенство между теми, кто имел фабрики и землю, и между теми, кто их не имел. Мы же это неравенство уничтожили в корне. Нет больше класса, который является единственным хозяином средств производства, по отношению к которому другие — рабы. Мы создали положение, при котором средства производства принадлежат обществу, и мы находимся на пути к созданию общества.

Что такое общество, каков идеал общества у нас? Когда мы призываем вас к борьбе с белогвардейцами, когда мы вам говорим: будьте в борьбе с помещиками и буржуазией безжалостны, будьте в этой борьбе людьми как бы вылитыми из железа, не знайте в этой борьбе никакой слабости,— никто из вас не думает, что мы хотим увековечить борьбу человека с человеком. Всякий из вас великолепно понимает, что мы хотим вести эту борьбу без колебаний и без жалости для того, чтобы разбить последнее противодействие класса эксплоататоров, чтобы в будущем не было ни рабочих, ни буржуазии, а были бы только равные люди, равные члены общества, с равными правами и равными обязанностями. Мы уже не рассматриваем буржуазных детей, как детей буржуазного класса: мы кормим их так же, как детей рабочих, чем только можем, потому что мы хотим воспитать их так, чтобы они забыли, что были когда-то детьми буржуазии, что были вообще буржуазия и рабочий класс, что эти два класса сражались не на жизнь, а на смерть. Мы хотим создать общество равных людей, с равными правами и обязанностями. Если мы отказываем буржуазии в выборных правах в наши советы, то почему мы делаем это? Разве мы, как буржуазия, хотим создать класс, который господствует, и класс, который угнетаем? Нет. Для чего же нужно это неравенство? Так как представители буржуазии воспользовались своими политическими правами, чтобы задержать нашу борьбу, целью которой является уничтожение всякой эксплоатации,— мы должны допустить на время политическое неравенство, чтобы устранить основы всякого неравенства. Но одновременно мы говорим: вся-

1058954

ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ
БИБЛИОТЕКА
ЦК ВКП(б)

кому, кто пойдет на фабрику, всякому, кто будет пахать землю, всякому, кто будет тружеником, мы можем дать те права, которыми мы пользуемся, и всякий, кто отречется от преимуществ буржуазии, от ее вожделений, всякий, кто захочет быть тружеником, равен с нами. Мы впервые в жизни пытаемся создать не на словах, а на деле общество равных людей, и в этом глубочайший смысл того, за что мы боремся.

Мне пришлось читать на-днях в издаваемом в Париже белогвардейском журнале «Грядущая Россия» статью одного белогвардейского полковника под заглавием: «Платон Каратаев». Многие из вас, кто знает «Войну и мир» Л. Толстого, помнят, кто такой Платон Каратаев. Это — смиренный, тихий русский солдат, человек, который выносит все тяжелое, все злое, без всякого протеста, который во всяком тяжелом положении находит в себе еще много человеческой доброты. И белогвардейский офицер говорит: что такое Красная армия? Это — тот же самый Платон Каратаев, который когда-то, под руководством Суворова, шел в Италию через Альпы, боролся на всех полях сражений Европы. Он не знал, за что борется, но ему приказывали, и он боролся. Так дело и осталось. И Красная армия, это — Платон Каратаев. Миллионы мужиков сбежались со всех концов России: им приказывают погибать, и они погибают. В том же романе Л. Толстого вы найдете характеристику русского главнокомандующего из времен Отечественной войны 1812 г. — Кутузова и увидите там очень интересное сходство черт и солдата Платона Каратаева и главнокомандующего Кутузова. Как разбивает Кутузов Наполеона? Он не бросается в бой. Он ждет, пока войска Наполеона не заходят далеко вглубь России, где гибнут в снегу от недостатка продовольствия, вязнут в русских болотах, тонут в Березине. И заграничные писатели, когда говорят о России, говорят так: большевики сильны тем, что Россия — страна Платонов Каратаевых, беспомощных крестьян, которым можно приказывать, и они все сделают; они сильны тем, что она страна Кутузовых, не сопротивляющихся врагу, а выжидающих его гибели.

Не наша задача защищать русскую буржуазию от упрека в инертности, безволье. Не подлежит сомнению, что этот прогнивший до глубины души класс,— класс, защи-

щающий рабство, класс, который сам не верит в правоту своего дела,— может наносить нам еще удары только потому, что его поддерживает мировая буржуазия, в бешенстве и отчаянии защищающаяся от неминуемой гибели. Но русский крестьянин и русский рабочий — не Платоны Каратаевы; они доказали русским помещикам и русским буржуа, что они представляют собою новую, в огне страданий крещеную Россию,—Россию, полную воли добиться своей цели. Если они — Платоны Каратаевы, то почему не сумели Деникин, Колчак и Юденич, опираясь на всю мировую буржуазию, захватив половину России, добыть руками русского крестьянина победу над нами? Русская контрреволюция не сумела принудить этого, якобы безвольного крестьянина сражаться против Советской России до победы над нею. А Советская Россия сумела внушить крестьянину убеждение в том, что он сражается под ее знаменем за свое дело; она сумела вести его к победе через неслыханные страдания. Но слой сознательных рабочих и крестьян в России, по сравнению с великим русским народом, не велик. Ему приходится выносить бремя, неслыханное в истории человечества: никогда молодой рабочий класс не боролся с такими громадными затруднениями, как мы — самый молодой, самый слабый рабочий класс в мире, который восстал первый, которому приходится противостоять натиску всего капиталистического мира. Поэтому этот процесс революции идет так тяжело; поэтому мы так медленно создаем новую жизнь; поэтому нам так трудно и поэтому нам приходится брать на себя в сто раз больше обязанностей, чем кто-нибудь мог бы даже придумать.

Советская Россия, если смотреть на нее глазами историка, мыслителя, понимающего то, что происходит, это — громадная страна, богатая всем, но разбитая вдребезги, страна, где рабочий класс в несколько миллионов человек, через самые активные свои элементы, творит новую, великую жизнь, которую в несравненно лучших условиях будут творить после него другие народы. Чем же мы побеждаем? Я указывал на то, что эти курсанты, которые пали в бою с песней Интернационала на устах — не Каратаевы, не безвольные люди, гонимые в бой, а — рыцари Красной Звезды, того ордена, который никогда и никем не ос-

нован, но который существует в нашей груди. И мы хотели бы, чтобы у каждого курсанта было внутреннее чувство, что он принадлежит к этому, никем не основанному ордену рыцарей Красной Звезды.

Когда-то сыновья помещиков Европы под лозунгом освобождения гроба Христа шли далеко-далеко через моря — в Палестину. Они брали на себя неслыханное бремя. Многие шли для грабежа, для мошенничества, но многие тысячи из них шли с глубокой верой, что сражаются за великое дело. Красная армия знает великолепно, что человечество не может быть спасено тем, кто витает где-то за облаками, а что оно будет спасено только трудовым народом и что весь трудовой народ должен подняться на борьбу за свое спасение. Но трудовой народ нуждается в передовом ударном отряде. Этим передовым отрядом является Коммунистическая партия и вы, курсанты.

Вас ставят на посты, где не должна дрогнуть рука, где каждый красноармеец должен знать, что он погибнет или победит на этом посту. И для того, чтобы вы могли выполнить свою задачу, вы должны чувствовать себя членами не только трудового народа, но вы должны знать, что вы — передовой отряд, что вы — этот орден Красной Звезды, задачей которого является ускорить нашу победу, помочь трудовому народу пробиться. И вы должны чувствовать, что в вас собрана вся энергия, вся сила не только русского трудового народа, не только этих миллионов крестьян, которых пороли, которые голодали, вы должны чувствовать себя не только сыновьями русских пролетариев, которые пришли из голодных деревень в голодный город, которые жили в городе хуже, чем скот, жили в конурах, где дети рождались с туберкулезом,— вы должны чувствовать себя передовым, боевым отрядом международного рабочего класса. Вы должны чувствовать себя первым отрядом, брошенным в бой для того, чтобы держать в руках своих переходы через самые важные ущелья. Вы должны понимать, что курсанты, это — представители рабочего класса, родившиеся в неслыханных страданиях нового мира, что в будущие столетия будут говорить о том, что здесь, в этой отсталой стране, нашлись люди, которые грудью пробили путь для всего человечества.

Большинство из вас выросло, воспиталось в таких ус-

ловиях, что вам не приходилось учиться древней истории. Многие из вас, вероятно, не знают предания из древней истории об отряде спартанцев, под предводительством Леонида, которые сражались до последнего человека и надпись на могиле которых гласит: «Чужестранец, пойди в родной наш город и возвести, что мы здесь пали все, верные его законам». Когда я был мальчиком и изучал в гимназии греческую историю, не зная тогда, что такое социализм, эти слова, что «здесь покоятся люди, которые погибли за верность законам своего отечества», казались мне чем-то неслыханно высокими. Я не знал, что жизнь даст мне счастье работать в стране среди рабочего класса, который выдвинет отряд, перед которым я буду в состоянии говорить с глубокой уверенностью, что он меня поймет, что всякий из нас желает только одного: *жить так и погибнуть так, чтобы рабочий класс всего мира знал, что он погиб за законы жизни рабочего класса, который взял эту окровавленную землю, усеянную трупами, в свои руки, еще неумелые, но единственные руки, которые снова могут двинуть мир на правильные рельсы.*

И в глубоком убеждении, что то, что мы творим, есть единственное, что может спасти человечество,— в этом убеждении не только залог нашей победы, но и источник всей нашей силы. Мы имеем право, имеем возможность говорить ежедневно Красной армии, красным курсантам: жизнь, которую мы строим, будет так хороша, так велика, что стоит за нее погибнуть. Мы все здесь присутствующие, быть-может, не доживем до старости. Перед нами путь длинный, и нам придется еще много бороться. Мы не знаем, куда призовет нас история, где мы будем сражаться, но мы знаем, что перед нами — длинный путь, и что в боях погибнет еще много наших братьев. И все-таки, когда мы об этом говорим, мы говорим не с горестью, а с глубокой радостью, ибо мы глубоко убеждены, что *смерть всякого из нас есть залог жизни.*

Когда-то люди мечтали о бессмертии. Человек проживал маленькую жизнь; он был маленьким человеком, который, не творя ничего великого, думал только о том, чтобы не погибнуть с голоду: ему казалось, это будет неслыханно, бессмысленно, если он умрет, и ничего от него не останется. Рабочий или крестьянин, который всю жизнь

пахал свой клочок земли, гнал скотину в поле или стоял за станком, спрашивал себя: разве это имеет какой-нибудь смысл? И так как жизнь не имела никакого смысла, он выдумал новую жизнь, после смерти, где он будет не рабом, а счастливым бессмертным духом, слушающим музыку звезд. Из-за слабости своей он создавал этот надзвездный мир. Идя на смерть, мы знаем, что не будет другой жизни, что если пал солдат в бою, от него ничего не останется. Но все-таки каждый из нас идет на смертный бой с глубоким убеждением *в бессмертии того дела*, которое мы творим. Буржуазные историки описывают в своих сочинениях историю человечества как ряд войн, в которых побеждают великие полководцы. Мы знаем, что не вожди побеждают, не полководцы, а та армия, те миллионы людей, имен которых никто не знает. И сознание, что дело, которое мы творим, есть дело рабочих масс, рабочего класса, что оно есть дело каждого из нас, что если оно победит, то и мы победим,— это сознание есть то, что дает радость жизни и отнимает боязнь смерти в тяжелую минуту. Мы знаем, что эти курсанты, которые там погибли, будут жить в сердцах наших товарищей, что все мы, знавшие их, будем помнить и знать, что они погибли за наше дело, будем любить их и вспоминать, как они совместно с нами боролись против врагов. И наши красноармейцы, которым мы расскажем об их подвигах, получат новую поддержку, новую силу, новую уверенность от сознания того, что дело их бессмертно. Именно потому, что мы ценим и любим нашу жизнь, именно потому, что мы знаем, что строим великое здание, мы говорим спокойно: мы хотим строить это здание нашей кровью, нашим потом, и если понадобится положить в фундамент нашего дела нашу жизнь, мы это радостно сделаем, и когда воздвигнется это здание, когда трудовой народ сделается хозяином своей жизни, когда он не будет принужден проливать кровь, когда он не будет больше голодать, а будет жить жизнью сознательных людей, тогда он, даже не зная наших имен, будет знать, что фундаментом этого здания являются те тысячи передовых рабочих, которые, имея перед собой разрушенный, окровавленный мир, сказали: мы очистим путь для новой жизни хотя бы ценой своей жизни.

Понятно, лучше жить, работать и воздвигать это зда-

ние, ибо всякому из нас хотелось бы видеть, как будет выглядеть новая жизнь. И когда я смотрю на маленьких детей, меня глубоко волнует вопрос: как будет выглядеть мир, когда они будут взрослыми. Но всякий из нас знает, что этот новый мир родится только тогда, когда каждый из нас не будет бояться смерти. Поэтому смерть, которой мы спокойно смотрим в глаза, смерть, которую мы привыкли считать опасностью,— *эта смерть является для нас символом жизни, самым сильным, самым великим подвигом жизни.*

И мы, прощаясь с товарищами, о геройской смерти которых мы только-что слышали, можем сказать,— не телам их, которые нас не слышат, не душам их, о существовании которых наука ничего не говорит,— но мы можем сказать себе, что если бы они могли крикнуть нам из могилы: «*будь готов*», мы ответили бы нашим боевым лозунгом, которому учим нашу молодежь: «*всегда готов*».

ПОРТРЕТЫ

ЛЕНИН

К 25-летию партии

Как все в природе, Ленин, наверное, родился, развивался, рос.

Когда Владимир Ильич однажды увидел, что я пересматриваю только-что появившийся сборник его статей 1903 г., его лицо осветилось хитрой улыбкой, и он, хихикая, сказал: «Очень интересно читать, какие мы были дураки». Но я не собираюсь здесь сравнивать форму черепа Ленина, когда ему было 10, 20, 30 лет, с тем черепом, который блестит на заседаниях Центрального комитета партии или Совнаркома. Не о развитии Ленина-вождя идет здесь речь, а о Ленине, каков он теперь. Павел Борисович Аксельрод, родоначальник меньшевизма, который ненавидит Ленина всей душой,— на нем очень легко изучать, как любовь переходит в ненависть,— в одной из бешеных филиппик, которыми он пытался убедить меня в эловредности большевизма вообще, а Ленина в частности, рассказывал, как Ленин попал первый раз за границу и как они тогда ходили совместно гулять, купаться. «Я тогда почувствовал,— говорит Аксельрод,— что имею дело с человеком, который будет вождем русской революции. Он не только был образованным марксистом,— таких было очень много,— но он знал, что он хочет делать, и как это надо сделать. *От него пахло русской землей*». Павел Борисович Аксельрод — очень плохой политик и от него не пахнет землей. Он — кабинетный резонер, вся жизненная трагедия которого состояла в том, что в то время, когда не было рабочего движения в России, он выдумал схемы, как оно должно развиваться, а когда оно стало развиваться иначе, то он ужасно обиделся и до сегодняшнего дня

раздраженно кричит на непослушного ребенка. Но человек часто очень хорошо замечает в другом то, чего ему самому недостает, и Аксельрод в своих словах о Ленине неслыханно метко схватил все его качества, как вождя.

Немыслим такой вождь рабочего класса, который не знал бы всей истории своего класса. Без этого знания нет вождя так же, как нет ни одного современного великого полководца, побеждающего с наименьшей затратой сил, который не знал бы истории стратегии. История стратегии — не собрание рецептов, объясняющих как выигрывать войну, потому что описанное положение ни разу больше не повторяется. Но детальное изучение истории стратегии изощряет ум полководца, придает ему военную гибкость, позволяет ему видеть опасности и возможности, которых не видит полководец-эмпирик. История рабочего движения не говорит нам, что надо сделать, но она позволяет, сравнивая наше положение с положением в различные решающие моменты, уже пережитые нашим классом, видеть задачи и замечать опасности. Но нельзя знать истории рабочего движения без детального знакомства с историей капитализма, с его механикой, во всех проявлениях, как экономических, так и политических, т.-е. без знакомства с теорией капитализма. Ленин знает теорию капитализма, как немногие из учеников Маркса. Это не только знакомство с текстами: *Ленин продумал теорию Маркса, как никто.* Возьмите его маленькую брошюрку по поводу наших споров о профессиональном движении, в которой он громит Николая Ивановича Бухарина, как повинного в синдикализме, эклектизме и других страшных грехах (когда Владимир Ильич кого-нибудь громит, то он находит в нем все болезни, которые числятся в известной старой медицинской книге, находящейся у него в большом почете). В этой полемической брошюрке есть маленькая страничка, посвященная разбору разницы между диалектикой и эклектикой, страничка, которую не цитируют ни в каких сборниках статей об историческом материализме, но которая о нем больше говорит, чем целые главы других толстых трудов. Ленин самостоятельно воспринял и продумал теорию марксизма, как никто другой, по той причине, что он изучал ее с той самой целью, с какой ее Маркс создавал. Когда-то старик Меринг написал рецензию об одной книге

о Фейербахе, написанной русским, фамилии которого я не помню. В этой рецензии он спрашивал, почему такой книги не в состоянии написать немец. И Меринг ответил на этот вопрос: немцы не ставят себе задачей преобразование всего общественного и политического строя в Германии, и поэтому они потеряли чутье и понимание философских систем, являющихся отражением стремления к такому преобразованию. В России же стоит на очереди общий переворот. *Ленин вошел в движение, как персонификация воли к революции, и он изучал марксизм, изучал развитие капитализма и развитие социализма под углом зрения его революционного значения.* Плеханов был революционером, но Плеханов не был человеком воли, и при громадном его значении, как учителя русской революции, он был в состоянии учить ее только алгебре, а не арифметике революции. Как показала история, он сам запутался в четырех арифметических действиях русской революции, и поэтому его алгебра революции была больше преподаванием готовых учений, чем самостоятельной борьбой мысли. В этом пункте лежит переход от Ленина-теоретика к Ленину-политику.

Марксизм связал Ленина с общей стратегией рабочего класса, но вместе с тем он подвел его самым конкретным образом *к той стратегической задаче, которая выпала на долю рабочего класса России.* Можно сказать, что в академии генерального штаба он изучал не только Клаузевицев, Жомини и Мольтке, но изучал, как никто в России, и театр будущей войны русского пролетариата. *В этой небывало интенсивной интимной связи с полем своей деятельности — весь гений Ленина.* Мне придется в другом месте разбирать вопрос, почему такой великий ум, как Роза Люксембург, не была в состоянии понять правоту Ленина при возникновении большевизма. Тут я могу только предвосхитить результаты этого исследования. Роза Люксембург не понимала конкретно, чем отличается экономическая и политическая обстановка борьбы русского пролетариата от обстановки борьбы польского и западно-европейского пролетариата. Поэтому она в 1904 г. сочувствовала меньшевизму в организационных вопросах. Меньшевизм был в исторической перспективе политикой мелкобуржуазной интеллигенции и наиболее мелкобуржуазных

слоев пролетариата. Методологически меньшевизм был попыткой перенесения тактики западно-европейского рабочего движения в Россию. Когда читаешь статьи Аксельрода или Мартова о самостоятельности развития рабочего класса, о том, как он должен учиться ходить на собственных ногах, то все эти идеи очень подкупают всякого, кто вырос на западно-европейском рабочем движении. И я помню, как, знакомясь с полемикой русских социал-демократов во время первой революции й не зная конкретной русской действительности, я не мог понять, как это можно отрицать такие азбучные истины. Но в этом великолепном плане недоставало только условий для применения этой тактики и теперь исторически доказано, что все разговоры меньшевиков о самостоятельности рабочего движения были на деле разговорами о том, как русское рабочее движение должно подчиниться буржуазии. Крайне интересно читать теперь споры о пресловутом первом параграфе устава партии, из-за которого произошел раскол социал-демократии на меньшевиков и большевиков. Каким сектантским казалось тогда требование Ленина, чтобы членами партии считались только члены нелегальной организации. А о чем же шло дело? Ленин боролся против того, чтобы политику рабочей партии определял интеллигентский кисель. Перед первой революцией всякий недовольный врач и адвокат почитывал Маркса и считал себя социал-демократом, будучи на деле либералом. Даже входя в нелегальную организацию, даже порвав с мещанской обстановкой, многие интеллигенты оставались, как это после доказала история, в глубине души либералами. Но сужение рамок партии до круга людей, которые шли на риск участия в нелегальной организации, все же уменьшало опасность буржуазного засилия в рабочей партии, давало возможность революционной струе рабочего класса пробиться через сито партийной организации, которая и так в значительной мере оставалась интеллигентской. Но чтобы это понять, чтобы из-за этого расколоть партию, для этого надо было быть так связанным с русской действительностью, как был связан с нею всем своим нутром Ленин, как русский марксист, как русский революционер. Если это было неясно многим хорошим марксистам в 1903—1904 гг., то это стало уже вполне ясным с того момента, когда

П. Б. Аксельрод начал подменять классовую борьбу пролетариата против русской буржуазии пресловутой земской кампанией, т. е. хождением рабочих на либеральные банкеты с двойной целью: увидать буржуа и проникнуться ненавистью к классу капиталистов, которых рабочие вне банкета, как известно, не видели, а затем, чтобы воспитывать капиталистов в понимании необходимости борьбы за общенациональные интересы.

Но и в том, *как* Ленин знает русскую действительность, он отличается от всех других, которые протягивали руку к жезлу властителя дум русского пролетариата. Он русскую действительность не только знает, он ее видит и чувствует. На всех поворотных пунктах истории партии, особенно в момент, когда мы стали у власти и от решений партии зависели судьбы 150 миллионов людей, меня в Ленине поражало то, что англичане называют «common sense» т.-е. здравый смысл. «Вот,— скажут люди,— комплимент для человека, относительно которого мы убеждены, что такие являются один раз в сто лет,— признал за ним здравый смысл». Но в этом — его величие, как политика. Когда Ленин решает большой вопрос, он не мыслит абстрактными историческими категориями, он не думает о земельной ренте, о прибавочной стоимости, об абсолютизме, о либерализме. Он думает о Собакевиче, о Гессене, о Сидоре из Тверской губернии и о рабочем с Путиловки, о городовом на улице и думает о том, как данная мера повлияет на мужика Сидора и на рабочего Онуфрия, как носителей революции.

Я не забуду никогда моего разговора с Ильичем перед заключением Брестского мира. Все аргументы, которые мы выдвигали против заключения Брестского мира, отскакивали от него, как горох от стены. Он выдвигал простейший аргумент: войну не в состоянии вести партия хороших революционеров, которые, взяв за горло собственную буржуазию, не способны итти на сделку с германской. Войну должен вести мужик. «Разве вы не видите, что мужик голосовал против войны?»— спросил меня Ленин. «Позвольте, как это голосовал?» «Ногами голосовал, бежит с фронта». И этим дело для него было решено. Что мы не уживемся с германским империализмом. Ленин не только знал, как все другие, но он, защищая Брестскую пере-

дышку, не скрывал ни на один момент перед массами, какие бедствия она нам сулит. Но хуже немедленного разгрома русской революции она не была,— она давала тень надежды, передышки, хотя бы на несколько месяцев, и это решало. Надо было, чтобы мужик дотронулся руками до данной ему революцией земли, надо было, чтобы встала перед ним опасность потери этой земли, и тогда он будет ее защищать.

Возьмем другой пример. Это было в момент, когда начинались наши переговоры с Польшей в Риге. Я уезжал тогда за границу и зашел к Ильичу поговорить о только-что намечавшихся разногласиях по вопросу об отношении к профсоюзам. Подобно тому, как при решении вопроса о Брестском мире Ленин видел глазами своей души мужичка из Рязанской губернии и — зная, что он решающая персона в военной драме,— равнялся по нему, так — в момент перехода от гражданской войны к хозяйственному восстановлению России — он равнялся по рядовому рабочему, без которого нельзя восстановить хозяйство. К чему сводился для него вопрос? На партийных собраниях говорили о роли профсоюзов в хозяйстве, о сращивании профессиональных организаций с хозяйственными организациями, договорились до споров о синдикализме и эклектизме, а Ленин видел обтрепанного рабочего, который вынес неслыханное и невиданное, и который теперь должен восстановлять хозяйство. Что хозяйство надо немедленно восстановлять, что надо подтянуться, что мы для этого имеем право подтянуть рабочую массу,— это для него было бесспорно. Но можем ли мы ее немедленно подтянуть, послав на фабрики тысячу самых лучших наших военных товарищей, привыкших командовать? От крика в производстве ничего не произойдет. Надо дать передышку, рабочие неслыханно устали. Вот это было решающим аргументом для Ленина. Он видел своими глазами действительного русского рабочего, каким он был зимой 1920 г., и он чувствовал всем своим существом, что возможно и что невозможно.

Во вступлении к «Критике политической экономии» Маркс говорит, что история ставит перед собой только разрешимые задачи. Это означает, иными словами, что орудием истории является тот, кто понимает, какие зада-

чи в данный момент исторически разрешимы, и борется не за желательное, а за возможное. Величие Ленина состоит в том, что никакая вчера созданная формула не мешает ему видеть изменяющуюся действительность, и что он имеет мужество отбросить всякую, вчера им самим созданную формулу, если она сегодня мешает ему охватить эту действительность. Перед взятием власти мы, как революционные интернационалисты, выдвигали лозунг мира народов против мира правительств. И вдруг мы оказались рабочим правительством, а многоуважаемые народы не успели еще скинуть капиталистических правительств. «Как же мы будем заключать мир с правительством Гогенцоллернов?» — спрашивали многие товарищи. Ленин отвечал нам: «Вы хуже курицы. Курица не решается перешагнуть через круг, начерченный вокруг нее мелом, но она может для своего оправдания хотя бы сказать, что этот круг начертала вокруг нее чужая рука. Но вы-то начертали вокруг себя собственной рукой формулу и теперь смотрите на нее, а не на действительность. Наша формула мира народов должна была поднимать массы на борьбу с капиталистическими правительствами. Теперь вы хотите, чтобы мы погибли, и чтобы победили капиталистические правительства во имя нашей революционной формулы».

Величие Ленина в том, что он ставит себе цели, вырастающие из действительности. В этой действительности он намечает сильную лошадь, идущую по пути к его целям, и ей доверяется. Он никогда не садится на качели своих мечтаний. Но мало того. Его гений определяется еще одним элементом: наметив себе цель, он ищет в действительности средств, соответствующих этой цели: он не довольствуется тем, что установил цель,— он продумывает с полной конкретностью, что нужно для того, чтобы эта цель была достигнута. Он разрабатывает не только план кампании, но и организацию этой кампании. Наши организаторы часто смеялись над Ильичем, по поводу того, что он будто не организатор. Если посмотреть, как Ильич работает у себя в кабинете, в Совнаркоме, то кажется, что невозможно быть более плохим организатором. Он не только не имеет штаба секретарей, подготовляющих ему материал, но до сегодняшнего дня не научился диктовать стено-

графистке и даже на самопишущее перо посматривает почти так, как мужик с Дона на встреченный им впервые автомобиль. Но укажите в партии хотя бы одного человека, который сумел бы выдвинуть центральную идею о реформе нашего бюрократического аппарата в продолжение десятка лет,— реформе необходимой, если мы не хотим, чтобы обиженный чиновниками мужик взвыл. Все мы знаем бюрократический аппарат, все мы воем, дебоширим по поводу «маленьких недостатков советского механизма». Но кто из руководителей партии сказал себе: новая экономическая политика подвела новый базис под союз пролетариата с крестьянством,— как же позволить, чтобы бюрократия разрушала этот союз? А великий политик русского пролетариата на одре болезни, оторванный ею от мелочей действительности, все думал о центральном вопросе нашей государственной организации и наметил план борьбы на десятилетие. Это еще только первый набросок, детали будут меняться при проверке на опыте. Но чем более вдумываешься в этот беглый набросок, тем более становится ясно, что Ленин снова попал не в бровь, а в глаз, что он снова доказал, как в нем соединяется великий политик с великим политическим организатором.

Как все это в нем соединилось — бог знает (пусть меня извинят т. Степанов и комиссия по борьбе с религиозностью). История имеет свои самогонные аппараты, которых не откроет никакой угрозыск. Германская буржуазия не сумела объединить Германию, и где-то в маленькой помещичьей усадьбе, в самогонном аппарате истории, был создан — богом ли, чортом ли,— т. е. молекулярной работой истории, Бисмарк, который эту задачу выполнил. Когда читаешь первые его доклады, когда следишь шаг за шагом за развитием его политики, разводишь руками и спрашиваешь себя, откуда этот громадный охват всеевропейской действительности у прусского помещика. Та же мысль приходит всегда в голову, когда думаешь об истории нашей партии, об истории революции и об Ильиче. В продолжение 15 лет казалось, что человек борется за всякую запятую в резолюции, борется со всякими «измами», которые выдумывались на протяжении 25 лет, начиная от хвостизма и кончая эмпириокритицизмом. Всякий такой

«изм» был для Ленина отражением какого-то действительного врага, существующего в чужих классах или в рабочем классе, существующего в действительности. Эти «измы» были щупальцами действительности, и он через все это втягивал в себя эту действительность, изучал, продумывал ее, пока совершилось чудо: подпольный человек оказался самым почвенным человеком русской действительности. История не знает ни одного примера такого перехода от подпольного революционера к государственному человеку. Это соединение качеств руководящего теоретика, политика и организатора сделало Ленина вождем русской революции. Но для того, чтобы этот вождь был единым, общепризнанным вождем, нужно было еще что-то человеческое, за что Ленин стал любимым человеком русской революции.

Ибсен пытается убедить нас, что человеку абсолютно нужна правда: в ибсеновской индивидуальной формулировке эта правда очень далека от правды. Для многих людей правда убийственна, она убийственна даже для многих классов. Если бы буржуазия поняла правду о себе и усвоила бы ее нутром, то она уже сегодня была бы разбита, ибо как бороться, когда правда истории тебе говорит, что ты не только приговорен к смерти, но и что самое тело твое бросят в клоаку. Буржуазия спасается глухотой и слепотой от своей участи. Но революционный класс нуждается в правде, ибо правда есть знание действительности, и нельзя победить эту действительность, не зная ее. Частью этой действительности являемся мы, рабочий класс, коммунистическая партия. И только, зная свои силы, свои слабости, мы в состоянии принимать меры, необходимые для окончательной победы. Ленин говорит пролетариату правду, и только правду, как бы печальна она ни была. Когда ее слушают рабочие, они знают, что в его речи нет ни одной фразы. Он помогает нам ориентироваться в действительности. Я жил в Давосе с помирающим от чахотки старым большевиком-рабочим. Тогда шла дискуссия о самоопределении национальностей, в которой мы, польские революционеры, боролись со взглядами Ленина. Товарищ, о котором идет речь, читая мои тезисы против Ленина, говорил мне: «То, что вы пишете, меня вполне убеждает, но сколько раз я был против Ильича, и всегда оказывался непра-

вым». Так думают руководящие работники партии, и это создает авторитет Ленина в партии. Рабочих более связывает с Лениным не то, что он тысячу раз оказывался прав, а то, что когда он оказывался неправ, когда под его руководством была сделана ошибка, он говорил открыто: «Мы сделали ошибку, за это нас побили, вот как ее надо исправить». Многие спрашивали: к чему об ошибках, зачем ему это нужно? Не знаем, почему это делал Ленин, но последствия этого вполне ясны. Рабочий чересчур вырос, чтобы верить в героев-спасителей. Когда Ленин говорит об ошибках, не скрывая ничего, он вводит рабочего в свою лабораторию мысли, он дает возможность принимать участие в последних решениях, и рабочие видят в нем вождя, который есть их лаборатория, который есть олицетворение борьбы их класса, который — они сами. Великий класс, которому нужна правда о себе, любит всем сердцем вождя, правдивого человека, говорящего ему правду о нем же самом. От него рабочий перенесет всякую правду, как бы тяжела она ни была. Человек верит в свои силы только тогда, когда он ничего в себе не замазывает, когда он знает о себе все самые тяжелые возможности, и когда он может сказать о себе: а все-таки... Ленин помогает рабочему классу знать о себе все самое худшее, и, несмотря на это, сказать в последнем итоге: я есмь его величество пролетариат, будущий властитель и творец жизни. И в этом конечном итоге величие Ленина.

В день 25-летия партии, которая не только несет на спине своей ответственность за судьбы шестой части земного шара, но является главным рычагом победы мирового пролетариата, русские коммунисты и все, что есть революционного в мировом пролетариате, будут иметь одну мысль, одно горячее желание, чтобы этот Моисей, который вывел рабов из страны неволи, вошел вместе с нами в землю обетованную.

Март, 1923 г.

Я. М. СВЕРДЛОВ

Когда я, приехав в Петроград в ноябре 1917 г. и переговорив с Владимиром Ильичем о положении за границей, спросил его, с кем переговорить насчет всей работы, он ответил мне просто: «Со Свердловым». Я о т. Свердлове раньше уже слышал как об одном из лучших нелегальных организаторов партии, но так как работа, о которой шла речь между мною и т. Лениным, касалась организации наших заграничных связей, то я был немного удивлен; однако, после нескольких минут разговора со Свердловым у меня исчезло всякое сомнение.

Свердлов поставил мне ряд точных и ясных вопросов: во-первых, насчет размеров наших связей из Стокгольма с Германией, Францией и Англией; во-вторых, насчет техники этих связей и, в-третьих, насчет моих наблюдений на финско-шведской границе.

Намотав это себе на ус и задумавшись немного, он указал на царскосельское радио как на новый, до того времени не находившийся в руках революционеров метод связи. «Но главное,— сказал он мне, наконец,— это теперь связь через германский фронт». Он просил меня снестись с Петроградским комитетом насчет связи с военнопленными и обдумать все прочее. Центр работы он предложил устроить в виде отдела внешних сношений при ВЦИКе. Я спросил его насчет людей, которых он может мне предоставить. Он снова, не давая конкретного решения, указал на путь к нему: «Надо вам подыскать себе людей из эмиграции, знающих заграницу, и из людей, хорошо знающих фронт; деньги и все прочее будете получать по мере надобности. Один совет: не обволакивайтесь кан-

целярией, стройте аппарат в зависимости от роста работы».

Произвел на меня т. Свердлов впечатление человека, очень ясно ориентирующегося в условиях работы и лишенного всякого самодурства. Центральный организатор, намечающий пути, дающий задания, но не думающий, что может сам все держать в своих руках.

Я еще не успел наладить работу, а только немного осмотрелся, когда получил от Владимира Ильича приказ отправиться обратно в Стокгольм для первых предварительных переговоров с представителем германского правительства, главным советником Бетман-Гольвегом. Мы имели сведения, что военная клика в Берлине против мирных переговоров, и что она пугает правительство тем, что большевики идут на конференцию только для агитации. Это их убеждение я должен был рассеять.

Перед отъездом я имел долгий разговор со Свердловым, который добродушно радовался по поводу того, что именно мне выпала на долю задача доказывать, что мы — люди, не связывающие агитацию с мирными переговорами. Смеясь, сказал он мне на прощание: «Интересно, сумеете ли вы принять очень невинный вид. Хотел бы на вас при этом посмотреть».

Когда я вернулся из Стокгольма, Свердлов вызвал меня к себе и, дав понять, что не считает меня первоклассным организатором, завел разговор о военнопленных. «Что значит агитация через брошюру? Брошюра передает схему революции, но не передает ее дыхания. Главную роль в распространении идей Советской России сыграют вначале военнопленные, когда они вернутся домой. Даже те, которые настроены против нас, когда очутятся лицом к лицу с буржуазной действительностью, сделаются рассадниками наших идей. Надо подобрать в каждой национальной группе военнопленных ударный кулак для агитации среди военнопленных. Если это удастся,— удастся все. Тут стоит приналечь и не щадить себя».

В будущем предсказание т. Свердлова вполне оправдалось. Организатор, привыкший работать через живых людей, а не через мертвую бумагу, инстинктом своим великолепно схватил сущность дела. Роль Бела Куна, Тибора Самуэли и других венгерских военнопленных, роль Муна

и товарищей в Чехо-Словакии показали, какое значение имела инициатива Свердлова.

После Брест-Литовского мира, в тяжелые месяцы борьбы советской власти против брестского ига, Свердлов все время держал связь с работой среди военнопленных. Он интересовался не только общей постановкой работы, а приказывал присылать к нему людей для разговора, чтобы их «понюхать», как выражался Свердлов.

У Свердлова, как известно, в голове была партийная картотека со всеми живыми и мертвыми активными работниками партии. Видно было, как во время разговора о военнопленных, выдвигающихся у нас, и об известных нам заграничных товарищах он создавал в своем мозгу уже новую международную картотеку на случай победы революции в одной или другой стране.

После Брестского мира я объединял работу по руководству отделом Центральной Европы в НКИД и по руководству отделом внешних сношений при ВЦИКе. Как по той, так и по другой работе мне часто приходилось иметь дело с Яковом Михайловичем.

Вспоминаю теперь ярко два момента. Совнаркомом была создана комиссия по выполнению Брестского договора. Руководителем этой комиссии назначили меня. Комиссия должна была сосредоточить надзор за работой, которую выполняли разные ведомства на основании Брестского договора. Я собрал междуведомственное совещание. Выяснив с собравшимися задачи, я попросил их наметить приблизительно, какие кредиты для этого понадобятся. По подсчету заявленных требований составлена была смета, если не ошибаюсь, в 5 или 6 миллионов рублей в месяц на организационные канцелярские расходы. Я, как человек, который раньше никогда больше 100 рублей в месяц не расходовал, ужаснулся и заявил собравшимся представителям ведомств, что никакого предварительного бюджета не надо, ибо это будет только стимулом для создания брестских канцелярий при каждом ведомстве. Я предложил выделить по одному человеку в каждом ведомстве, с которым я буду сноситься, а после посмотрим, какие он будет иметь расходы. Когда я рассказал об этом Свердлову, он ужасно обрадовался: «Если бы вы не отклонили их предложения, то мы наверно больше уплатили бы комис-

сариатам, чем немцам во исполнение мирного договора. Но сколько же денег надо вам на центральный аппарат?»— спросил он меня. Я попросил 100 000 руб. Свердлов и Владимир Ильич ужасно смеялись

Можно представить себе мою гордость, когда в день аннулирования Брестского договора я вернул в кассу ВЦИКа 93 000 рублей из ассигнованных 100 000 рублей. Правда, мы не очень-то много пунктов из Брестского договора исполнили, но не подлежит сомнению, что, если бы я не послушал совета Свердлова не обрастать канцеляриями, комиссариаты развели бы такую бумажную работу, что мы на нее потратили бы не один миллион рублей.

Когда был убит Мирбах и начали накопляться сведения о военном кольце, которым Германия окружает нас, Свердлов вызвал меня и сказал, что, в случае немецкого наступления, перед которым придется эвакуироваться на восток, мне и т. Куну придется, наоборот, эвакуироваться на запад; что немцы будут нас искать в Центральной России и что, поэтому, базу для агитации среди немецких войск надо создать в Смоленске; что он даст поручение там же подыскать квартиру, устроить нелегальную типографию и перевезти шрифты, нам же теперь не следует отправляться туда, чтобы преждевременно не расконспироваться в качестве большевиков, но нужно быть наготове на случай опасности. Он взял все имевшиеся у нас справки о том, откуда можно добыть иностранный шрифт, и просто, ясно и спокойно выяснил со мною предстоявшие нам задачи. В этом разговоре из него били сила, уверенность и спокойствие революционера, готового исполнить свой долг на всяком посту, при всякой обстановке и требующего того же от всякого товарища. Несмотря на то, что Свердлов был скуп на слова и старательно прятал свои чувства, всякий чувствовал в нем не только человека политического расчета и организатора, передвигающего шахматные фигуры на доске партии, но и революционера, связанного какими-то невидимыми нитями чувства с каждым революционером, которого он включал в свою картотеку партийного актива. Поэтому так радостно было с ним работать.

Когда вспыхнула германская революция, мы имели только смутные сведения о происходящем. Я пытался до-

биться связи по Юзу с министерством иностранных дел в Берлине, но Ковна, где сидел генерал Гофман, рвала эту нашу связь. Когда удалось ее, наконец, получить, у аппарата в Берлине оказался чиновник министерства иностранных дел, который на все вопросы отвечал: «Не знаю, никого нет». «Прикажите ему отвечать именем председателя ВЦИКа с ответственностью перед председателем берлинского совета рабочих и солдатских депутатов». Это не был маневр. В словах Свердлова и в его глазах чувствовалось все достоинство представителя великой русской революции и уверенность, что раз в Германии вспыхнула революция, то чинуша в министерстве иностранных дел не посмеет не послушаться, если ему твердо приказать. И чинуша послушался.

Со всех сторон на нас жали оставшиеся миссии нейтральных держав. Германия была разгромлена; ясно было, что союзники возьмутся за очередную задачу и попытаются разгромить Советскую Россию. Посыпались ноты и заявления протеста по поводу красного террора. Владимир Ильич поручил мне составить ответную ноту. Свердлов, присутствовавший при разговоре, сказал мне: «Бросьте канцелярщину, напишите так, чтобы почувствовали». Я составил проект известной ноты о белом и красном терроре, которая была выдержана в совершенно недипломатическом тоне. Тов. Чичерин немного испугался сравнения иностранных держав с шакалами и настаивал на удалении этого места. Я апеллировал к Свердлову. Свердлов, хохоча в телефон, предложил, в качестве компромисса, «шакалы» заменить «гиенами», что и было сделано.

Когда, по поручению ЦК, я написал ноту Вильсону и прочел ее позже тт. Ленину и Свердлову, Свердлов бросил слова о «послании запорожцев», которые были потом увековечены известной каррикатурой.

Мы добились приглашения на съезд рабочих и солдатских депутатов в Германии. Свердлов составил делегацию из Бухарина, Раковского, Иоффе, Игнатова и меня (т. Бухарин ошибается в своих воспоминаниях о т. Мархлевском: т. Мархлевский не был в делегации, он отправился в Германию в январе 1919 г.). Мы собрались для установления линии действия, Свердлов у телефона давал распоряжения насчет снабжения нас на дорогу, сам из своих

кожаных штанов вытянул пакет с деньгами (могу теперь выдать тайну, какие «кучи золота» везла эта авторитетная комиссия Советского правительства: мы получили 200 000 марок) и распределил роли, все шутя. Через час приехал и грузовик с продовольствием для нас, которые должны были подкормить и Либкнехта, Меринга, Розу Люксембург и других истомившихся в тюрьмах товарищей. Каково же было мое удивление, когда я на грузовике увидел бочку меда и крупу. Что-то перепутали в кладовых ВЦИКа, и мы, как древние евреи на пути своем из Египта в Палестину, должны были питаться всю дорогу манной кашей. Между прочим, этой же манной кашей с медом кормили и немецких солдат, когда нас в Вильне арестовал генерал Фалькенгейм и отправил в товарном вагоне в Минск. Правду говоря, я рассердился на эти две бочки и приказал их снять, но Свердлов добродушно сказал мне: «Каша, так каша, может пригодиться, берите ее спокойно с собой». Мы расстались, и это был последний раз, когда я видел Свердлова. Мне пришлось с ним только еще раз говорить по Юзу из Минска, куда мы попали после того, как наш поезд был задержан немцами, и мы были отправлены через Литву обратно в Советскую Россию.

Я по Юзу обратился к Свердлову с запросом, не попытаться ли мне проехать нелегально в Берлин через отступающие немецкие войска. Свердлов без единой минуты задержки дал ответ: поехать, приказав ждать нарочного с полномочиями на мое имя, как представителя ВЦИКа.

Когда я в марте 1919 г. сидел в тюрьме и прочел во «Франкфуртской газете» известие о смерти Якова Михайловича, я не поверил. Так не вязалось с этим кипучим человеком мысль о его исчезновении из актива русской революции, что я считал эти сведения уткой, и они не вызывали во мне никакого чувства огорчения. В мае месяце я получил письмо от жены, через датский Красный крест. Она, понятно, была убеждена, что я знаю о смерти Свердлова и не писала ничего о ней. Только описывая партийный съезд, она заметила, что около нее прошел какой-то товарищ в кожаном костюме, роста Свердлова, и что тогда ее сердце сжалось при мысли, что если мне судьба позволит вернуться в Россию, то я больше Свердлова не увижу.

Вернувшись, я увидел его могилу у Красной стены.

ДЗЕРЖИНСКИЙ

Социал-демократия Польши возникла из великих забастовок, охвативших в 90-х годах польские рабочие районы, и из опыта распада полутеррористической полузаговорщической первой социалистической партии в Польше, партии «Пролетариат». Рожденная в бою с социал-патриотическим течением в 1893 г., она скоро подверглась массовым арестам и была полностью разгромлена. Легкость, с которой царской полиции удалось ее разгромить, в значительной мере объяснялась тем, что партия насчитывала среди своих членов очень маленькую горсть интеллигенции. Отсутствие интеллигенции в рядах партии объяснялось националистическим характером этой ителлигенции и ярко антинационалистическим направлением молодой рабочей партии, которая с первого дня своего существования выдвинула лозунг единства борьбы и целей польского и русского пролетариата. Арест Ратинского, Веселовского и других социал-демократических работников и отсутствие прилива новых работников из интеллигенции порвали сеть связей, организацию транспорта и т. п.; рабочие кружки были еще чересчур мало самостоятельны, чтобы их можно было наладить. Уцелевшая за границей группа основателей партии *Юлиан Мархлевский, Роза Люксембург, Лео Иогихес-Тышка и Аболя Варский* представляли собою группу идеологов, потерявших на известное время непосредственную связь со страной. Эту связь восстановил 23-летний молодой революционер *Феликс Дзержинский*, бежавший из ссылки. После разгрома 1895-1896 г., только в начале XX века воссоздается, благодаря его усилиям, марксистская интернационалистская социал-демо-

кратия Польши и Литвы. Дзержинский является ее зодчим и остается ее душой в продолжение больше 10 лет. Можно сказать, что *социал-демократия Польши и Литвы* — предшественница коммунистической партии Польши как *массовая партия,— была детищем неутомимых усилий, бесконечного труда Феликса Дзержинского.* «Иосиф»,— а под этим именем знали его широчайшие круги польских рабочих,— был самым любимым из вождей.

Высокий, стройный, с горячими глазами, с порывистой, страстной речью,— таким я узнал его осенью 1903 г., когда он приехал на время в Краков, прячась от царских сыщиков и налаживая транспорты воссозданной, главным образом, по его инициативе социал-демократической польской литературы. Он завоевал любовь и уважение не только в среде стариков, но и у молодежи, вступившей впервые в движение, в глазах которой он был окружен ореолом тюрьмы и ссылки, ореолом лучшего организатора партии. К его мнению прислушивались чутко не только Роза, но и жесткий Тышка, имевший большой организационный опыт, соединявший большое марксистское образование с необыкновенной политической чуткостью. Во всех практических вопросах движения мнение Иосифа имело почти решающее значение. Откуда взялся его авторитет? Откуда взялся он сам, этот молодой, строгий к себе, строгий к другим, волнующий и увлекающий всех революционер?

Он родился в Литве, в Ошмянском уезде, в семье мелкого польского помещика, в том же самом уезде, в котором на несколько лет раньше родился Иосиф Пилсудский. Литва была тогда прибита к земле воспоминаниями о Муравьеве-вешателе, воспоминаниями о кровавой расправе царизма за 1863 год. В дворянских домах жила мысль о тех, которых царский сатрап за участие в восстании казнил или сослал на каторгу. Интеллигентская молодежь лелеяла мысль о борьбе с царизмом за независимость страны. Штаб польской социалистической партии, созданный в последнем десятилетии XIX века, принадлежал в большинстве к молодежи из этих окраинных польских помещиков. Одним из немногих, отказавшихся от пути национализма и вступивших твердым шагом в лагерь международного рабочего движения, был Дзержинский. Это объясняется,

по всей вероятности, тем, что, происходя из бедной сравнительно семьи, он ближе присмотрелся к крестьянской литовской массе, ближе присмотрелся к жизни местечковых ремесленников и почувствовал себя более связанным с ними, чем с дворянством и его идеалами.

В Литве не было фабричного пролетариата. Были еврейские и польские ремесленники, и среди них 16-летним юношей Дзержинский начал свою работу. Необходимость работы и среди польских и еврейских подмастерьев в стране, в которой крестьянство в большинстве своем было литовским, объясняет международное направление чувств и дум Дзержинского. Он учился социализму на польской и на русской литературе, а для работы среди еврейских рабочих учился по-еврейски. Мы смеялись позже, что в правлении польской социал-демократии, в котором был целый ряд евреев, читать по-еврейски умел только Дзержинский, бывший польский дворянин и католик. Аресты, которым непрерывно подвергался Дзержинский уже в первые годы своей деятельности, позволили ему изучить всю существующую тогда основную литературу социализма, и он вошел в польское движение уже с твердо выработанным мировоззрением. Литература польской социал-демократии, ее орган *«Справа Работнича»* («Рабочее дело»), издававшийся в 1894-1895 г. в Париже, попали в его руки позже, когда он уже на основе собственного опыта и собственной работы мысли пришел в основном к тем же самым решениям, к которым пришли наши идеологи. Основой его взглядов была русская марксистская литература. Он, можно сказать, был *выражением единства польского и русского рабочего движения.*

Но значение его для движения состояло не только в твердости его взглядов, но и в *непоколебимой революционной решительности*, которую он внес в движение. Окраинное польское дворянство, выросшее в борьбе с татарами, а позже в борьбе с литовским и украинским крестьянством, отличалось искони большой энергией. Оно представляло самый решительный тип польской общественности. Дзержинский, впитавший в себя чуждые этой среде идеи, защищал их с той энергией, с которой польское «крессовое» (окраинное) дворянство защищало свои классовые интересы. Для Дзержинского не существовало ни-

каких затруднений и никаких поражений, как они не существовали для Скшетуских, Володыевских и других героев окраинного польского дворянства, воспеваемых в польских исторических романах. Опасности существовали только для того, чтобы их преодолевать; поражения — только для того, чтобы, изучив совершенные ошибки, ковать заново меч для новых боев. Но если из дворян, переходящих на сторону революционных классов, создавались в большинстве типы «кающихся дворян», то сила революционной мысли, овладевшей Дзержинским, позволила ему *полностью слиться с рабочим классом*, чувствовать себя его неотделимой частью. Он не был человеком, пришедшим к рабочему классу, идеализирующим рабочий класс. Во время своих долгих нелегальных скитаний он жил у рабочих, ел с ними из одной тарелки, спал в одной кровати, знал их со всеми их историческими недостатками, но и со всем великим, что рождает социализм в рабочем классе. Во все моменты опасности он был убежден, что соберет вокруг себя рабочих, которые его не выдадут, что сумеет воссоздать с ними, при их помощи организацию, что сумеет сколотить снова боевой отряд, который пойдет заново на борьбу, не боясь голода, не боясь холода, не боясь оставить жен и детей, не боясь долгих лет одиночества в каторжной тюрьме Акатуя и в сибирских тайгах. Железо его пролетарской идеи выковалось в этой работе среди рабочих в гибкую сталь, и это было то, что внес Дзержинский в польское социал-демократическое движение.

В нелегальной работе, предшествовавшей 1905 г., этот молодой революционер сделался вождем. Когда октябрьский манифест освободил его из заключения в десятом павильоне варшавской крепости, куда он попал в июле 1905 г. на массовой партийной конференции, организованной им в лесах около Домбия под Варшавой, то никто уже не питал ни малейшего сомнения, что именно он, Дзержинский, является вождем социал-демократии. В течение нескольких месяцев массового движения до июльского ареста он был пламенем, одушевлявшим всю партию. Кто забудет дни, когда судился военным судом Мартин Каспшак, рабочий созидатель нашей партии, представший перед судом за вооруженное сопротивление при аресте весною 1904 г. в тайной типографии? Город, залитый войсками,

массовые аресты. Дзержинский с Ганецким печатают в новой типографии прокламации, призывающие к всеобщей забастовке. Дзержинский отправляется через ряды патрулей лично в рабочие районы и разносит прокламации, привязанные к его телу. Высокий, стройный, с орлиным лицом, он проходит с поднятой головою через шеренги солдат и жандармов, обыскивающих всякого прохожего. Жандарм, которому он посмотрел смело в глаза, не решился его задержать. Таким он жил в воспоминаниях варшавских рабочих долгие годы, жил как легенда о непоколебимом революционере. Когда он попался в Домбии, он заставил товарищей отдать ему все бумаги, которые уже нельзя было уничтожить, чтобы взять на себя всю ответственность. В Домбии арестованных держали под конвоем казаков, но Дзержинский берется немедленно за агитацию среди солдат. Если бы не смена солдат, ему бы удалось подготовить побег.

В качестве организатора послеоктябрьских событий 1905 г. он, как огонь, движется по всей стране, везде укрепляя связь с центром, везде поднимая боевое настроение, везде создавая глубочайшую уверенность, что партия поведет рабочие массы Польши совместно с рабочими всей России на штурм против царизма. На II съезде русской социал-демократической партии социал-демократия Польши и Литвы не вошла в ряды общей русской организации из-за разногласий по национальному вопросу. После раскола на большевиков и меньшевиков партия больше года колебалась в выборе между обеими фракциями. Руководящая идеологическая группа партии, близко связанная с западно-европейским движением, склонялась к организационным идеям меньшевиков, которые казались ей более соответствующими опыту международного рабочего движения, чем организационные идеи Ленина. Дзержинский уже к концу 1903 г. был близок к большевизму. С конца 1904 г., со времени так называемой земской кампании, *Дзержинский горячо добивался скорейшего объединения с большевиками*. В 1906 г. во всех переговорах с русской социал-демократией он играет решающую роль в делегациях, назначаемых нашим главным правлением. Ленин тогда уже видел в нем ближайшего единомышленника в польской социал-демократии.

Пришли годы контрреволюции. Дзержинский, бежав снова из ссылки, работает бешено в Варшаве над воссозданием организации. Намечаются новые вопросы — борьба с *ликвидаторами* и *отзовизмом*. Дзержинский занимает непоколебимую ленинскую позицию борьбы на два фронта. Воссоздавая нелегальную организацию, он одновременно упорно работает над созданием легальной социал-демократической печати. В 1912 г. происходит в социал-демократии Польши и Литвы *раскол* на основе споров части краевых организаций с находящимся за границей идеологическим центром по поводу ряда организационных вопросов. Этот раскол, полный жестокой политической и личной борьбы, стоившей всем ее участникам больших страданий, для Дзержинского представляет сущий ад, ибо, поддерживая основное ядро руководителей польской социал-демократии, он должен был отказаться на известное время от объединения с большевистским центром, от которого политически его ничто не отделяло. Что переживал Дзержинский, оказавшийся незадолго до войны снова за каменными стенами варшавской крепости, а позже на каторге в Орле, он не любил рассказывать. Крушение II Интернационала, разгром партии после великих ее успехов в период «Правды», черная ночь, окутавшая все рабочее движение, эхо войны, доходящее к нему через тюремные решетки,— все это не сломило его ни на одну минуту. Февраль 1917 г. застает его снова в боевых рядах большевистской организации неутомимым, полным веры, жажды борьбы за Октябрь. Октябрь встречает его во главе борющихся за свою диктатуру рабочих масс в качестве *члена Военно-революционного комитета в Петрограде*.

Через великие фабричные города Польши, через Лодзь, Варшаву и угольный Домбровский бассейн, через ссылку и каторгу, он пришел к путиловцам и обуховцам и во главе их стал в ряды правительства Союза советских республик.

В дни, когда еще шла борьба за Петроград и Москву, Дзержинский создает комиссию для борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Выкованный в пятнадцатилетних боях, Феликс Дзержинский поднимает меч революционной решимости на защиту пролетарской революции. Этот меч опускается с сокрушающей силой на

классового врага, когда тот пытается поднять голову. Днем и ночью сторожит неутомимо верный страж революции, ища врага, преследуя его по пятам, хватая его врасплох. Дзержинский создает организацию революционной бдительности так, как когда-то создавал рабочие организации.

Враги наши создали целую легенду о всевидящих глазах ЧК, о всеслышащих ушах ЧК, о вездесущем Дзержинском. Они представляли себе ЧК в качестве какой-то огромной армии, охватывающей всю страну, просовывающей свои щупальцы в их собственный стан. Они не понимали, *в чем сила Дзержинского.*

Сила Дзержинского была, во-первых, в том, в чем состояла сила большевистской партии — в полнейшем доверии рабочих масс и бедноты, в их уверенности, что Дзержинский есть *их* карающий меч, *их* бдительный глаз. Каждый рабочий, каждый бедняк считал своим долгом помогать ЧК в ее великой борьбе защиты революции. ЧК — это не только были штаты мужественных чекистов, *ЧК — это была многомиллионная рабочая масса, бдительная и доносящая о каждом движении врага.* Кто не помнит, как во время борьбы с Юденичем был раскрыт заговор начальника штаба петроградской обороны, сносившегося с Юденичем и действовавшего по его указанию. Орудием связи негодяя был старик, натурализованный француз. Дочь его теряет сверток бумаг на улице, обыкновенный красноармеец поднимает уроненные бумаги, развертывает их, видит какие-то чертежи. Он видал уже военные чертежи, подозревает, что дело неладно, арестовывает уронившую бумаги девицу. В руках ЧК главная ячейка юденического шпионажа. Дзержинский рассказывал мне, что арестованный француз на допросе, фрондируя, сказал ему: «Если бы не случай, вы бы меня не поймали!» — «Что же вы ему ответили?» — спрашиваю я Дзержинского. — «Если бы не бдительность обыкновенного красноармейца, случайная потеря бумаг вам бы не повредила. А *эта бдительность рядового красноармейца не случай, а сила ЧК*». Лучших чекистов Дзержинский подбирал из старых рабочих-партийцев, беспрекословно преданных делу пролетарской революции.

Второй источник силы Дзержинского и ЧК была *реши-*

тельность действия, рожденная из железной убежденности его в правоте дела пролетарской революции. Летом 1918 г. Дзержинский дает интервью представителям существовавшей тогда еще буржуазной и мелкобуржуазной печати. Они спрашивали его, не допускает ли он, что ЧК может ошибаться и совершать акты несправедливости по отношению к отдельным лицам. «ЧК — не суд,— отвечает Дзержинский, — ЧК — *защита революции,* как Красная армия, и как Красная армия в гражданской войне не может считаться с тем, принесет ли она ущерб частным лицам, а должна заботиться только об одном — о победе революции над буржуазией, так и ЧК должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч ее при этом попадает случайно на головы невинных». Спасение революции было для Дзержинского высшим законом, и поэтому он находил в душе непоколебимую силу, без которой не была бы возможна победоносная борьба с контрреволюцией.

Враги пытались представить его кровожадным. Имя его сделалось пугалом для всей международной буржуазии. Но тем, кто знал Дзержинского, известно, как нелегко давалась ему его беспощадность. Дзержинский был человеком, стремящимся всеми корнями души к социализму, к гармоническому строю, дающему простор развитию всех человеческих сил. В Дзержинском, человеке беспощадной борьбы, было всегда много мечты о том строе, когда социальные условия не будут больше рождать не только неравенства, но и преступления. В нем была глубочайшая *любовь к людям,* к работе их мысли, и недаром за тюремной решеткой в 1908 г. в своем дневнике он дает выражение своему глубочайшему отвращению к насилию. Он даже в жандармах и провокаторах видит продукт социальных условий. И только глубокое убеждение в том, что *всякое мягкосердечие может причинить бедствия и страдания миллионным массам,* позволяло ему опускать непоколебимо меч революции.

Он не любил говорить о том, что происходит в его душе в бессонные ночи, но время от времени у него прорывались слова, показывающие, как не легко ему было. Когда мы собирались в 1920 г., во время борьбы с белой Польшей, на фронт, надеясь на победу, надеясь на то, что по-

можем польским рабочим в скором времени построить свою власть, освободиться от буржуазии, Дзержинский говорил мне: «Когда победим, я возьму Наркомпрос». Товарищи, бывшие при этом разговоре, смеялись. Дзержинский съежился. Но эти слова открыли то, что ясно было всякому, знающему Дзержинского. *Разрушение, насилие было для него только средством, а самое существо Дзержинского — это была глубочайшая тоска по строительству новой жизни.*

Благодаря тому, что этот источник был в нем самым сильным, окончание гражданской войны привело его на пост строителя социализма. Не только международная буржуазия, но даже многие товарищи были удивлены, когда услышали о назначении Дзержинского на пост руководителя нашего транспорта. Но это назначение отвечало мечтам Дзержинского, отвечало всей его природе. Не выпуская из рук руководства ГПУ, ибо не исчезли опасности, угрожающие республике от внутренней и внешней контрреволюции, Дзержинский бросился с жадностью на хозяйственную работу.

В работу на хозяйственном посту Дзержинский не внес ни технической, ни экономической специальной подготовки. Он имел то образование, какое имел всякий наш выдающийся партиец из старых кадров. Его университетом была тюрьма, где он зачитывался, как все, марксистской литературой. Специального уклона к изучению экономики у него не было. Почему же он, человек великой внутренней скромности, абсолютно чуждый чванству, мог взяться за неслыханно трудное дело воссоздания хозяйства? Когда Центральный комитет поставил его во главе Наркомпути, многие думали, что дело в том, что он *ударник*, что он своей бешеной энергией преодолеет первые затруднения постройки аппарата, первые затруднения, стоящие на пути к тому, чтоб двинуть массу железнодорожников. Но скоро стало видно, что Дзержинский иначе понимает свою задачу, что он изучает не только организацию железных дорог, но и все экономические вопросы, связанные с развитием транспорта, что он вникает во все вопросы железа, угля, без решения которых нельзя поднять на должную высоту транспорт. Для Дзержинского работа на транспорте была только частью хозяйственного фронта, его

глубочайшим образом интересовали, волновали вопросы *строительства социализма.*

Он в эти вопросы вошел полностью, как в жизненную задачу всякого коммуниста. Это не было для него специальностью, это была для него *задача задач.* Дзержинский глубоко верил в то, что мы можем, что мы в состоянии не просто поднимать хозяйство, но и строить социализм, несмотря на затяжку международной революции. Веря в это непоколебимо, он считал своим долгом вложить всю душу в это строительство. Он знал, как трудно строить. Ему пришлось учиться днями и ночами для того, чтобы уяснить себе картину хозяйственных связей перед войною, чтобы уяснить себе изменения, происшедшие во время войны и революции, чтобы выбрать звено, за которое можно ухватиться. И он учился и работал с таким рвением, с таким напряжением, как только мог работать человек его веры и его энергии. Он рос на этой работе, ибо она была *задачей, в которой выразились все основные устремления Дзержинского как революционера.*

Недавно на маленьком товарищеском собрании группы хозяйственников мне пришлось говорить с Дзержинским об очередных наших экономических вопросах. Другие рассуждали, доказывали,— Дзержинский горел, горел энтузиазмом, горел верой, горел железным убеждением. Один из присутствующих товарищей, знающий Дзержинского, как и я, больше 20 лет, сказал, когда мы возвращались домой: «*Он не растратил за всю свою жизнь ни одного атома социалистических своих убеждений и социалистической своей веры*».

Бешено работая, заражая всех вокруг себя этой своей верой, Дзержинский понимал великолепно, что работа его будет иметь успех, работа партии будет увенчана победой, если, кроме всего прочего, мы не забудем, что *победа невозможна без использования всего наследства буржуазной науки.* И Дзержинский, который умел беспощадно подавлять всякую попытку саботажа спецов, сумел бороться за условия работы для специалистов, за охрану их от чванства, от предрассудков и даже от естественного недоверия рабочих масс. Лучшие из специалистов научились уважать и любить Дзержинского, присматриваясь к его великой работе. Но одновременно Дзержинский пони-

мал, что самая совершенная *наука не поможет нам построить коммунизм, если она не охватит рабочие массы, если рабочие массы не воспламенятся стремлением к постройке социализма, если они не будут втянуты в разработку всех вопросов нашего строительства.* В последнем официальном документе, подписанном Дзержинским, в обращении ВСНХ и ВЦСПС по поводу необходимости усиления работы производственных совещаний, Дзержинский писал: «*Хозяйственники должны знать, что ни одно мероприятие, ни один сколько-нибудь крупный вопрос не может быть проведен в жизнь, не может дать необходимых результатов, если он проводится через голову рабочей массы, если он не понят рабочей массой*». Эти слова Дзержинского являются его завещанием, завещанием строителя социализма, который, связав жизнь свою с рабочими массами, пройдя ее в их рядах и во главе их, отбив врага, еще одною рукою опираясь на меч, другой взялся за кирку.

Дзержинского нет. Для миллионных масс имя его было знаменем неустрашимого борца, знаменем непоколебимой воли к победе, знаменем защитника рабочих и бедноты. Имя его войдет в историю социализма, как имя одного из лучших борцов пролетариата. *Если Ленина массы будут всегда помнить как мозг революции, то о Дзержинском будут вспоминать как о ее сердце.* Он представлял собою такое соединение качеств, которое в таком составе история больше не повторит. Этот коммунист, глубоко преданный рабочим массам, видящий в них и в их борьбе залог победы, коммунист, преодолевший в себе буржуазный индивидуализм, был одновременно *великой индивидуальностью*, и вся партия до последнего ее члена знает, что такого борца, как Дзержинский, с таким сочетанием воли и веры, мы больше иметь не будем. У гроба Дзержинского будут стоять, опустив головы, не только рабочие Союза советских республик, среди которых он работал последние 10 лет, не только рабочие Польши, в рядах которых он боролся всю свою юность и для которых он по сегодняшний день был боевым кличом, но и томящиеся в тюрьмах рабочие всех стран, для которых его имя было лучом надежды.

Смерть Дзержинского вызовет бешеную радость в сердцах мировой буржуазии. Умер создатель и глава ЧК. Эта весть разнесется по всему миру и окрылит надеждой наших врагов. Но они ошибаются. Так же как смерть Ленина вызвала в рядах рабочих масс чувство необходимости крепче сомкнуть ряды, так и смерть Дзержинского вызовет в широких массах не только воспоминания о великих днях Октября, о героических годах борьбы против интервенции, но и волю к тому, чтобы собрать всю энергию для *завершения* того дела, которому Дзержинский посвятил пламя своих последних лет,— *дела строительства социализма.*

Июль 1926 г.

К. А. ТИМИРЯЗЕВ

Рабочие курских мастерских выбрали Клементия Аркадьевича Тимирязева, ветерана русской науки, в члены московского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Известие это вызвало глубокую радость в рабочих массах, как залог союза между наукой, без которой невозможно никакое целесообразное устройство общественной жизни, и рабочим классом, этим единственным классом, который, если не хочет погибнуть, принужден сознательно строить новое общество. Но, когда я услышал о выборе Клементия Аркадьевича, меня взволновал не этот символ братства науки и пролетариата, о котором думали все социалисты со времен Томаса Моора, со времени возрождения науки и рождения социализма. Для меня известие о том, что 80-летний Тимирязев, который знал лично еще Дарвина, будет заседать в Совете московских пролетариев, является торжественным гимном жизни, вечно молодой, вечно новой жизни, которая не знает смерти. Только представьте, что пережил, что продумал Тимирязев, садясь теперь вместе с московским текстильщиком думать о том, как строить новую жизнь не только на развалинах царской капиталистической России, но на развалинах культурной Европы, которая 50 лет тому назад, когда он в первый раз приехал в Англию, мерещилась ему как, наверное, недосягаемый образец.

В России в то время еще господствовали остатки режима Николая Палкина. Крестьянин еще был крепостным рабом. В Англии буржуазия только что ликвидировала остатки помещичьего строя. Выдвигая принцип конкуренции, борьбы всех против всех, как руководящий принцип

жизни, она подчиняла себе все. Великие научные исследования Дарвина — шаг вперед по пути революционизирования знаний человека о человеке. Коперник поставил землю в ряд других планет, Э. Ляйель приказал этому маленькому земному шару развиваться, Дарвин же скинул человека с престола царей земли и сделал его одним из этапов развития жизни. Даже эту великую революционную мысль сделала буржуазия орудием своего господства, превратив борьбу за существование, как причину развития, в оправдание капитализма со всеми его ужасами. Когда Тимирязев входил в жизнь, развитие капитализма шло таким темпом, что всякая мысль о другом строе, кроме капиталистического, вероятно, казалась ему мечтой. Ведь тогда погибали славные воины чартистского движения, первого великого освободительного движения английских рабочих, в ссылке и на каторге. Английский рабочий класс, который шел когда-то с энтузиазмом за их знаменами, забыл не только о своих освободительных мечтах, но забыл и о жертвах своего первого боя, расстрелянных, погибших в тюрьмах, работавших на каторге в колониях Южной Австралии; забыл об их детях, забыл об их сиротах. Могущественный английский капитализм вывел рабочих из темных конур, которые когда-то наполняли ужасом человеколюбивые души Диккенса и Карлейля. Английские рабочие сделались либералами и восприняли веру в бессмертие капитализма.

Я не имел чести знать Клементия Аркадьевича и не знаю, как ум этого естественника воспринимал пробуждение европейского рабочего движения, эпоху первого Интернационала, какие чувства возбудили в нем горящий в 1871 г. Париж, расстрелы коммунаров, возникновение германской социал-демократии и начало геройской дуэли народовольческой интеллигенции с гидрой русского царизма. Но если даже эта эпоха расшатала бы в нем веру в вечность капиталистической системы, если бы он даже не считал революционную борьбу пролетариата детской болезнью, то, наверно, длинная эпоха мирного развития капитализма после 1871 г. вызвала в нем убеждение, что развитие общества идет тем же самым путем мелких, медленных изменений, как и развитие природы по учениям современных биологов, между которыми он занимал та-

кое почетное место. Из тихого кабинета ученого не видно было социальных бурь, и даже тогда, когда грянул гром русской революции 1905 г., Тимирязеву, вероятно, казалось, что буря вырвет только старые гнилые корни царизма, дабы освободить землю и дать простор молодым корням буржуазной цивилизации. И вдруг в этом цивилизованном мире Европы разразилась катастрофа войны. Эта война, истребившая миллионы человеческих жизней, война, которая оставила жить не самых умных, не самых сильных, а миллионы калек, миллионы нервно-расстроенных людей, миллионы бескровных рахитических детей, вероятно, не укрепила веры Тимирязева в капитализм, как самую лучшую систему человеческой жизни. Но вряд ли верил Тимирязев в проповедь всемирной революции, когда ее с первого дня войны начала горсточка революционных «чудаков» вроде «доктринера» Ленина, вроде «фанатика» Либкнехта. Но шел год за годом, капиталистическая цивилизация плевала огнем на своих детей, жгла свои пышные города, захлебывалась в крови, и сердце ученого старца поняло, что в этой вакханалии погибнет старый капиталистический мир, и что он ничего другого и не стоит.

Рухнул царизм, началась и победила первая рабочая революция; родилась она в крови, нищая, шагала в урагане, опрокидывающем все, к чему привыкли глаза и ум старого ученого. Бурный ее поток нес на хребте своем грязь, разрушал дома, заливал поля. И отвернулась от революции даже та часть интеллигенции, которая десятки лет в ссылке, эмиграции, в тюрьмах только и думала, что о революции. Великая русская революция показалась многим каким-то давящим кошмаром.

В тихом кабинете своем, оторванный от людей, забытый ими, сидел больной Тимирязев, смотрел через окно на бушующую стихию, на людей, порвавших со старым миром и пытающихся на его развалинах построить новую жизнь, на людей, олицетворяющих великие строительные начала не только в русской революции, но и в мировой революции пролетариата, великие начала, которые многие считали бредом находящихся в горячке русских коммунистов. Старик, на заре жизни которого пронесся 1848 г., который в годы своей зрелости видел растущее могущество бур-

жуазии, услышал взмах крыльев гения мировой революции и начал в пламени ее различать фундамент нового мира. Тимирязев сделался коммунистом, Тимирязев выступил на защиту оклеветанной русской революции перед миром, где имя его выговаривается с почтением. Тимирязев протянул свою руку рабочему классу. Есть что-то захватывающее в этой картине: преклонных лет старик, олицетворяющий в себе все лучшее пройденной эпохи, ум которого понял новую эпоху, сердце которого приняло и приветствовало ее. Подумайте только,— старый Плеханов учился всю свою жизнь служить рабочей революции, и, когда она пришла, он отвратил от нее свои глаза, как от головы Горгоны. Тимирязев узнал в страшном окровавленном лице революции мать, рождающую новую жизнь. Должна быть в этом сердце любовь к вечной жизни, к движению вперед, любовь, за которую мы, поколение, взявшее на свои плечи гигантскую задачу нового строительства, внесем его имя в золотую книгу великих людей революции и передадим это имя будущим поколениям, как имя человека, олицетворяющего жизнь, в вечной борьбе, в вечной боли рождающую новую радость.

21 февраля 1920 г.

ЛАРИСА РЕЙСНЕР

Близится десятая годовщина того дня, когда в темной ночи человечества, над военными окопами, взошла в яром блеске красная звезда Советов. Из огня орудий, из крови павших, из пота рабочих военных заводов, из страданий миллионов, спрашивавших себя о смысле своих страданий,— родилась Октябрьская революция. Рев пушек, тявканье буржуазной и социал-демократической прессы пытались заглушить ее; но, твердая, непоколебимая, она стояла, и все человечество робко обратило на нее свой взор. Одни — с благословениями и надеждой, другие — с проклятиями и бранью. Она была гранью двух миров — мира, погибающего в грязи, и мира, рождающегося в муках. Она была пробным камнем для духа. Все, что было «духом» буржуазного мира — не только его попы и ученые, не только писатели и художники, но и все «интеллектуальные» элементы рабочего движения, т. е. громадное большинство буржуазной интеллигенции, соблаговолившей «спасать» пролстариат,— все они испугались лика пролетарской революции. Люди, как Каутский, Плеханов, Гэд и др., всю жизнь призывавшие революцию, теперь отвернулись от нее.

Та часть западно-европейской интеллигенции, которая отнеслась сочувственно к Октябрьской революции, видела в ней лишь конец войны, бунт против войны. Лишь немногие провидели начало ногово мира, провидели его с трепетом. В России к большевикам примкнула лишь незначительная часть интеллигенции. Русские интеллигенты, даже те, которые близко стояли к пролетариату, не могли себе представить, чтобы эта отсталая страна могла прорвать фронт мирового капитализма.

В числе немногих, которые не только решительно примкнули к борющемуся пролетариату, но с глубоким сознанием мирового значения происходящего, с несокрушимой верой в победу, с восторженным кличем, была и Лариса Рейснер. Ей было лишь 22 года, когда пробил смертный час буржуазной России. Но ей не было дано увидеть десятую годовщину революции, в рядах которой она мужественно сражалась, битвы которой она описывала, как может описывать только тот, в ком душа большого поэта соединилась с душой большого борца.

Ряд статей и книжек — вот все литературное наследство Ларисы Рейснер. Ее единственная тема — Октябрьская революция. Но пока люди борются, мыслят и чувствуют, пока их влечет узнать, «как это было», они будут читать эти книги и не отложат их, пока не дочитают до последней страницы, ибо от них веет дыханием революции.

Еще не время писать биографию этой выдающейся женщины. Эта биография включила бы не только захватывающие страницы из политической истории Октябрьской революции, но позволила бы глубоко заглянуть в историю духовной жизни дореволюционной России, в историю рождения нового человека. Здесь я набросаю лишь несколько мыслей, лишь несколько штрихов и заметок, которые послужили бы вехами для такой работы.

Лариса Рейснер родилась 1 мая 1895 г. в Люблине (Польша), где ее отец был профессором Пулавской сельскохозяйственной академии. Остзейская кровь ее отца удачно сочеталась в ней с польской кровью матери, наследие старой немецкой культуры ряда поколений строгих юристов с пылкостью страстной Польши.

Она воспитывалась в Германии и Франции, куда уехал ее отец для научных занятий и где он остался политическим эмигрантом. На ее глазах в родительском доме протекала тяжелая душевная борьба. Из юриста-консерватора и монархиста отец выработал в себе республиканца и социалиста. Обстановка, в которой вырастала Лариса, резко переменилась. Русских профессоров сменили немецкие демократы — Брат, Трэгер — и социал-демократы.

Умные живые глаза маленькой девочки замечали многое. Она видела Бебеля, веселого Карла Либкнехта, с ко-

торым часто встречался профессор Рейснер — главный эксперт в Кенигсбергском процессе. На всю жизнь запомнила Лариса, как она ходила в гости к старой «тетушке Либкнехт». О дымящемся кофейнике, который появлялся на столе во время этих посещений, о сладком пироге, которым потчевала ее «тетушка» — она рассказывала, как будто это было вчера. Эти воспоминания послужили основой той теплой привязанности, которую Лариса Рейснер питала к Германии. Дети рабочих из Целендорфа, с которыми она ходила в школу, рассказы работницы Терезы Бенц, помогавшей ее матери по хозяйству — все это жило в воспоминаниях Ларисы; и, когда она в 1923 г. проживала нелегально в Берлине в рабочей семье, она чувствовала себя там, как дома. И старушка-работница, которая мыла ей голову, и ее внучка, с которой Лариса ходила гулять в Тиргартен, все они видели в ней близкого им человека, а не интеллигентку-чужестранку.

Русская революция, волны которой перекатывались через немецкую границу, находила отклик в душе маленькой девочки. Отец и мать поддерживали постоянные дружеские связи с русскими эмигрантами-революционерами. Правда, малютка не могла знать, что письма Ленина к профессору Рейснеру станут впоследствии ее гордостью. Товарищи, таинственно появлявшиеся и исчезавшие, конечно, возбуждали сильнее ее воображение. Наступила революция 1905-1906 г., отец ее мог вернуться в Россию; Лариса очутилась в Петербурге. До сих пор путь ее вел прямо к революции. Здесь он сворачивает в сторону: и удивительно, как она вообще не сбилась с верной дороги, дороги всей своей жизни. Ее отец, профессор государственного права, марксист, вступает в борьбу с либеральной профессурой Петербургского университета. Великий мир науки — это очень маленький мирок ученых. И нет той грязи, мелочи, подлости, которой бы великие ученые не пользовались в борьбе с противником. Социалиста заподозрили — да в чем же ином заподозрить социалиста?— конечно, в тайной связи с реакцией. Старая кумушка Бурцев ввязался в эти сплетни, имея к тому и личные побуждения. Годами профессор Рейснер боролся за свою политическую честь против «великого кривого» из

«Пер Гюнта», против клеветы, басен, шушуканья, против подозрений, которые нельзя привлечь к ответственности. Он отошел от политической жизни. Дома воцарилась нужда, заботы и, наконец, озлобление и безнадежность. Маленькая девочка, связанная с родителями тесными узами любви, отлично понимала, почему пустеет родительский дом, почему все реже слышится голос отца, почему часами не смолкают его шаги. Эти воспоминания оставили глубокий след в ее душе, но, хотя они воздвигли стену между ней и революционными кружками, они не могли отвлечь ее от проблем социализма. Еще в гимназии, пребывание в которой было настоящей мукой для талантливой живой девочки, она пишет драму «Атлантида», напечатанную в 1913 г. изд-вом «Шиповник». Эта драма, не выдержанная по форме, показывает уже направление мыслей Ларисы. Она изображает человека, который хочет своей смертью спасти общество от гибели. Детская драма! «Человек» никогда не сможет спасти общество от гибели. Но девочка, написавшая эту драму, долгими ночами, сидя на постели, думала о человечестве и его страданиях. Материалом для этого первого произведения Ларисы послужила книга Пельмана «История античного коммунизма и социализма». Это тем более интересно, что Лариса находилась в то время под непосредственным влиянием Леонида Андреева. Этот крупный писатель-индивидуалист был не только ее учителем в литературе, но и влиял на ее духовное развитие. Но он не мог отклонить ее от избранного ею пути. Ни он, ни поэты кружка «акмеистов»— как Гумилев,— влиявшие на нее со стороны формы. В 1914 г., когда все эти поэты превратились в Тиртеев империалистической бойни, она, как и отец ее, не колеблясь ни минуты, решительно выступает в защиту международного социализма.

Они закладывают последнее, чтобы получить средства на издание журнала «Рудин», начать борьбу с предателями международной солидарности. Только политическим одиночеством семьи Рейснеров, отлично известным охранке, объясняется возможность появления подобного журнала. Иначе достаточно было бы беспощадно злых карикатур на Плеханова, Бурцева и Струве, чтобы его прикрыли. Борьбу с цензурой и с материальными затрудне-

ниями вела девятнадцатилетняя Лариса, и она же вела в журнале идейную борьбу блестяще отточенными стихами и острыми саркастическими заметками. Но эта борьба должна была кончиться. Как всякая война, она требовала денег, а денег не было. Когда уже нечего стало закладывать, журнал прекратил свое существование. Лариса начинает сотрудничать в «Летописи», в единственном в то время легальном интернационалистическом журнале.

С первого момента Февральской революции Лариса приступает к работе в рабочих клубах. Кроме того, она пишет в газете Горького «Новая жизнь», которая, не решаясь выдвинуть лозунги советской власти, вела борьбу против коалиции с буржуазией. Ее памфлет против Керенского показывает, что она своим тонким художественным чутьем сразу поняла гниль и внутреннюю пустоту правительства Керенского. Очень интересны ее маленькие наброски и очерки, в которых она описывает жизнь рабочих клубов и театров в дни, предшествовавшие Октябрю. В этих очерках поражает глубокое понимание стремления народных масс к творчеству. В том, что для интеллигентского высокомерия было предметом презрительной усмешки, в неуклюжих попытках рабочих и солдат дать на сцене оформление жизни — она разглядела проявление творческих усилий нового класса, новых общественных слоев, желавших не только воспринимать действительность, но и оформлять и передавать ее. Ее глубоко творческая натура ощущала творческий порыв революции, и она последовала ее зову.

В первые месяцы после Октябрьской революции она работала по приему и инвентаризации художественных музейных ценностей. Прекрасный знаток истории искусств, она помогала спасти и сохранить для пролетариата многое из наследия буржуазной культуры. Но вот начинаются первые бои с контрреволюцией. Нужно было сперва отстоять свою жизнь, свое право на существование, для того, чтобы положить основы для дальнейшего творчества революции. Лариса, вступившая теперь в партию, отправляется на чехо-словацкий фронт. Она не может быть только зрителем в борьбе между старым и новым миром. Она работает в Свияжске, где выковывалась в борьбе с

чехо-словаками Красная армия. Она участвует в борьбе нашего волжского флота. Но она не рассказывает об этом в своей книге «Фронт». Она рассказывает здесь только о боях Красной армии, но скромно умалчивает о своем участии в них. Так пусть о ней расскажет другой участник этих боев, А. Кремлев, товарищ Ларисы; в «Красной звезде», органе Реввоенсовета, он пишет по поводу ее смерти:

«Под Казанью. Белый идет напролом. Узнаем, что у нас в тылу — Тюрляма — прорвались белые, уничтожили охрану и взорвали 18 вагонов со снарядами. Наш участок разрезан на-двое. Штаб здесь, а что стало с теми, кто отрезан?

Неприятель идет на Волгу, в тыл не только отрядам, но и флотилии.

Приказ: итти в прорыв, узнать и связаться с отрезанными.

Идет Лариса, берет Ванюшку Рыбакова — салагу (мальчик!) и еще кого-то,— не помню,— и прут втроем.

Ночь, дрожь от холода, одиночество и неизвестность. Но Лариса идет так уверенно незнакомой дорогой!..

У деревни Курочкино кто-то заметил,— обстреливают, стреляют,— трудно ползти. Переплет! А Лариса шутила — и от скрытой тревоги был только бархатнее голос.

Выскочили из полосы обстрела — ушли!

— Вы устали, братишка?.. Ваня? А ты?

Она была недосягаемо высока в этот миг, с этой заботой. Хотелось целовать черные от дорожной пыли руки этой удивительной женщины.

Она ходила быстро, большими шагами,— чтобы не отстать, надо было почти бежать за ней...

А к утру — в стане белых. Пожарище, трупы — Тюрляма. Отсюда, изнемогая, шли на Шихраны, где стоял красный латышский полк.

Фронт связан. И эта с хрупкой улыбкой женщина — узел этого фронта.

— Товарищи, устройте моих братишек... А я?.. Нет, я не устала!

... А потом: разведки под Верхним Услоном, под двумя Сорквашами, до Пьяного Бора. По 80 верст переходы верхом без устали!

В те дни было радости мало. И только не сходила улыбка с лица Ларисы Михайловны в этих тяжелых походах.

А потом Энзели, Баку, Москва!

И не Лариса Рейснер умерла, а женщина с баррикады. Вот что вспомнил матрос из десанта».

В походе матросы любили ее, горячо, по-братски, потому что мужество соединялось в ней с простотой и человечностью; в отношениях массы к ней не было фальши, никому не приходило в голову, что она на фронте не только товарищ по оружию, но и жена командующего флотом — она в 1918 г. вышла замуж за Раскольникова. И точно так же, будучи комиссаром морского штаба в Москве в 1919 г., она умела установить прекрасные дружеские отношения с специалистами флота — адмиралами Альтфатером и Беренсом. Ее культурность, чуткость, такт не давали почувствовать адмиралам царского флота, что они находятся под контролем чужого человека.

В 1920 г. она уезжает в Афганистан, куда мужа ее назначили полпредом. Два года она проводит при дворе восточной деспотии, принимая вынужденное участие в блестящих дипломатических празднествах, ведя дипломатическую игру в борьбе за влияние на жен эмира. «Блестящая» и грязная работа, за которой не трудно было оторваться от революции молодой женщине, отрезанной от борющегося пролетариата! Лариса Рейснер читает серьезную марксистскую литературу. Изучает английский империализм, историю Востока, историю освободительной борьбы в соседней Индии. Там, в горах Афганистана, она чувствует себя частицей мировой революции и подготовляется к новой борьбе. Ее книга «Афганистан» доказывает, как расширяется ее горизонт, как из русской революционерки она становится бойцом международной пролетарской армии.

В 1923 г. она возвращается в Советскую Россию. Страна рабочих и крестьян имеет теперь совсем иной вид, чем когда она ее покинула. Спартански-строгий военный коммунизм, который казался непосредственным прыжком из капитализма в социализм, уступил место нэпу. Лариса понимала, как и все мы, необходимость этого шага. Нужно было дать простор хозяйственной инициативе крестьянства не только для того, чтобы получить сырье для промыш-

ленности, но просто, чтобы не умереть с голоду. Лариса понимала это умом. Но можно ли этим путем прийти к социализму? Ответы, которые давали ей и партия и она сама, не могли успокоить ее душевной тревоги. Она понимала, что невозможно продолжать режим военного коммунизма. Но в глубине души она оплакивала героическую попытку с оружием в руках пробиться к новому общественному строю. Да, правда, улицы наших городов ожили. Грузовики нагружены товаром, магазины открыты, фабричные гудки зовут к работе, но, может быть, растем не только мы,— растут и буржуазные элементы? Сможем ли мы с ними справиться? Не проникло ли разложение и в наши ряды? Не заразятся ли наши хозяйственники, вынужденные участвовать в торговле, ядом капиталистической морали? Не захватит ли гниение и организма партии? Все лето 1923 г. Лариса беспокоится и с внутренним содроганием осматривается кругом.

В сентябре она приходит ко мне с просьбой помочь ей выехать в Германию. Это было после массовых забастовок против правительства Куно, когда пролетарские массы Германии снова пытались сбросить оковы. Пуанкаре занял Рур, марка падала с головокружительной быстротой, и, затаив дыхание, русский пролетариат следил за положением в Германии. Ларису тянуло туда. Тянуло сражаться в рядах германского пролетариата и приблизить его борьбу к пониманию русских рабочих. Ее предложение меня очень обрадовало. Если немецкие рабочие не могут создать себе ясного представления о том, что происходит в России, то и русские рабочие представляют себе борьбу немецкого пролетариата несколько упрощенно и схематично. Я был убежден, что Лариса лучше, чем кто бы то ни был, сможет установить связь между этими двумя армиями пролетариата. Ибо она не была художником-созерцателем, но художником-бойцом, который видит борьбу изнутри и умеет передать ее динамику — динамику человеческих судеб. Но в то же время я чувствовал, что ее поездка в Германию — бегство от неразрешенных сомнений.

Лариса прибыла в Дрезден 21 октября 1923 г. в момент, когда войска генерала Мюллера заняли столицу Красной Саксонии. Как солдат, она поняла необходимость

отступления. Но, когда несколько дней спустя пришли сведения из Гамбурга о восстании, она вся ожила. Она хотела сейчас же отправиться в Гамбург и ворчала, что ей пришлось остаться в Берлине. Целые дни простаивала она у лавок с толпой безработных и голодных, пытавшихся за миллионы марок купить себе кусочек хлеба, просиживала в больницах, переполненных изможденными работницами с их горькими думами и заботами. Я в то время жил конспиративно, встречаясь лишь с партийными лидерами, которые сами не имели возможности непосредственно общаться с массами. Лариса жила жизнью этих масс. В разговоре с безработным в Тиргартене, 9 ноября на с.-демократической панихиде по германской революции, на серебряной свадьбе в коммунистическом кругу — всегда она находила путь к сердцам людей, всегда она умела схватить кусок их жизни. Она жила среди рабочих масс Берлина, которые были ей так же близки, как пролетарские массы Петербурга, как матросы балтийского флота. Гордо возвращалась она с демонстраций в Люстгартене, где берлинский пролетариат наглядно доказал генералу Секту и его броневикам существование «запрещенной» коммунистической партии.

Наконец, Лариса получила возможность уехать в Гамбург, чтобы описать и запечатлеть для германского и мирового пролетариата борьбу гамбургских рабочих.

«После всего дряблого и жирного здесь встречаешь нечто твердое, сильное и живучее»,— писала она тотчас после своего приезда в Гамбург.— «Сначала было трудно побороть их недоверие, предубеждение. Но как только рабочие Гамбурга увидели во мне товарища — я смогла узнать все, все их простые, великие и трагические переживания».

Она жила среди покинутых жен гамбургских борцов за свободу, разыскивала беглецов в их убежищах, ходила на судебные заседания, на с.-демократические собрания. А по ночам она читала Лауфенберга, историка Гамбурга и гамбургского движения. Целые кипы материала, собранного ею за эти недели, лежат сейчас предо мной. Они показывают, как она работала,— с чувством глубокой ответственности, с чувством человека, для которого ничтожнейший эпизод этой борьбы звучит «песнью песней» о

человечестве. Уже в Москве она проводила многие часы с одним товарищем, который руководил восстанием и вынужден был затем бежать. Она проверяла с ним весь этот материал, списываясь с товарищами, когда у нее возникало сомнение относительно отдельных фактов. Маленькую книжку «Гамбург на баррикадах» писал не увлекающийся художник, но борец для борцов. Сотни сражений, битв и схваток дал германский пролетариат своим врагам, и ни одна не описана с такой любовью, с таким уважением, как эта борьба гамбургских пролетариев. Лариса Рейснер щедро одаряла тех, кого она любила, и почтенный рейхстрибунал не ошибся, когда приказал предать огню эту тоненькую книжечку русской коммунистки. Лариса Рейснер возвратилась из Германии,— поражение не сломило ее. В Гамбурге она видела огонь под пеплом. Она видела, как поражения воспитывали сильных людей для будущих битв. Но вместе с тем она узнала, что нельзя рассчитывать на близкую победу революции в Европе.

После своего возвращения в Советскую Россию, она должна была разобраться в самой себе, разобраться в том, что делалось внизу, в массах, которые, в конце концов, диктуют ход истории. А так как она была человеком, непосредственно воспринимающим действительность, то она не могла добиться этой ясности путем чтения и споров. Она едет в горно-промышленные и угольные районы Урала и Донецкого бассейна, она едет в текстильный район Иваново-Вознесенска, она едет в мелкобуржуазную Белоруссию. Целые дни проводит она в вагоне, в экипаже, верхом. Снова она живет в рабочих семьях, спускается в шахты, участвует в заседаниях фабричной администрации, завкомов, профсоюзов, ведет беседы с крестьянами—ежедневно, ежечасно она нащупывает путь во мраке, чутко прислушиваясь к жизни. Ее книга «Уголь, железо и живые люди» — плод этой работы,— а это была работа, тяжелая и физически и морально, за которую взялись бы немногие писатели; и все же в ней дана лишь ничтожная часть того, что она пережила, продумала, прочувствовала.

С этой книги начинается и художественно и идеологически новый период в творчестве Ларисы Рейснер. В этой книге она, как коммунистка, стала на твердую идеологическую почву, а, как писательница, нашла свой стиль.

Ее сомнения исчезают. Она видит, как ведут строительство рабочие массы. Они строят социализм, порой обливаясь потом у доменных печей, порой спускаясь полунагими в шахты, но в лучшей части своей они твердо убеждены, что эти муки, этот тяжелый труд, все это — во имя социализма. Она узнает в неуклюжем грубоватом хозяйственнике своего старого товарища по фронту, который и здесь должен железной рукой натягивать поводья и в то же время чутко прислушиваться к массам, чтобы учесть все пути и возможности. Она видит те колоссальные силы, которые революция пробудила в низших слоях народа. И это укрепляет в ней веру в то, что мы сможем преодолеть все затруднения, связанные с возрождением капиталистических тенденций. Она знает, что мелкобуржуазная стихия — это болото, которое может затянуть грандиознейшее сооружение, она видит, какие странные цветы распускаются на этом болоте. Но в то же время она ясно видит путь борьбы с опасностями, грозящими республике труда, плотины, которыми сумеет оградить себя пролетариат и коммунистическая партия. И, когда она добилась этой ясности, когда она решила, что ее место в этой борьбе, она принялась точить свое оружие. Ее оружием было ее перо. Лариса раньше мало думала о том, для кого она пишет. Она прекрасно знала историю литературы и искусств; и в стиле ее — богатом и изысканном — отразилась не только присущая ей от природы наблюдательность, но и многовековая культура, нашедшая в ней такое прекрасное воплощение. Стиль «Фронта» и «Афганистана» напоминает тонкое кружево, филигранную работу. Теперь она сознательно отбрасывает часть этих украшений, упрощает узоры своих вышивок. Она не старается быть «популярной» для рабочего читателя. Она хочет создать для пролетариата полноценное произведение искусства.

Лариса много работает в конце 1924 и 1925 г. Она перечитывает множество книг по русской и мировой экономике. Я не стану утверждать, что она любила цифры. Проработав один-два скучных учебника, она всегда умоляла дать ей что-нибудь «вкусное» о нефти или хлебе и отдыхала над книгой Делези о нефтяном тресте или эпосом Норриса о пшенице. Вместе с тем она серьезно

изучала историю революции. Она готовится к докладам о революции 1905 г. для ячейки школы броневиков; и когда, после изучения конкретного материала, она приступает к статьям Ленина из этой эпохи (1904—1908 гг.), она открывает величие простоты в стиле нашего учителя и находит ключ к эстетскому восприятию его сочинений. Таким образом ее искусство впитало в себя новые элементы. Достаточно прочесть описания Круповских заводов и заводов Юнкерса в ее «Стране Гинденбурга» или ее «Декабристы». Первые два описания выдержаны в техническом стиле. Это не значит, что она уснащает свой язык техническими терминами. Но интерес к экономике научил ее мыслить технически. Она воспринимает машину, заводское строение не только зрением, но и мыслью. На стиль «Декабристов» влияет историческая перспектива. Но опять здесь не подделка, не искусственная архаизация стиля. Она видит людей в исторической перспективе.

Но история и экономика не являются для нее исключительной самоцелью: она исследует в них человеческие взаимоотношения — как жил человек и как он боролся в данных условиях. Рядом с колоссальным заводом Круппа Лариса рисует жалкую рабочую казарму; в декабристе Каховском она выявляет «униженного и оскорбленного» человека и набрасывает незабываемый силуэт немца-законника, который выдумывает для царя идеальную бюрократию и кончает жизнь в снегах Сибири, осмеянный и забытый. Она показывает нам жалких червяков, раздавленных гигантом техники или колесом истории.

Созревшая как художница и революционерка, Лариса Рейснер готовилась к новой работе. Она задумала трилогию из жизни уральских рабочих: первая часть — крепостная фабрика во время Пугачевского бунта, вторая — эксплоатации рабочего во времена царизма, третья — строительство социализма. Одновременно она задумала галлерею портретов предшественников социализма: не только портреты Томаса Мора, Мюнцера, Бабефа, Бланки, но и портреты незаметных героев пролетариата и кончая титанической борьбой наших дней. Порой она пугалась задач, которые она себе ставила. Она была очень скромна и часто сомневалась в силе своего дарования. Но

она несомненно справилась бы с этими задачами, ибо силы ее росли с каждым днем.

Но ей не было суждено выявить то, что в ней дремало. Она пала не в борьбе с буржуазией, не тогда, когда она так часто смотрела в глаза смерти, а в борьбе с природой, которую она так страстно любила. Тяжело больная, с последним проблеском сознания, она радовалась солнцу, лучи которого посылали ей прощальный привет. Она говорила о том, как хорошо будет ей в Крыму, куда она поедет по выздоровлении, и как приятно будет, когда ее измученная голова наполнится свежими мыслями. Она обещала, что будет бороться за жизнь до конца, и она отказалась от борьбы лишь тогда, когда окончательно потеряла сознание.

Ряд статей и книжек — вот все наследство Ларисы Рейснер. По газетам и журналам разбросанные статьи, несколько десятков писем — все это надо еще подобрать. Но они будут жить до тех пор, пока будет жить память о первой пролетарской революции. Они будут возвещать о том, что эта революция была для всех народов, для Запада и Востока, для Гамбурга и Афганистана, для Ленинграда и Урала. И женщина-воин, в уме и сердце которой все находило отклик, восстанет и после смерти из своих книг живым свидетелем пролетарской революции.

БОРИС САВИНКОВ

Трагическим аккордом кончилась эта бурная жизнь мещанского революционера-индивидуалиста, жизнь, полная неожиданностей, полная романтических эпизодов, полная великого геройства и великих падений и при этом так чуждая действительного революционного содержания.

Савинков родился в Варшаве в чиновничьей семье. Он не принимал участия ни в рабочем, ни в крестьянском движении этой чуждой ему страны. Но гнет царизма был в Польше сильнее, подлее, чем во всей России. Семья Савинкова не мирилась с этим гнетом, хотя и бороться против него не решалась. Бесконечно добрая мать Савинкова заронила в его душе семена протеста, и Савинков сделался бунтарем. До него дошли отклики революционного движения в Польше и толкнули его сердце на путь революции. После короткого пребывания в социал-демократических кружках он из них бежал. Ему было скучно среди социал-демократической интеллигенции. Буйный темперамент его требовал «дела», немедленного, яркого протеста. Ему не хотелось терять время на умственную подготовку. Что ему марксизм, что ему изучение действительности, против которой надо бороться? Он знает, что надо бороться, и этого достаточно. Иосиф Пилсудский, по характеру во многом сходный с Савинковым, рассказывает в своей короткой автобиографии, напечатанной 22 года тому назад, что непонятно было ему, зачем люди научно обосновывают необходимость социализма. «Раз я его хочу, то он необходим». Так наверно думал и Савинков. Но социализм, приверженцем которого он себя признавал, на деле был фразой, прикрывающей только то, что он не хо-

тел царизма и бунтовал против него. Дело, которого добивался Савинков, он нашел в слагавшейся тогда партии социалистов-революционеров. В ее рядах, будучи одним из самых выдающихся членов боевой организации, Борис Савинков совершил ряд террористических покушений, которые покрыли его имя славой великого революционера. В этих покушениях он проявил огромное мужество, самоотверженность. Падающая волна революции застала Савинкова в полном раздумье. Роман его «Конь бледный», напечатанный в 1909 г., является доказательством, что в буре революции Савинков потерял всю свою молодую веру. Более того, по существу он был человеком без чувства социальной связи. «Счастлив, кто верит в воскресение Христа, воскресение Лазаря. Счастлив также, кто верит в социализм, в грядущий рай на земле. *Но мне смешны эти старые сказки, и 15 десятин разделенной земли меня не прельщают.* Я сказал: я не хочу быть рабом. Неужели в этом моя свобода? Какая *жалкая свобода*... И зачем мне она? *Во имя чего я иду на убийство?* Во имя крови? Для крови?» — Так спрашивал герой «Коня бледного», которым был сам автор. Роман этот, как доказало дальнейшее развитие Савинкова, был автобиографическим.

Буржуазный революционер Савинков пошел в бой под знаменем социализма, ибо европейская действительность, подлость буржуазного уклада жизни не позволяли ему бороться под знаменем буржуазии. Ему нужна была утешающая иллюзия — социализм! Но террорист, работающий без связи с рабочим классом, без связи с борющимся крестьянством, не мог понять смысла их борьбы, не мог вдохнуть в себя прометеева огня, воодушевляющего рабочий класс. Он борется за то, чтобы не быть голодным, и называет это социализмом. Но я, Савинков, не голоден,— и разве я от этого счастлив? Крестьянин протягивает руку к земле,— но что великого в 15 десятинах земли? Французский крестьянин имеет землю,— и разве он претворил в жизнь мечты Савинкова о красоте жизни? Не став социалистом, Савинков потерял всякое чувство общественной связи вообще. И буржуа имел когда-то это чувство, когда во время великих революций верил, что буржуазия создает новое великое дело. Даже теперь, когда буржуазия опаршивела, когда докатилась до врангелевщины, до

цанковщины, еще многие ее руководители, ее борцы убеждены, что борьба имеет какой-то высший смысл, что она ведется не только для того, чтобы удержаться у власти да жрать. Достаточно прочесть книгу Шульгина, чтобы видеть, как лучшие люди буржуазии (лучшие в классовом смысле) верят еще в то, что буржуазная система есть единственно возможная, что пролетарская революция есть хаос, который потопит мир и себя в крови. Савинков, потеряв веру в капитализм и не приобретя веры в социализм, остался одиноким индивидуумом, остался с мучившей его мыслью: кровь, во имя чего кровь? Во главе своей книги «Конь бледный» он поставил эпиграфом евангельские слова: «И вот конь бледный, и на нем всадник, которому *имя смерть*, и ад следовал за ним». Смерть посмотрела ему в глаза, и ад господствовал в его груди.

В следующей своей книге, изданной в 1912 г.— «То, чего не было», Савинков, мертвый революционер, занялся похоронами своего собственного идейного трупа. Что такое революция? «Никто не знал, когда это будет, и никто не мог бы сказать, что для этого нужно сделать... Как это произошло, никто не знал и никто не сумел бы объяснить». Революция — это «сонное царство». Приходит неизвестно когда, неизвестно зачем, неизвестно, каково ее содержание, каков ее смысл. Раз борьба пролетариата за социализм, крестьянства за землю Савинкову безразличны, то для него революция — даже не просто сонное царство, а сонное царство без смысла. А если революция — сонное царство без смысла, то чем же может быть революционная партия, к которой он принадлежал, под знаменем которой сражался? Бессмыслица бессмыслицей,— и он дает картину своей партии, напоминающую суетню мелких людишек, которые сами себе кажутся важными, но жизнь и дело которых не имеют никакого веса. «Болотов воочию увидел, что в Москве совершается что-то торжественно-важное, необычайно-решительное, что-то такое, что не зависит ни от его, ни от чьей бы то ни было отдельной воли. Он увидел, что не *власть партии*, не его, Болотова, власть всколыхнула многолюдную, богатую, деловую и мирную Москву, и петербургские заседания показались ему жалкими, смешными». Мы не знаем, почему московское восстание казалось ему чем-то неслыханно важным.

раз освобождение крестьян от ига помещиков и рабочих от ига капиталистов неважно и не могло его прельщать. Видно, что геройство сражающихся московских рабочих наэлектризовало его фантазию. Но это только момент подъема, быстро угасающий огонь соломы, ибо это не привело его к пониманию революции, а тем более — роли в ней партии.

Хорошо. Московское восстание было плохо организовано: революцией вообще дьявольски трудно руководить. Но если бы Савинков действительно понял важность революции, ее социальный смысл, то ему не могла бы казаться работа партии полной бессмыслицей. Он бы не удивлялся, что члены центрального комитета революционной партии «говорили с уверенностью, что от их разговоров зависит судьба тысячи солдат». Он не мог бы относиться так пренебрежительно к внутрипартийной борьбе, как это он делал, когда писал: «Три направления боролись между собою, и борьба эта была источником озлобленных споров. Одни, изучив крестьянский и рабочий вопрос и хозяйственные отношения России. требовали социализации земли; другие, опираясь на те же условия, требовали социализации фабрик и заводов; третьи, прочитав еще десяток томов, не требовали ни того ни другого, соглашались на принудительный выкуп земли. И «умеренным», и «правым», и «левым»... разногласия эти казались решающими и важными. Они искренно верили, что партийные разговоры, как разделить по совести землю и распорядиться судьбою России, умножат силу и ускорят шествие революции и определят будущее стомиллионной страны... Никто из товарищей не понимал *бесплодности безрассудных раздоров*, и все с надеждой и нетерпением ожидали исторического события — общепартийного съезда». В этой тираде Савинков расписался в своем банкротстве, как революционер. Если революция есть сонное царство, то партия есть бред во сне, а внутрипартийная жизнь и борьба, искание путей — это невольные движения сонного человека, улыбающегося сонному миражу, борющемуся против сонного кошмара.

Разочаровавшийся в революции, разуверившийся после обнаруженного предательства Азефа в своих боевых товарищах, Савинков гнил в парижских кафе, пока не пришло

время войны. Вихрь войны сдвинул с места слабенький атом разложившегося буржуазного общества. Индивидуум Савинков, который считал, что существует он, Савинков, жалкая свободная личность, личность, не знающая, чего хочет, не могущая этого знать, не нуждающаяся в знании объективного смысла жизни, живущая как хочет, личность, сегодня рискующая головою во имя неизвестного, а завтра расцарапывающая свой мозг когтями сомнения: стоит ли убивать,— Борис Савинков оказался членом русского буржуазного общества. Да, членом международного буржуазного общества. Савинков воодушевляется войной. Как корреспондент буржуазной газеты, он воспевает смысл грабительской империалистической войны, геройство ее безвольных жертв. *Нельзя жить отдельным атомом. Общество существует.* Его раздирают классы, и кто не понимает великого смысла борьбы рабочих и крестьян против рабства, тот должен — хочет ли он или нет — признать величие в борьбе против рабочих и крестьян.

Пришла февральская революция. Савинков вернулся в Россию и сразу перестал быть Гамлетом революции. Споры о социализации земли или социализации фабрик, о выкупе земель, которые когда-то казались ему, индивидуалисту-террористу, такими бесплодными, получили теперь смысл. То, что когда-то было спором горсточки вождей в конспиративной квартире центрального комитета партии эсеров, сделалось предметом вооруженной борьбы миллионов людей. Рабочие, поднявшиеся против капитализма, крестьяне, поднявшиеся против помещиков, капиталисты и помещики, защищающие свою собственность, белый генералитет, ставший на сторону эксплоататоров, партия эсеров, расколовшаяся на две части,— все это было уже не вопросом ученых книг, а вопросом кровавой жизни. Фактически Савинков отдал свой голос за помещиков и за капиталистов. Перед судом Верховного трибунала он сказал (наверно совершенно искренно), что он всегда боролся за рабочих и крестьян. Но это был самообман. Он не боролся за них в 1905 г., когда героическая натура бунтаря толкнула его на террористическую борьбу против царизма. Отрицая позже значение борьбы рабочих и крестьян, он уже стал на сторону помещиков и капиталистов. В качестве товарища военного министра, в 1917 г., он стал

активно на сторону буржуазии, сражаясь с оружием в руках против народных масс, требуя смертной казни для тех, кто не хотел сражаться за цели русского империализма. Подоплекой этого последнего, решительного поворота Савинкова был *буржуазный патриотизм*. Савинков был патриотом в 1904 г. Он мучился при известиях о русских поражениях в Манчжурии. Во время империалистической войны этот буржуазный патриотизм им овладел вполне. Во имя его, во имя победы русского буржуазного отечества, он стал на сторону врагов трудящихся масс. Савинков пытался объяснить свою борьбу против большевиков после Октябрьской революции тяжелыми личными переживаниями, тем, что советской властью был убит близкий ему офицер, муж его сестры. Это было не только неверно, как доказывала его сестра в письме, направленном в «Последние новости». Этого объяснения совсем не нужно. Савинков, не понимающий смысла пролетарской революции, должен был быть ее врагом, и Савинков, человек дела, будучи врагом советской власти, не мог зубоскалить, а должен был сражаться с оружием в руках против диктатуры пролетариата.

И он сражался. От Ярославля до польской войны Савинков принимает участие во всех деяниях контрреволюции. То, что он видел в ее рядах, наполняет его ужасом. В 1905 г. его мысль о том, что хорошо, когда люди борются за то, чтобы не быть голодными, ибо, освобождая мозг свой от мук голода, они освобождают его для творческой работы,— эта мысль не смогла согреть его души. Тем меньше могла его воодушевить для контрреволюции мысль о том, что помещики и капиталисты борются за то, чтобы миллионы жили в голоде и холоде. Картина внутреннего развала белых, борьбы разных клик за место, за наживу — от всего этого его тошнило. Неспособность белых победить рабочих и крестьян вызывала в нем ощущение, что он связался с мертвецом. Последний день пришел для него, когда он, патриот, убедился, что все они, белые, являются игрушками в руках иностранных капиталистов. Одним из наиболее трагических моментов его исповеди перед Верховным трибуналом республики был рассказ о том, как английский военный министр Черчилль, указывая ему на карте Деникинский фронт, сказал: «Вот расположение

нашей армии». Русская белая армия, как участок фронта английского империализма! Савинков остался снова одиноким со своими переживаниями. Он написал «*Коня вороного*». Этот роман дает картину его полного разочарования в белых, но в нем нет еще даже проблеска понимания смысла великой русской революции, этого начала новой эры в истории человечества.

Что же делать? Борис Савинков не может оставаться в Париже со своими разочарованиями. Его тянет в Россию. Он хочет ее нащупать руками. Понять головой, что происходит, Савинков не в состоянии. Ему надо посмотреть собственными глазами. Он едет, не зная, что будет делать: будет ли искать опоры в крестьянском движении для борьбы с советской властью или примирится с советской властью. Когда он был арестован и перед судом выступал с покаянием и заявлением о признании советской власти, то всякому было ясно, что в этих словах нет еще переворота. Ведь он новой России еще не видел. Ведь он немедленно после перехода границы был арестован. Почему же он ее признал? Струсил ли он? Вряд ли. Савинков не струсил перед лицом царского суда, не трусил в сражениях. Почему ему трусить перед трибуналом революции? *Он испугался не смерти, а приговора революции.* Ему легко было принять смерть из рук царского трибунала, но, разуверившись в контрреволюции, он испугался не меча, а приговора революции. И в мучительных ночах он пытался преодолеть свои сомнения, он пытался поверить в революцию, и перед приговором он поднялся, дабы закричать революции: я в тебя верую. Оторвавшийся от буржуазного общества атом искал матери земли, класса, к которому можно было бы присоединиться, дела, в которое можно было бы уверовать, искал объединения с великим целым, общим, для которого стоит жить.

Его помиловали. Революция не казнит тех, которые отреклись от борьбы с ней. Но этого было мало Савинкову. Он хотел работать. Он хотел жить. Он ожидал освобождения, и он ожидал участия в жизни. Он пишет об этом Дзержинскому. Почему он не дождался ответа? Потому, что в бессонных ночах, когда думал о том, почему ему не верят, он должен был задать себе вопрос: а что будет, если советская власть ему даже поверит, освободит его и даст

ему работу,— поверят ли ему другие, найдет ли он место в новой жизни? Он пришел к убеждению, что нет! И, прыгая с пятого этажа, он спасался *от бездны*. Для него не было места среди трудящихся масс.

14 мая 1925 г.

ВИЛЬСОН

Известие о смерти Вильсона не потрясет никого. Вильсон умер политически в тот день, когда был подписан Версальский мир. Теперь же Америка похоронит с большой помпой то, что осталось живым после смерти Вильсона, происшедшей в Париже в 1919 г.

Но с именем Вильсона связана последняя утопия буржуазии, утопия, которая одушевляла в годы войны миллионы людей, утопия, которая была последней великой идеей капиталистического мира. С момента гибели этой утопии капиталистический мир будет жить ровно столько, сколько позволит рабочий класс, но жить он будет только как мертвец, пьющий кровь живых.

Карьера Вильсона представляет собой образец тех специально-американских явлений, которые мы, европейцы, не в состоянии понять, а именно: в Америке на руководящие посты попадают государственные люди, которые не отличаются обыкновенно ни умом, ни характером, о которых буквально не знаешь, почему они попали в президенты, а не в старшие помощники младшего секретаря в каком-либо из бюрократических учреждений. Со смерти Линкольна Америка не имела ни одного президента, который был бы выдающимся государственным мужем. Все прошлое Вильсона, казалось бы, должно было его предохранить от возможности попасть в президенты. Человек окончил юридический факультет, чтобы стать адвокатом, но, правильно оценив свои способности, он предался обучению молодых девиц. Затем он решил посвятить себя ученой карьере и начал писать книги, какие может высидеть ежегодно любой профессор Котляревский, не напрягая при

этом никаких других органов, кроме тех, которые нужны для сидения. Книгу Вильсона по истории государства можно было бы применять в американских тюрьмах, как орудие пытки арестантов. Главный его труд «История Америки» представляет собой скучнейшее прагматическое руководство заурядного буржуазного историка. Единственная вещь, в которой Вильсон проявил что-то в роде темперамента и мысли, это его журнальная статья, посвященная Эдмунду Берки, великому английскому консервативному писателю конца XVIII века, хулителю французской революции. Вильсон прославляет Берки за то, что этот талантливый, хотя и бесхарактерный писатель боролся против проникновения идей французской революции в Англию, и с ужасом ставит себе вопрос, что бы было, если бы идеи французской революции победили в Англии.

В 1910 г. Вильсон, покинув пост ректора университета в Принсетоне, где его реформаторские школьные идеи потерпели полное крушение, выставил свою кандидатуру на пост губернатора штата Нью-Джерсей. Этот штат, который находится по соседству с Нью-Йорком, применял законы о контроле над трестами еще более деликатно, чем это делалось в Нью-Йорке. Демократическая клика, которая в то время хозяйничала в Нью-Джерсее, была очень «с чистым жилетом». Ученый профессор, который не брал «с чистым желтом». Ученый профессор, который не брал взяток, а даже прославился в бытность ректором университета тем, что боролся против вмешательства финансистов в ведение университетских дел, как нельзя лучше подходил для того, чтобы прикрыть старую коррупцию. Биограф Вильсона, Даниель Халеви, в книге своей, посвященной прославлению Вильсона, очень недвусмысленно объясняет, почему старые крысы демократической коррупции прибегли к помощи Вильсона. «Один из приемов американских «политиков»,— пишет он,— состоит в том, что они прячутся за кандидата, который не является профессиональным политиком. Они выдвигают человека, который умеет нравиться, который имеет успех благодаря новизне своего имени или благодаря известной славе, завоеванной в других областях, в университете или в суде — короче говоря, человека, как Вильсон, которого можно купить высоким постом. Политики, выдвигающие такого кандидата,

спекулируют на неопытности новичка и на своем искусстве взять его крепко за руки на следующий же день после выборов и обеспечить себе таким образом возможность господствовать и впредь без всяких помех». Благодаря этим методам пресловутой американской демократии, наш профессор попал в губернаторы.

На этом посту, ничего не изменяя в управлении штатом, Вильсон закатывал речи против господства трестов. Кто прочтет эти речи, собранные в книге под заглавием «Новая свобода», тот подумает, что вот, наконец, объявился справедливый человек, дабы уничтожить Содом и Гоморру. Вильсон требует открытого ведения дел трестами, выдвигает буквально большевистский лозунг 1917 г. об уничтожении коммерческой тайны, требует подчинения больших трестов контролю общества. Это создало ему славу истинного демократа и подготовило почву к избранию его в президенты Соединенных штатов Америки в 1912 году.

На этом посту Вильсона застала война. Применяясь к антивоенному настроению большинства населения Соединенных штатов, Вильсон произносит одну антивоенную речь за другой, как-будто в него вселился дух пацифистских пророков. Он выступает против тайной дипломатии, против тайных договоров, он говорит о совместных интересах всех наций, о необходимости их объединения. Он говорит так хорошо, что от него приходят в восторг не только все буржуазные пацифисты, но и в рядах социал-демократических партий, как только стала сказываться усталость от войны, начинается буквально культ Вильсона. Старик Каутский даже пишет исследование об исторических корнях пацифизма Вильсона.

В это же время финансовый капитал Соединенных штатов работает под руководством Моргана над снабжением союзнической армии. Некоторые объясняют это кровной и национальной связью руководящих английских и американских финансовых кругов. Но это вздор. Банкиры чисто немецкого или еврейско-немецкого происхождения, как Барух, Шваб, Кан, работали на Антанту не менее усердно, чем Морган. Это имеет простую причину. Англия господствует на море, поставки для Германии вызвали бы конфликт с английским империализмом, поставкам же для со-

юзников Германия не могла воспротивиться, ибо флот ее сидел запертым в Северном море.

С августа 1914 г. до февраля 1917 американские тресты снабдили Антанту снаряжением и продуктами питания на 10,5 миллиардов долларов. Перевес американского экспорта над импортом дошел до 5,5 миллиардов долларов. Антанта платит золотом, американскими ценностями, находящимися в руках антантовских капиталистов. «За два года войны молодой Морган заработал больше, чем старик Морган за всю свою жизнь»,— пишет Джон Кенет Тернер в своей великолепной книге об участии Америки в войне, книге, которая дает самую яркую, основанную на фактах картину диктатуры финансового капитала в демократических Соединенных штатах во время войны. Всякое сообщение о возможности мирных переговоров приводит к падению бумаг американских трестов, и банкиры ничего так не боятся, как мира.

Три четверти американской печати работают на Моргана и его соучастников в великом грабеже. Рука об руку работает с ними американская бюрократия, которая в то время, как Вильсон взывает в своих речах о защите свободы и демократии, сажает в тюрьмы тысячи людей, борющихся против опасности войны. В 1916 г. происходят выборы в президенты, и Вильсон фигурирует кандидатом в президенты, который спас Америку от войны, в качестве президента нейтралитета и мира. Тресты, держащие в своих руках всю реальную власть, потирают от удовольствия свои грязные лапы. Вильсон выходит победителем. Подготовка к вступлению в войну идет полным ходом.

Антанта испытывает все большие затруднения в оплате новых заказов в Америке. Она угрожает, что будет вынуждена ограничиться производством снаряжения у себя, если Америка не вступит в войну. Весной 1917 г. Вильсон делает все приготовления к разрыву с Германией и производит этот разрыв.

Вступление Америки в войну состоялось вопреки желанию громадного большинства американского народа. Это сказалось лучше всего в незначительном количестве добровольцев, заявивших о готовности вступить в ряды армии. Волна репрессий не только против социалистов, но и всяких противников войны, достигнувшая в Америке размеров,

каких не знала даже царская Россия, подтверждает нежелание народа воевать. Финансовый капитал победил, он теперь может наживаться, как никогда в истории человечества, притом уже за счет народных масс Америки. Вильсон отдает все управление военной промышленностью, раздачу заказов, назначение цен в руки заинтересованных капиталистических организаций, сам же начинает проповедь условий вечного мира, который будет достигнут после крушения тирании Гогенцоллернов.

Эта проповедь вливает новые силы в усталые армии Антанты. Речи Вильсона дают французскому, бельгийскому, английскому солдату веру, что, если он погибнет, то война, которая его убьет, будет последней войной. Вильсонизм делается верой страдающего на полях сражения человечества, мелкобуржуазных масс всего мира. Уничтожение военных союзов, тайных договоров, самоопределение наций, уничтожение милитаризма,— тысячи газет повторяют изо дня в день эти лозунги президента Соединенных штатов, главы самого могучего государства в мире.

Настал день, когда дрогнул германский фронт. Германское правительство, увидев у своих ног пропасть, цепляется, как за соломинку, за 14 пунктов Вильсона, которые должны спасти германский капитализм от растерзания его победоносной Антантой. Германия обращается к американскому президенту, как к мировому судье, за условиями перемирия. В продолжение месяца Вильсон цедит сквозь зубы эти условия, деликатно втолковывает Германии, что она не может добиться мира, если не пожертвует кайзером. Таким образом, он буквально организует восстание в Германии. Восстание начинается на деле, германские господствующие классы капитулируют в лесу Компьень. Условия перемирия ужасны, они означают полное бессилие Германии при мирных переговорах. Но даже если бы кто-нибудь и вздумал оказать сопротивление, он был бы растерзан народной массой Германии, которая глубоко верит, что Вильсон заступится за нее при мирных переговорах. Социал-демократическое правительство в страхе перед революцией поддерживает эти надежды на Вильсона. Только Советская Россия разъясняет международному пролетариату с трибуны съезда Советов и в ноте, посланной Вильсону, что все обещания Вильсона — один обман.

Начинается трагикомедия Версаля. Мы имеем теперь очень яркую картину того, что происходило за стенами кабинета, в котором решали судьбу человечества четыре человека: Клемансо, Ллойд-Джордж, Вильсон и Орландо. Книги секретаря Вильсона, Бейкера, книга Тардье, одного из главных руководителей французской делегации, книга Кейнса, английского эксперта по финансовым делам, сохранили эти картины для человечества. Старик Клемансо, человек железной воли, знающий, что пришел час мести за разгром Франции 1871 г., человек, который 50 лет ждал этого момента реванша, олицетворение национальной ненависти — с одной стороны, Ллойд-Джордж, представитель могучей английской буржуазии, озабоченный тем, чтобы не дать возможности Германии восстановить свой могущественный флот, не допустить, чтобы Франция сделалась опасным противником, помешать Америке сделаться гегемоном мира,— с другой стороны. И между ними профессор, не имеющий никакого конкретного понятия об европейских делах, слабый, растерянный, приходящий на заседания с других собраний с французскими элегантными дамами, которыми этого американского пуританина окружала французская дипломатия. Но если бы Вильсон и не показал себя слабохарактерным дураком среди волков, если бы он был человеком из стали, то и тогда ни одно из его обещаний не могло бы быть выполнено.

Американский финансовый капитал вышел из войны самым сильным. Но если бы удалось создать фактический союз народов, решениям которого должна была бы подчиниться и Америка, то комбинация других держав в рамках этого союза могла бы оказаться сильнее Америки. Американскому капиталу было выгоднее остаться лицом к лицу с распыленной, балканизированной Европой и проводить свою гегемонию над десятком изолированных, слабых, нуждающихся в помощи Америки стран. Все идеи Вильсона о создании действительной Лиги Наций, открывающей путь к объединению всего капиталистического мира для воссоздании его хозяйства, оказались невыгодными для американского капитала. Лига же Наций в том виде, как она создалась после капитуляции Вильсона, не могла найти поддержки в народных массах Америки.

Американский финансовый капитал, который ограбил

полмира, в том числе и американское население, должен был считаться с настроениями мелкобуржуазной американской массы, страдающей от бешеной дороговизны, массы, которой до последней степени опостылела война. Долой европейские дела — вот было настроение этой массы.

Разочарованные пацифисты были врагами Версальского договора, ибо он стал в резкое противоречие со всеми прежними проповедями Вильсона; масса же американского населения была против него, ибо он возлагал на Америку обеспечение грабительского Версальского мира и автоматически втягивал ее в будущую войну. Так вернулся Вильсон в Америку, как политический труп.

Крушение Вильсона одни объясняют его слабостью, другие заявляют, что этот последний пророк международной буржуазии был большим лицемером и шарлатаном. Этот вопрос можно спокойно предоставить любителям биографий великих мужей погибающего капитализма. Будь Вильсон человеком кристальной чистоты, человеком героического характера, идеи его все же должны были бы погибнуть. Капиталистический мир есть мир, основанный на конкуренции. Против одной разбойничьей организации, которая пытается организовать ограбление народов, поднимаются другие, ищут новых методов получения сверх-прибыли; с интересами национальной буржуазии связаны интересы династии, военных клик, и все они направлены к увековечению конкуренции, вооружений, войны, национальной розни.

Идея организованного человечества перестает быть обманом или утопией только с момента, когда ее берет в руки класс, заинтересованный в уничтожении эксплоатации одной части мира другой, класс, который может окончательно победить только через свою международную боевую организацию и который обязан после своей победы заменить ее международной организацией хозяйства. Ленин был олицетворением этой великой реальной идеи организованного человечества.

Пройдут десятки лет, пока эта идея будет реализована, но в ней нет ни одной иоты утопии; она есть цель, к которой будет стремиться международный пролетариат, ибо эта цель стоит перед ним и светит ему, как звезды светят над головой человека.

5 февраля 1924 г.

ЛЛОЙД-ДЖОРДЖ

После шестнадцати лет участия в английском правительстве, после шести лет руководства английским правительством Ллойд-Джордж подал в отставку. Отставка его была результатом голосования в Карлтон-клубе, организации руководящих кругов консервативной партии. Большинством около двух третей голосов клуб финансовой и капиталистической олигархии, управляющей Великой Британией, высказался за немедленные выборы, на которых консервативная партия решила выступать самостоятельно. И этого было достаточно в стране, которая сама себя считает самой демократической, для того, чтобы премьер-министр Ллойд-Джордж, единственный буржуазный политик в Европе, проявляющий что-то в роде проблесков понимания международного положения, вынужден был подать в отставку. Поражение Ллойд-Джорджа является крупнейшим историческим фактом. Значение его можно оценить только тогда, если попытаться начертать хотя бы в общих линиях картину политического развития Англии за последние 30 лет.

Ллойд-Джордж, сын деревенского учителя, воспитан дядей-сапожником в далеком уголке Англии, в Уэльсе, вырос в среде мелкобуржуазного радикализма, Мужики, лавочники, ремесленники Уэльса принадлежали к свободной баптистской церкви, были противниками зависимости церкви от государства, были мелкобуржуазными демократами. Ллойд-Джордж воспитывался на их дискуссиях и на их борьбе против уплаты податей в пользу государственной церкви. Его дядя, сапожник, был проповедником бапти-

стов, и Ллойд-Джордж приготовлялся для этой роли. Но так как баптисты требовали от своих проповедников, чтобы они занимались трудовой жизнью, то он пошел на выучку к маленькому провинциальному адвокату и там, познакомившись с делом практически, подготовился к нужным экзаменам. Одновременно он разъезжал по всей стране, как агитатор. С детства своего Ллойд-Джордж жил в беднейших условиях и до последних лет вспоминал в часы раздумья тяжелый труд своей матери, которой пришлось прокормить детей после смерти мужа своими руками; эти воспоминания и были источником его социал-реформистских стремлений.

В 1890 г., 28 лет от роду, он попадает в парламент, как депутат от графства Карнарвон, в котором он воспитывался. Одновременно он занимается адвокатской практикой в Лондоне, живя с товарищем в одной комнатке. Он был так беден, что не мог начать своей адвокатской практики, ибо у него нехватало 30 рублей, чтобы купить себе официальное черное платье для выступлений в суде. Его тогдашний товарищ по комнате рассказывает, что ему никогда в жизни не пришлось слышать таких страстных обвинений против капиталистического строя, как в эти годы из уст Ллойд-Джорджа.

Когда Ллойд-Джордж начал выдвигаться на обще-английской политической арене, Англия переживала глубокий внутренний кризис. Период манчестерства, период, когда вся английская буржуазия стояла на точке зрения свободы торговли, либеральных мирных отношений ко всем странам, при сохранении обособленности Англии, миновал. Германская конкуренция и развитие американского капитализма начали толкать буржуазию на путь открытого империализма. В период после таможенной реформы 1846 г. Англия была единственной сильной капиталистической державой, и она могла полагаться на победоносную силу своих дешевых товаров. Поэтому английская буржуазия была против захвата новых колоний, против охранительных пошлин. Но теперь, когда охранительная таможенная политика победила, буквально, во всех европейских странах и в Америке, когда английские товары везде натолкнулись на конкуренцию, в Англии усиливается стремление связать английские колонии с Англией та-

моженной стеною. Одновременно растет сознание необходимости усилить флот для защиты английских колоний и для борьбы за новые. Во главе этого движения стоит Джозеф Чемберлен. И оно завоевывает английскую буржуазию. Бурская война является одним из результатов этой политики. Ллойд-Джордж выступает как ярый ее противник. Во время бурской войны он мужественно борется против джингоизма, против «религии крови и железа», против религии империалистического разбоя. Многократно он выступает на митингах против разъяренной толпы и подвергается нападениям. Политика Чемберлена не ведет к цели, которую он себе поставил. Интересы земледельческих колоний Англии, которые стремятся получать промышленные изделия, откуда бы они ни происходили, если они только дешевые, являются одним из главных препятствий для экономического объединения английской империи. В том же самом направлении действуют интересы широких масс рабочего класса Англии и английской мелкой буржуазии. Английская мелкая буржуазия сохранилась, несмотря на высокий уровень капиталистического развития Англии, лучше, чем мелкая буржуазия других стран, главным образом, благодаря дешевизне самых необходимых для жизни продуктов. «Дешевый завтрак» является средством, при помощи которого буржуазия убила революционное стремление в рабочем классе. Политика Чемберлена угрожает дороговизной, и рабочие массы против нее. Опираясь на эти широкие массы мелкой буржуазии и рабочих, английская торговая буржуазия, английская текстильная промышленность, которая еще удерживает за собой мировые рынки, благодаря дешевизне своей продукции, начинает борьбу против империалистической протекционистской политики. Манчестер, главный центр текстильной промышленности, борется с Бирмингамом и Шеффильдом — центрами металлургической промышленности, которая является главной базой империализма. В 1906 г. побеждает политика либеральной части буржуазии и мелкобуржуазного радикализма. Ллойд-Джордж, один из застрельщиков этой политики, входит в правительство в качестве министра торговли. В 1908 г. он занимает один из самых важных постов в правительстве — пост министра финансов, на котором остается до 1916 г.

Первые годы Ллойд-Джорджа на этом посту — это его героическое время.

Против лозунга империалистов, согласно которому протекционный тариф будто бы обеспечит рабочим высокую заработную плату и иностранные конкуренты будут пошлинами заполнять государственную кассу Англии, Ллойд-Джордж выдвигает идею налогового обложения крупной буржуазии и аристократии. Против империалистической идеи вооружения он выдвигает идею социальной реформы, которая должна улучшить жизнь широких масс рабочего класса. 29 апреля 1909 г. он вносит в парламент свой бюджет, и 4-часовую речь, в которой он обосновывает этот бюджет, он кончает словами: «Это есть военный бюджет. Он должен дать деньги для неутомимой войны против нищеты и понижения жизненного уровня народных масс». Чтобы дать понятие о духе агитации Ллойд-Джорджа в это время, мы приведем только две выдержки из его речей: «Ни одна страна, которая позволяет голодать больным, инвалидам труда, вдовам и сиротам, не имеет права называться цивилизованной. Общество отменило уже сотни лет наказание голодом даже для самых больших преступников, и даже в варварских стадиях человечества никто не приговаривал детей преступников к голоду. А что мы видим в теперешнем обществе? В цвете своих лет рабочий теряет силы и работоспособность. Он служил всеми своими силами обществу. Теперь он больше не может служить. Позволительно в этой стране богатства предавать его и его детей голоду?»

В другой речи он говорит: «Я бы хотел, чтобы парламенты были маяками, освещающими все темные места общества,— всякую нищету, всякую несправедливость, всякое порабощение. Теперешнее положение не может долго продолжаться. Противоречия между богатством и роскошью одного класса и нищетой и деградацией других чересчур большие. Один работает чересчур много и должен голодать, другой лодырничает всю жизнь и проводит время в пирах. Это так дальше не может продолжаться. Справедливость и милосердие являются вечными элементами управления миром. И система, которая улицу роскоши мостит сердцами страдающих масс, обречена на гибель». Таким духом исполнены все речи Ллойд-Джорджа

этого периода, собранные в книге «Лучшие времена», книге, которую можно считать образцом агитации. Буржуазия кричала о социализме Ллойд-Джорджа. Ллойд-Джордж не был никогда социалистом. Он никогда не стремился к уничтожению капитализма. Он был только мелкобуржуазным радикалом, стремящимся к уничтожению земельной ренты и к ограничению прибыли. Ллойд-джорджовский бюджет вызвал страстную борьбу палаты лордов. Не имея никакого права на это, палата лордов отклонила ллойд-джорджовский бюджет, как подрывающий основы английского государства. Новые выборы дали еще раз большинство либеральной партии. Ллойд-Джордж провел свой бюджет и целый ряд социальных законов.

Но миновало уже время побед мелкобуржуазного радикализма, побед буржуазной социальной реформы, Англия отклонила империалистическую политику Чемберлена, но она не могла удержаться вдали от потока империализма. В 1902 г., заключая союз с Японией против России, угрожавшей английскому империализму в Средней Азии, она вступила на путь стремительных вооружений. После разгрома России, Англия очутилась лицом к лицу с германским империализмом, строящим флот и освобожденным от давления царской России. В 1904 г. начинается англо-французское сближение, которое за спиною английского народа переходит в «Антанту», являющуюся на деле франко-английским союзом против Германии. Постройка дредноутов, самых сильных линейных кораблей, которые должны были дать перевес Англии, усиливает шансы германского империализма, ибо она уменьшает значение старых кораблей, в которых Англия имела перевес.

Попытки правительства Асквита, который занял место умершего Кэмпбеля Баннермана, сговориться с Германией насчет ограничения вооружений, не ведут к цели. Английский империализм не соглашается отказаться от своего требования, чтобы Англия имела флот, равный двум сильнейшим флотам мира. Мелкобуржуазный радикализм не может удержаться на позициях пацифизма. И когда в 1911 г. Германия посылает военный корабль «Пантеру» в Агадир, на западное побережье Марокко, дабы этим заявить всему миру, что она не позволит Франции и Англии

задержать экспансию германского империализма, либеральное правительство Асквита выступает на защиту интересов английской империи. Германская база на западном побережье Марокко угрожала бы водным путям, по которым Англия получает свое сырье и хлеб. Во время марокканского кризиса выступает Ллойд-Джордж со своей знаменитой речью, в которой он — вождь мелкобуржуазного реформаторского пацифизма — угрожает войной Германии. Эта речь Ллойд-Джорджа является поворотным пунктом не только его истории, но истории современного английского либерализма. Эта его речь означала капитуляцию мелкобуржуазного пацифизма перед интересами тяжелой индустрии, перед интересами захватнического империализма. Когда английское либеральное правительство очутилось в июльские дни 1914 г. перед лицом опасности мировой войны, оно уже не имело выбора. Когда 3 августа министр иностранных дел либерального правительства Англии, Грей, заявил в палате, что Англия формально не связана, но что существуют моральные обязательства английского генерального штаба по отношению к французскому генеральному штабу, то вопрос об участии Англии в войне был решен. «Защита Бельгии» была только предлогом. Англия не могла допустить победы самой сильной промышленной страны в Европе. И она вступила в империалистическую войну.

В этой войне «пацифист» и «социальный реформатор» Ллойд-Джордж занял место министра вооружений. И он сделался душою Антанты. С той же самой страстью, с которой недавно он вел войну за социальные реформы против нищеты, он двигал все силы Англии, организовывал их для войны. В этой работе над организацией военной промышленности он сблизился с самыми руководящими кругами английской тяжелой промышленности, английского империализма. И они сделали его в 1916 г. главою коалиционного правительства, объединяющего не только торговый капитал и обрабатывающую промышленность с тяжелой промышленностью, но даже с вождями «рабочей партии». В правительстве Ллойд-Джорджа сидит вождь «рабочей партии» Гендерсон и помогает ему уговаривать рабочих отказаться от всех социальных реформ, напрягать все силы для борьбы за победу. Ллойд-Джордж становится лю-

бимцем английского капитала и делается его лучшим оружием. Никто не умел так организовывать, внушать народным массам, что борьба идет не за капиталистическую прибыль, а за демократию, за будущий мир на твердых основах, за равное право развития для всех. Никто не умел так, как он, бороться против всякой попытки окончить войну сделкой с Германией. После того, как Англии удалось вовлечь в войну Америку, Ллойд-Джордж выгоняет из правительства Гендерсона за то, что этот вождь рабочей партии из трусости перед пацифистскими стремлениями рабочих посмел согласиться на созыв Стокгольмской конференции социал-патриотов, которые должны были подготовить компромисс между воюющими странами.

В ноябре 1918 г. Антанта победила Германию. Ллойд-Джордж стоял в апогее своей славы, либерализм лежал на земле с поломанными костями.

С присущим ему инстинктом, Ллойд-Джордж понимал великолепно, что окончание войны чревато громадными опасностями для международного капитала. Он видел пожар русской революции и понимал, что теперь рабочие массы, возвращающиеся с войны, предъявят свои требования. И поэтому он пытался сохранить во что бы то ни стало единство буржуазии. Он выступил самым решительным образом против тех либералов, которые хотели восстановить независимость либеральной партии при выборах.

Когда часть этих либералов, под руководством Асквита, выступила на выборах в качестве «независимых либералов», он разгромил их. 31 голос завоевали в декабрьских выборах 1918 г. либералы — противники коалиции, в то время как консервативная партия завоевала 358 мест, а коалиционные либералы 124. Число голосов, поданных за коалицию либералов и консерваторов, равнялось 5 295 000, в то время как «независимые» либералы завоевали только 1 298 000 голосов. В этой победе коалиции выражалось не только опьянение победой, жажда заставить Германию уплатить всю стоимость войны, но и глубокий социальный сдвиг, происшедший за время войны. Английская промышленность, которая до войны была очень плохо организована, объединилась в крупнейшие организации, держащие всю политику в своих руках. Ллойд-Джордж

стал представителем самых спекулянтских элементов английского капитала.

Если анонимный автор памфлета о руководящих английских политиках «Зеркало Даунингстрита» (улица, на которой находится помещение английского правительства) говорит как о признаке морального разложения Ллойд-Джорджа, что он окружил себя очень «двусмысленными людьми» (неназванный автор намекает на приятельские отношения Ллойд-Джорджа к таким спекулянтам, как лорд Сесун или Василий Захаров), то в этом моральном разложении выражался тот факт, что военные спекулянты сделались одной из руководящих сил капиталистической Англии. Ллойд-Джордж был их пленником. И поэтому, великолепно понимая, что разбойничий Версальский мир будет только исходным пунктом для новых вооружений и новых войн,— он это предсказал в меморандуме к руководителям Версальской конференции,— он не мог решиться на борьбу с империалистическими разбойничьими стремлениями, ибо, разбив вдребезги мелкобуржуазную радикальную партию, он не мог опереться больше ни на кого, кроме шовинистского империалистического большинства парламента.

Вся политика Ллойд-Джорджа после Версальского договора, как внутренняя, так и внешняя, была полна противоречий, причем в окончательном счете всегда брали верх империалистические элементы. По отношению к рабочему классу Ллойд-Джордж играет роль мастера обмана. Все его заботы направлены только к тому, как бы успокоить, как бы обмануть рабочий класс. Когда в начале 1919 г. углекопы бунтуют во имя национализации угольных шахт, он назначает «анкетную комиссию», которая в продолжение полугода ведет публичное расследование прав угольных королей эксплоатировать углекопов. Комиссия вызывает большой энтузиазм в рабочих массах, они очень радуются, когда Смайли, вождь углекопов, доказывает герцогу Нортумберлендскому, что единственной основой для того, чтобы он держал в рабстве рабочих, является бумага малолетнего английского короля XVI века. Комиссия высказывается за национализацию. Но за это время опасность уже миновала, и Ллойд-Джордж показывает углекопам кукиш. Все обещания Ллойд-Джорджа о том, что будет открыт путь для демократии, являются грубейшим обманом.

Никогда в Англии не господствовала так безраздельно маленькая клика, возглавляемая премьер-министром, как в это время «демократии».

Во внешней политике Ллойд-Джордж имел свою линию. Он понимал великолепно, что Англии, у которой вырос грознейший конкурент в лице могущественной Америки и которой на материке предстоит борьба за гегемонию с Францией, опирающейся на сухопутную армию в 800 000 человек и на целую систему союзов,— что Англии, которая перестала быть монопольной державой на море, надо опереться на Германию и Россию. Он был противником интервенции, как был противником удушения Германии. Но он был пленником империалистических сил и поэтому должен был твердить как попугай: «Германия должна уплатить». «Советские разбойники должны быть уничтожены». Но скоро оказалось, что Германия не может платить, а «советские разбойники» имеют очень твердые когти и не даются легко в руки. Ллойд-Джордж пользуется победой Советской России, чтобы окончить интервенцию и заключить торговый договор. Но он не имеет силы, чтобы заставить английское правительство итти на честную сделку с Советской Россией. Он не имеет силы преодолеть саботаж своего министра иностранных дел, лорда Керзона, проводника биконсфильдской политики ослабления России. В Генуе он выступает с программой, на основе которой сделка с Советской Россией не может состояться, ибо, созвав конференцию под лозунгом восстановления европейского хозяйства, он требует от России, чтобы она взяла на себя бремя, которое сделало бы ее колонией союзников. Он является застрельщиком пересмотра экономических требований союзников по отношению к Германии. Он за кулисами уговаривает Францию отказаться от намерения зарезать германскую курицу, которая должна нести золотые яйца. Но всегда, когда Франция угрожает самостоятельной политикой по отношению к Германии, он ей уступает, ибо империалистические элементы Англии боятся распада Антанты, как прыжка в неизвестность. В своей лебединой песне, в речах в Манчестере, он даже намекает на то, что он понимал безумие английской политики по отношению к Турции. Но эта политика проводилась им, и ее банкротство было последним камнем, на котором он споткнулся.

Восточный кризис и банкротство политики английского правительства были только последним толчком, благодаря которому Ллойд-Джордж пал. Настоящих причин этого падения две: во-первых — усиление в результате войны империалистических реакционных элементов английской буржуазии,— они считают, что им уже не нужна ллойд-джорджовская маска; во-вторых — внешняя опасность, в которой находится английский империализм на Ближнем Востоке и в Азии, где против него мобилизуются силы революционного колониального национализма.

Затруднения на Дальнем Востоке, где английскому империализму приходится бояться, что он, пытаясь сидеть на японском и американском стульях, сядет между обоими; затруднения на континенте Европы, где Англия многократно стояла над пропастью разрыва с Францией; усиление самостоятельности колоний; глубочайшие экономические затруднения и связи с междусоюзными долгами и новым таможенным тарифом Америки — все эти опасности требуют твердого курса. Консерваторы готовы заплатить отказом от блестящего ума Ллойд-Джорджа за то, чтобы у руля стояла твердая рука, хотя бы и руководимая тупым мозгом.

С поражением Ллойд-Джорджа уходит пока что с исторической сцены последний талантливейший вождь империализма, последний вождь, который, имея конструктивные идеи спасения капитализма, не находил в своей власти сил, которые помогли бы ему провести их в жизнь. Буржуазия требует теперь тупых и сильных политиков. Но они ее не спасут, ибо нельзя восстановить капитализм без всякой руководящей идеи, только простым разбоем. Падение Ллойд-Джорджа будет иметь своим последствием очищение пути для новых группировок; оно повлечет за собой громадное обострение международных отношений.

21 октября 1922 г.

Лорд КЕРЗОН

«Уже на школьной скамье я находился под очарованием священной Индии. Скоро я понял, что нет высшей чести для подданного английской королевы, какого бы он ни был происхождения, как посвятить всю свою энергию индийской службе».— Так говорил лорд Керзон, когда на 39 году своей жизни, в 1898 г., был назначен вице-королем Индии. В этом его рассказе нет никаких преувеличений. Лорд Керзон вырос в мечтах о том, чтобы быть вице-королем Индии.

Происходя из аристократической семьи, он поступил в лучший, так сказать, рабфак английской аристократии: в Итонский, а позже, Билиольский колледж при Оксфордском университете. Наши читатели, наверное, не знают, что такое английский колледж, а тем более, что такое Итон или Билиоль. А стоит познакомиться с этими питомниками английского господствующего класса! Английская аристократия не посылает своих детей, несмотря на пресловутый демократизм английской жизни, в школы, в которых учатся дети обыкновенных смертных, или даже дети английской буржуазии.

Английская аристократия посылает их в старейшие интернаты, т. е. общежития, существующие при университетах. В этих интернатах наследники английских лордов воспитываются среди своей родни. В старинных помещениях, которые помнят XVI—XVII вв., живет и развивается аристократическая молодежь под наблюдением великолепно оплачиваемых частных учителей. Она носит старую традиционную одежду, придерживается обычаев своих праотцов и изучает не науки, а традиции жизни и господства

английской аристократии. Пусть буржуазная чернь коптится в лабораториях, учится конкретным наукам; английской аристократии это не нужно,— она имеет достаточно денег, чтобы держать при себе ученых лакеев. Там воспитывают не образованного человека, а «джентльмена», который учится слушаться выше стоящих по лестнице социальной иерархии и приказывать ниже стоящим. Спорт — и притом коллективный спорт — играет в аристократических колледжах более крупную роль, чем все науки, вместе взятые. Сыновья английской аристократии учатся не только индивидуальным, но и коллективным действиям. А когда подрастают, они занимаются в своем клубе спортом по всем правилам парламентского искусства. Экзамены в университете являются чистейшей формальностью. Наука не нужна им в жизни. После окончания университета они идут на дипломатическую, военную или другую службу, в которой на практике учатся всему конкретному, что им нужно. Общие же правила жизни дал им колледж, и в этом его задача.

В Итонском колледже молодой Керзон обращал на себя внимание своей надменностью, самоуверенностью в отношении даже к себе равным. Его товарищи по колледжу подметили это преобладание самолюбия в молодом Керзоне, и один из них высмеял его в стишках, начинавшихся со слов:

Я, Натаниэль Жорж, сын лорда Керзон,
Я очень высокая персона...

Рассказывают, что старик Д'Израэли, глава консервативной партии, обратил внимание на молодого человека, которого по воскресеньям встречал на обедах у лорда Мальборо.

Окончив университет, молодой лорд Керзон, которого уже на школьной скамье занимали в первую очередь вопросы величия Англии, принимает пост секретаря министра иностранных дел лорда Сольсбери,— пост, который является обыкновенно преддверием к дипломатической карьере. На таком посту молодой лорд получил возможность прислушиваться к разговорам о внешней политике, читать доклады, направляемые к министру, знакомиться с влиятельными людьми.

Личный секретарь лорда Сольсбери выступает кандидатом консервативной партии на выборах и попадает в 1886 г. в парламент. Понятно, что он не теряет времени на высиживание скамей в парламенте, а скоро начинает разъезжать по всему миру. Нет ни одной страны в Азии, которую бы он не посетил по очереди. Индия имела честь видеть его в 1887 г. Ловат Фрейзер — автор книги, посвященной керзоновскому владычеству в Индии — рассказывает, что молодой Керзон, которому не было еще 30 лет, выйдя из дворца английского вице-короля лорда Дуфрина, сказал: я в этот дом вернусь в качестве вице-короля. Он посещает по очереди Персию, Афганистан, Китай, Японию, Корею, выступая везде не обыкновенным туристом, а в качестве будущего английского владыки.

Эти поездки создают ему имя знатока восточных дел. Результатом их является книга о Персии и о вопросах Дальнего Востока. Эта последняя книга посвящена тем людям, «которые верят, что провидение не создало более могущественного орудия прогресса, чем английская империя». Эти ранние работы показывают Керзона уже таким, каким он войдет в историю. Из них ничего нельзя узнать о том, как живут миллионы и сотни миллионов на Востоке. В них речь идет, если не считать восточных древностей, только о борьбе за обладание этими древнейшими странами, и само собою понятно, что Англия, английская империя, призвана осчастливить их.

Время, в которое Керзону пришлось выступить на политическую арену, было временем величайшего перелома для Англии. Вера в либерализм, вера во всемогущество свободы торговли была поколеблена. Германия, на которую господствующий класс Англии долго смотрел свысока и которой позволил объединиться, выступала с каждым годом более решительно, не только как промышленная страна, но и как страна, стремящаяся к созданию колониального могущества. Если Бисмарк вступал на рельсы колониальной политики нерешительно, толкаемый общественным мнением буржуазии, то вступление на трон Вильгельма II положило начало решительной колониальной политике. Англия, которая еще в 1891 г. согласилась обменять Гельголандский гранитный остров на Занзибар, скоро пожалела о том, что отдала немцам крепость, защища-

ющую подходы к немецким гаваням. С Францией приходилось ежедневно вести споры из-за африканских колониальных дел. Царская Россия, оттесненная от Константинополя, не только начала протягивать свои щупальцы на Дальний Восток, но проникала во все страны Центральной Азии, создавая там угрозу для английского империализма. Затруднения в промышленном развитии Англии привели к нарождению английского социализма. Как ни слаб он был, но появление его было очень симптоматично. Сомнение в том, здоровы ли социальные основы Англии, как червь внедрялось и в сознание господствующего класса Англии. Среди интеллигенции началось брожение, нашедшее свое выражение в создании Фабианского общества. Английская буржуазия и аристократия искали спасения в империализме. Джо Чемберлен, Сесиль Родс уже тогда пришли к убеждению в необходимости расширения Английской империи, в необходимости усиления связи английских колоний и доминионов и создания более сильной империи, чем та, которая досталась в наследство от эпохи торгового капитала и была завоевана Гастингсами и Клайвами. На этой почве произошел раскол в либеральной партии и была создана юнионистская партия из консерваторов и либеральных империалистов. В правительстве, составленном ею, заседал в качестве товарища министра иностранных дел лорд Керзон, который получил, таким образом, возможность доказать правительству и доказать в парламенте, каким хорошим парламентским оратором он вышел из Юнион-Клуба Билиольского колледжа. Один из его биографов говорит, что в своих парламентских речах он обращался с депутатами, как с собранием дефективных детей.

Ожидая назначения, которое позволило бы ему выступить в качестве одного из рыцарей английского империализма, лорд Керзон позаботился о подведении изрядной материальной базы под свою политическую карьеру. Он женился на дочери американского миллионера,— собственника величайшего универсального магазина в Чикаго, происходящего из франкфуртских евреев, которые разбогатели на торговле хлебом. Романтическое преклонение перед величием Англии, аристократическая надменность не мешали ему понять роль низменного желтого металла,

который, несмотря на весьма плебейское свое происхождение, в состоянии озолотить его лордство.

Наконец, в 1898 г., лорд Керзон подошел вплотную к осуществлению своей цели: он был назначен вице-королем Индии. Никогда, со времен туземных королей, Индия не видела такого блеска, какой создал лорд Керзон. Он вел себя в Индии, как настоящий восточный король. В золотой палатке, на слоне, среди шпалер индийских войск, оттесняющих на почтенное расстояние индийскую толпу, показывался Керзон стране. Когда в 1903 г., после вступления на трон Эдуарда VII, Керзон принимал в Дели туземных князей и знать, он восседал высоко на престоле в королевской мантии и с короной, предоставляя церемонию приветствий стоящему у его престола, на две ступени ниже, брату Эдуарда VII, герцогу Коннаутскому. Он не ограничивался управлением Индией. Индия была для него центром английской империи, откуда он руководил английской политикой в Азии. «Индия — крепость, с двух сторон ее окружает, подобно рву, океан, с третьей—горы; за этой стеной тянется гласис различной глубины. Мы не стремимся к его захвату, но не можем допустить, чтобы его захватил противник. Мы будем очень рады, если он останется в руках наших союзников и друзей. Но если вражеские влияния проникнут и укрепятся за нашими спинами, мы принуждены будем выступить. В этом весь секрет положения в Аравии, Персии, Афганистане, Сиаме и Тибете». — Так определял свой взгляд на значение Индии в своей речи 30 марта 1904 г. лорд Керзон и действовал соответствующим образом. Он отправился с четырьмя военными кораблями в Персидский залив, завернув в южно-персидский порт Бендер-Абас, в Ковейт, который должен был представлять собой конечный пункт Багдадской железной дороги, наконец на остров Ормузд, демонстрируя пушками английской военной флотилии, что Англия не допустит никого в Персидский залив. Персия должна была остаться без железных дорог, ибо по железным дорогам могли бы продвинуться, по направлению к Индии, русские солдаты. Шейх Ковейта должен был подписать договор, который запрещал ему входить в сношения с третьей державой помимо Англии. Багдадская железная дорога, выстроенная немцами, должна была упереться в

тупик; Турция не должна была развиваться, ибо это развитие могло помешать стремлениям Англии связать через Аравию и Месопотамию египетскую и индийскую колонии Англии стальными рельсами. Афганистан должен был остаться в цепях феодализма, дабы он не мог угрожать Индии с севера. В центре всей политики Керзона стояла боязнь царского империализма, боязнь России. Удержать ее от проникновения в Азию было главной руководящей идеей Керзона. Видя, что царизм завязает на Дальнем Востоке, он решил рисковать. Экспедиция полковника Юнгхесбенда в Тибет (в 1903—1904 гг.), через снежные перевалы Гималаев, должна была доказать, что Россия не посмеет сопротивляться воле английского империализма.

Во внутренней политике Индии Керзон руководствовался традициями, идущими от Ост-Индской компании; всю свою политику он строил на сделках с туземными князьями, на сделках с феодальной аристократией. Для него не существовали не только безмолвные крестьянские массы, молодой рождающийся пролетариат,— но и индийская буржуазия, индийская интеллигенция. Керзон читал все книги, посвященные Индии, знал все, что было написано об индийской администрации, армии, податной системе, но не заметил одного,— что все это в значительной мере принадлежит прошлому, что за последние годы Индия вступила в период буржуазного развития. Он относился с глубочайшим презрением к индийской интеллигенции. Что могла представлять для воспитанника Итонского колледжа индийская интеллигенция, ее либеральные идеи? Ведь он высмеивал идеи Джона Стюарта Милля о свободе у себя на родине. И разве он должен был уважать их в Индии, когда английский либеральный историк Маколей, борясь за введение современного образования в Индии, сказал, что современное образование приготовит почву для индийского самоуправления. Если дело обстоит так,— тем хуже для современного образования. И зачем оно индусам? Разве они способны быть джентльменами? В состав комиссии, посвященной вопросам системы воспитания в Индии, лорд Керзон не удостоил пригласить ни одного индуса, питая глубочайшее презрение к индийскому национальному движению, которое началось с момента создания индийского национального конгресса. В 1905 г. Керзон

рискнул пойти на раздел Бенгальской провинции для увеличения налогов и для того, чтобы вбить клин между индийскими магометанами и прочим населением. Не подлежит сомнению, что он был глубочайшим образом удивлен, когда это вызвало громадные демонстрации. «Никогда Индия не видела такой популярной демонстрации. Но правительство осталось при своем решении. Буря улеглась только тогда, когда пришло известие, что лорд Керзон отзывается и скоро уедет из Индии. Это — последний, наверняка самый даровитый и без сомнения наиболее сильный вице-король того периода, когда силу администрации считали самым важным»,—пишет Валентин Чирол в своей книге «О старой и новой Индии». Для оценки английской политики в Индии наиболее интересно то, что лорд Керзон сломал себе шею вовсе не потому, что не заметил такой мелочи, как создание новой буржуазной Индии. Он был отозван потому, что в своей мании величия натолкнулся на более сильную волю. Он требовал, чтобы ему были подчинены английские войска в Индии. Если уже быть Цезарем, то какой же это Цезарь, если ему не подчинены войска! Лорд Китченер — тупой солдат, но самая острая сабля английской империи — был другого мнения. И господствующий класс Англии понимал, что, если полагаться на насилие, то лучше уже полагаться на саблю Китченера, чем на надутый пузырь в королевской мантии.

18 ноября 1905 г. лорд Керзон покинул Индию. Осыпанный почестями, он был заживо похоронен в золотом саркофаге. Царская Россия, разбитая на Дальнем Востоке, перестала быть опасной английскому империализму, и лорд Грей пошел с ней на сговор по всем азиатским делам. Россия поворачивала свой фронт против Германии, которая сделалась самым грозным соперником английского империализма. Россия была нужна, как пушечное мясо против Германии.

Антирусская политика Керзона должна была быть сдана в архив. Требовала изменений и индийская политика Англии. Голое насилие и дележ власти с феодальными владыками должны были уступить место политике сделки с индийской буржуазией. Само собою понятно, что такой сдвиг не мог совершиться сразу. Радикал лорд Морлей, министр по делам Индии либерального правительства, при-

шедшего на смену консерваторам, наверно не понимал всей задачи. Но не подлежит сомнению, что реформы Морлея и Минто являются началом этой новой политики, которая привела во время войны к обещаниям самоуправления для Индии и к реформам Монтэгю-Челмсфорда 1919 г., ставившим себе целью привлечение к власти индийской буржуазии и откол национального движения от революционного. Керзон, не понимающий того, что происходит, смотрел из своего золотого гроба на эти перемены с глубочайшим презрением, считая их капитуляцией Англии, смотрел с презрением, которое наверно достигло высшей точки, когда место, освященное его пребыванием в Индии, место вице-короля Индии получил еврейский адвокат, сын торговца фруктами, Айзек Руфус, носящий теперь не менее красиво звучащее, чем имя лорда Керзона, имя лорда Ридинга.

Из своей могилы восстал Керзон на деле только в 1919 г., когда в центре английской политики, после окончания войны, стало снова отношение к России. Назначенный министром иностранных дел, Керзон, по всей вероятности, не противился повороту, который после разгрома Деникина и Колчака наметил Ллойд-Джордж. Англия не вела интервенции с полным напряжением сил. Ей мешал в этом не только глубокий социальный кризис, но и начало борьбы с Францией за гегемонию. Здесь был еще один расчет: если бы белым удалось при помощи Антанты решительными ударами победить советскую власть, то они были бы принуждены предъявить союзникам старые договоры, касающиеся Турции и Персии. В 1919 г., используя временную слабость России, Керзон прибрал Персию к рукам. В Константинополе господствовали англичане. Это положение стало бы очень щекотливым в случае победы белых. Но даже если бы белые, для получения власти, капитулировали перед Англией, то не подлежало сомнению, что в будущем белая Россия должна была бы направить свои усилия именно по линии самых слабых держав, т. е. по линии Востока. «Борются в России белые и красные. Ничего. Надо бы еще было вооружить зеленых»,— сказал один из английских агентов, возвратившихся из Прибалтики. Англии нужна была в первую очередь по возможности продолжительная гражданская война в России. Чем она продолжалась бы дольше, тем слабее и разореннее должна была

выйти из нее Россия. Когда Советская Россия победила, пришлось с нею мириться. Лорд Керзон не препятствовал Ллойд-Джорджу, ищущему в России дешевого сырья с целью освободить Англию от американской зависимости, ибо он надеялся, что Россия достаточно ослаблена и что она не в состоянии будет влиять на развитие Азии. Он надеялся в дальнейшем, что голод, вспыхнувший в 1921 г., принудит Советскую Россию к капитуляции перед Англией. Когда в Генуе Советская Россия не капитулировала, когда она начала восстанавливаться, когда она сделалась центром освободительных движений на Востоке, в Керзоне старая ненависть к царской России вспыхнула с удесятеренной силой против новой рабоче-крестьянской России. Но Ллойд-Джордж, державший властно в своих руках руль внешней политики, не давал ему полной свободы действий. Ненависть к этому плебею, ненависть за то, что лорд Керзон «болел» во время конференции в Каннах и в Генуе, приняла истерические формы. Когда консерваторы решили порвать с Ллойд-Джорджем, Керзон не сумел скрыть свою бешеную радость и поспешил в клуб консерваторов, чтобы присутствовать при похоронах либерального премьера, посмевшего его обуздывать.

Наконец, он остался один у руля иностранной политики Англии. Он заключил мир с Турцией, чтобы отделить революционный Восток от русской революции, впустил французов в Рурский бассейн, чтобы развязать себе руки, и предъявил ультиматум Советской России. Человек, агенты которого со всех сторон окружали Союз советских республик, организуя все враждебные силы против революционного государства, решил требовать от России отказа от пропаганды на Востоке, решил во что бы то ни стало ее унизить, чтобы показать народам Востока, что достаточно поднять нагайку, и взбунтовавшиеся хамы — русские рабочие и крестьяне — встанут на колени, а если не встанут, то он, Керзон, покажет СССР, что с ним шутить нельзя, что он спустит с цепи всех собак против него. Тут сказалась вся пустота Керзона, все его неумение учесть другие силы, кроме наличного золота и наличных штыков.

Правительство СССР пошло на все уступки, которые были возможны, но оно не пошло на сдачу. Керзон вынужден был дожить до того, что руководящие круги англий-

ской промышленности заявили протест против его безумной политики. Председатель группы промышленников в английской палате, вызвав вождя лейбористской партии Гендерсона, заявил ему, что он не допустит разрыва с СССР, что Керзон должен довольствоваться суммой, уплаченной советской властью «обиженной» ею английской шпионке и повторением обещания не вести пропаганды. Порвать с СССР Керзону, таким образом, не удалось.

Его турецкая политика кончилась таким же провалом. Турция, принужденная итти на лозаннскую сделку, не примирилась с английским империализмом, который угрожает ее существованию. В Афганистане Керзону не удалось выбить из занятых позиций СССР. На Дальнем Востоке влияние СССР росло с каждым днем.

Когда, после девяти месяцев господства лейбористской партии, консерваторы вернулись к власти, место министра иностранных дел Керзону больше не досталось. Он был снова похоронен в палате лордов. Влияния на ход иностранной политики он больше не имел. Его звезда окончательно закатилась. Представитель английской аристократии, почитатель голой силы, романтик империализма, бесконечно самодовольный и самолюбивый,— Керзон не был в состоянии понять всей сложности положения английской империи, мощь которой идет на убыль не благодаря агитации той или другой державы, а благодаря тому, что Соединенные штаты Америки сделались руководящей промышленной силой, что народы Востока, которые когда-то были немыми рабами английской империи, проснулись и хотят жить и развиваться, что в лице СССР русский народ развертывает свои силы, что, наконец, условия современной войны уничтожили преимущества островного положения Англии. Надутый лорд, думающий, что достаточно поднять английский хлыст и задрожат народы, был чудаком, который не понимал мира и которого мир перестал понимать.

Над его могилой нельзя даже сказать, что он представлял собой величие английского империализма. Величие английского империализма лежит в той эпохе, когда он был двигателем капиталистического развития. Керзон выступил на историческую сцену, когда английский империализм сделался помехой даже для буржуазного развития на Во-

стоке; Керзон олицетворяет только бездушное насилие, которым английский империализм хочет спасти свое господство. Это насилие было направлено против народов Востока и против русского народа. Россию Керзон ненавидел независимо от класса, господствующего в ней. Он ненавидел русский народ вообще за ту роль, которую он призван сыграть в пробуждении Азии, этого излюбленного объекта английской эксплоатации. К русским рабочим он питал, кроме ненависти, еще и глубочайшее презрение; он не мог понять, как смеют рабочие даже думать о состязании с ним, лордом Керзоном оф Кедльстон. Русские рабочие отплачивали ему той же самой ненавистью и тем же самым презрением. И они не могли понять, как может представитель отживающего свой век мира пытаться задержать поток истории. История докажет, что презрение русских рабочих имело все основания, в то время, когда керзоновское отношение к нам было только выражением надменности представителя старого мира, не понимающего, что ему пора умереть.

21 марта 1925 г.

РАТЕНАУ

После Эрцбергера, самого ловкого буржуазного политика в Германии, Вальтер Ратенау—лучшая голова германского хозяйства — пал жертвой того же самого националистического движения, которое убило Эрцбергера. Оба они пали как представители той части германской буржуазии, которая считает, что надо исполнять Версальский договор, пока в странах самих союзников не созрели силы, которые могут ликвидировать гегемонию Франции в Европе. Оба они пали жертвой радикального крыла германского национализма.

Вальтер Ратенау не являлся представителем пацифизма, за которого его охотно выдавали. Он не был представителем какого-то непричастного к войне течения, которое понимало преступления германского империализма и которое пришло к власти после его свержения. Перед войной этот сын основателя «Всеобщей электрической компании», а после смерти его, председатель совета акционеров этого громадного мирового общества, не только не выступал против германского империализма, но выступал как его глашатай. Он был правой рукой Дернбурга при провозглашении новой колониальной эры в Германии в 1907 г.

В своих докладах после посещения Восточной Африки он разжигал колониальный азарт германской буржуазии. В статье, которую он поместил в декабре 1913 г. в венской «Фрейе-Прессе», он писал буквально следующее: «Последние сто лет, это годы раздела мира. Горе нам, что мы ничего не заплатили и ничего не получили. Приближается время, когда сырье будет не дешевым продуктом рынка, а товаром, за которым будут гоняться конкуренты.

Нам нужны большие области мира. Мы не хотим у одного из культурных государств отнимать то, что ему принадлежит, но при предстоящем новом разделе мы должны получить все, что нам нужно, пока мы не будем обеспечены так же, как другие». И дабы обеспечить за Германией участие в этом будущем разделе, он высказался за «синюю армию», заявляя, что «миролюбие» является политической заслугой только в том случае, если оно одновременно является путем к мощи.

Ратенау не имел никаких иллюзий на счет характера империализма. Ведь в 1909 г. он написал слова, которые уже вошли в историю: «Триста человек, друг друга знающих, руководят хозяйственными судьбами мира и назначают своих преемников из своего же окружения». Он, образованнейший человек современной Германии, не узкий специалист по электротехнике, а человек, который одинаково был у себя дома и в истории искусства, и в философии, и в естествознании, человек громадного экономического горизонта—он примирился во имя империализма с господством Гогенцоллернов и был одним из близких Вильгельму людей. Ни против политики Вильгельма, ни против политики господствующих партий Вальтер Ратенау не написал ни одного слова. Когда Германия, а с нею все человечество очутились над пропастью, он в последний момент в «Берлинер Тагеблат» закричал: «Разве мы живем во время Меттерниха, что бросаем в войну народы из-за трупа убитого герцога?»

Война началась, и Вальтер Ратенау потерял все сомнения. После крушения германского империализма он любил в своих брошюрах и статьях делать намеки на то, что он все предвидел, что он был противником военных иллюзий аннексионистов и т. д. и т. д. Но все это было рассказом для Иванов Непомнящих, и националистическая печать могла в своих памфлетах приводить в изобилии доказательства того, что Ратенау, который организовал во время войны обеспечение Германии сырьем, стоял на вульгарной аннексионистской точке зрения. 6 сентября 1915 г. он писал в частном письме Людендорфу: «Я ничего так не боюсь, как политических уступок Англии, которая за Бельгию согласилась бы на мир и опасный для нас союз, сделав и Россию способной к союзу с нами» (вернее, к вассальст-

ву). «Надо пустить в ход удары ваших армий. Но я не верю в сепаратный мир с Россией, даже если бы захватили Петроград, что имело бы большое политическое значение и дало бы нам в будущем возможность быть опекуном России. Только прорыв западного фронта изменит, по моему мнению, политическое положение. Мир с Францией наиболее возможен и ведет к миру с Россией. После этого мы должны иметь достаточно воли и силы, чтобы бороться с Англией до конца. Хозяйство у нас выдержит. Наши победы на Востоке настолько оживили нашу фантазию, что я не считаю утопическим поход на Египет».

Еще в июле 1918 г., за несколько недель до поражения, которое было началом конца, Ратенау писал во «Франкфуртской газете: «Франция стоит перед опасностью потери своих гаваней и столицы. Не время сейчас думать о том, какую участь предпочтет тогда Франция: нашу ли оккупацию по бельгийскому образцу, в то время как ее правительство будет находиться в Сан-Себастьяне или другом городке, или же она поручит временному правительству подписать мир с Германией. Гораздо важнее, что будут делать наши морские враги. Англии будет очень трудно признать перед всем миром, что она потеряла войну на континенте, что Германию войною нельзя победить. Великобритания на море возьмет верх отчаянными усилиями, в то время как центральные державы будут всецело господствовать на материке. Италия, побережье Средиземного моря открыты для нас. Подводная война достигнет своего апогея. Это будет последний акт войны. Он будет вопросом исключительно силы духа и воли. Германия выйдет победительницей из этого испытания».

Но вот пришел момент крушения, и Ратенау снова выступает против капитуляции и ратует за создание правительства национальной обороны.

Германия была побеждена. Балин, директор судоходного общества линии Гамбург — Америка, единственный из германских буржуа, который имел достаточно разума, чтобы хотя за кулисами бороться против безумной политики германского империализма, кончил самоубийством. Ратенау же начал новую карьеру.

Теперь он выступает, как пацифист, хотя никогда не был

пацифистом, и пишет слезливые послания об общих интересах мирового хозяйства, о необходимости справедливого мира. Он, который признавал вполне соответствующим интересам человечества, чтобы триста финансовых королей господствовали над миром, этот человек, который смотрел на народные массы с такой же точки зрения, как и великий инквизитор Достоевского,— он теперь выступает как демократ и пытается окрасить свой план государственной организации капитализма при полном господстве капитала над правительством в социалистический цвет. И так как большинство народных масс, как и буржуазии, не думает о каком бы то ни было отпоре союзникам, Ратенау делается застрельщиком политики повиновения Антанте, исполнения Версальского договора.

Как человек больших умственных интересов, он глубоко интересовался русской революцией. Когда я сидел в Германии в тюрьме, он в 1919 г. навещал меня, информировался о наших взглядах и высказывал тогда, в момент продвижения Деникина, уверенность в победе русской революции. Он в то время писал: «Советская система призвана заменить западный парламентаризм, банкротство которого, по крайней мере в Германии, ясно доказано германской учредилкой. За шесть месяцев своего существования в России советы, несмотря на свою примитивность и недостаток опыта, проявляли больше инициативы и разума, чем германские парламентарии за 50 лет, не говоря уже о трагикомедии учредилки».

Но, сделавшись министром восстановления разрушенных областей, он с той же легкостью, с какой отказался от своих хозяйственных планов организации производства и государственного контроля над ними, теперь берет курс на компромисс с союзниками, во что бы то ни стало, и является противником сближения с Советской Россией до того момента, пока Германия не будет иметь развязанных рук. Он был главным застрельщиком идеи международного синдиката для эксплоатации России, и как бы он в дипломатических переговорах ни пытался приукрасить эту идею, он ее понимал, как колонизацию России. Абстрактный рационалистический ум, мыслящий исключительно в категориях международного капиталистического хозяйства, он не понимал, что такая позиция была бы лучшим сред-

ством к тому, чтобы на долгое время вбить клин между Германией и Россией, сделав Германию приказчиком антантовской эксплоатации в России, сделав русский трудовой народ врагом Германии. Рейхсканцлер Вирт, человек не столь широко образованный, как Ратенау, и не имевший его опыта, однако, имел настолько чуткости, чтобы одергивать его не только за кулисами, но и публично в рейхстаге.

Ратенау, человек блестящей диалектики, был настолько убежден в неотразимости своей аргументации, что после разговоров в Лондоне с Ллойд-Джорджем и своего выступления в Каннах, где блестяще защищал позицию Германии, он был убежден, что психологически перелом в Антанте по отношению к Германии уже наступил, что Германия будет допущена к столу союзников, как великая промышленная держава. Поэтому он пытался держаться, по возможности, подальше от России, чтобы не компрометировать себя перед Западом. Он видел только нетронутый хозяйственный аппарат Германии, а не видел цепей на ногах и руках германского народа. Поэтому, первая же неделя в Генуе принесла ему огромное разочарование. Убедившись, что союзники не намерены рассматривать Германию, как равноправную сторону, увидев, что они ведут сепаратные переговоры с Россией, и узнав из меморандума союзных экспертов, что они на деле предлагают Советской России использование Версальского договора (когда советские представители это предсказывали, он считал это смешной попыткой запугивания),—Ратенау решился послушаться тех из советников, которые требовали заключения мира с Россией и самостоятельной политики по отношению к ней. Единственную попытку в этом направлении Ратенау сделал не на основе продуманных политических выводов, а под впечатлением банкротства своей политики.

Ратенау был безусловно один из образованнейших представителей германской буржуазии, но в политике ему недоставало не только непосредственного чутья, инстинкта, без которого нет крупного политика, но и политического характера. Никакой крупный политик не идет к своей цели одной простой дорогой. Всякому приходится менять методы, менять взгляды под влиянием опыта. Ратенау менял

часто свои взгляды, но у него не было никакой общей цели.

В этом блестящем человеке ярче, чем в ком-либо другом, выразился недостаток политического таланта, столь характерный для германской буржуазии. Но, конечно, его убили не за недостаток таланта и не за недостаток политического характера. Он пал жертвой националистической клики, которая в нем видела олицетворение политики сделок с Антантой. Что же представляет собой эта крайняя правая?

Она представляет собой опрокинутый юнкерский слой, который господствовал до революции в Германии и который мечтает о реставрации монархии, как об исходном пункте для новой империалистической политики. Но эта часть германских националистов не думает теперь взять власть в свои руки. Она понимает, что, взяв ее, она должна была бы признать Версальский договор. Все кампании, веденные графом Вестарпом и другими главарями бывшей консервативной партии, являются агитационной подготовкой будущих боев. Но эта агитация группирует вокруг себя широчайшие круги мелкой буржуазии, бывшего офицерства и интеллигенции. Причина, почему эти круги идут за юнкерско-националистической партией, заключается в том, что они очень пострадали от войны. Они надеялись, что победа залечит их раны. Но вместо победы пришло поражение. Пришло неслыханное бремя податей, бешеный рост дороговизны. Они сравнивают свое положение при Вильгельме с положением при так называемой демократической республике, и их охватывает отчаяние. Они видят виновников в Версальском мире и демократии и восстают против того и другого. И среди этих элементов организуются тайные националистические общества, которые орудуют бомбами и револьверами.

Германское правительство бессильно по отношению к ним. Оно бессильно не потому, что эти организации сильны, а потому, что оно не решается на борьбу с ними, ибо оно имеет во всем своем государственном аппарате сотни тысяч националистов, сочувствующих маленькому кругу заговорщиков. Чистка этого аппарата возможна только в случае привлечения рабочих, но как раз рабочих и боится это демократическое правительство, в котором принимает

участие больше социал-демократов, чем националистов. Если бы создать вооруженную силу государства из профессионально-организованных рабочих, то она была бы великолепным оружием для подавления монархистов и националистов, но не для подавления рабочих масс.

А почему боятся демократы монархистов? Та часть буржуазии, которая стоит у власти в лице демократической партии и партии центра, не состоит из демократов или республиканцев. Они за республику только потому, что боятся, что Антанта не согласится на восстановление монархии. Но часть из них думает: а может-быть, и согласится. В то время, как националисты борятся страстно, так называемые демократы, так называемые республиканцы не умеют даже в защите проявить решительности. Достаточно вспомнить, как после убийства Эрцбергера они отказались от каких бы то ни было решительных мер против подстрекателей и против убийц. Поэтому они бессильны по отношению к белым тайным организациям.

И мы глубоко убеждены, что смерть Ратенау, поскольку дело идет о германском правительстве, не приведет ни к каким решительным действиям. Все кончится только угрозами. Националисты и дальше будут господствовать на улице и обескровливать ту часть буржуазии, которая посмела хотя бы на словах отречься от кайзера и от национализма. Германская буржуазия дала пример безнаказанности националистов, оставив в покое убийц Розы Люксембург и Либкнехта. И вот теперь она расплачивается за обезглавление рабочего класса своим собственным обезглавлением.

Революционное значение таких фактов, как убийство Ратенау, заключается в том, что, с одной стороны, они показывают, насколько вулканической является почва, созданная Версальским договором, а, с другой,— они открывают глаза рабочим массам на бессилие демократического правительства, а с ним и социал-демократии. От германского правительства нельзя ожидать ничего решительного. Но можно быть твердо уверенным, что и националистические массы, и рабочие массы подготавливаются к событиям огромной важности под влиянием той обстановки, которую создают такие чудовищные факты, как убийство главарей буржуазии руками приверженцев буржуазии при режиме буржуазии.

27 июня 1922 г.

СТИННЕС

«Я хотел объединить в своих руках все рудники. Новые шахты до бесконечности. Водопады. Каменоломни. Торговые сношения и сушей, и морем со всем миром... В моих руках была власть. И потом это непреодолимое внутреннее влечение. Во всей стране были рассыпаны скованные миллионы, зарытые глубоко в недрах скал, они взывали ко мне, они молили об освобождении».

Ибсен. «Джон Габриэль Боркман».

Умер Гуго Стиннес. Над его гробом будет плакать президент германской республики, социал-демократ Эберт, плакать будут по нем сотни буржуазных газет Германии, принадлежащих ему, вся мировая буржуазная печать посвятит громадные столбцы описанию гения человека, который ухитрился в разгромленной, обнищалой стране скоплять миллиарды, который ухитрился из страны, находящейся под игом Антанты, просовывать щупальцы во все стороны мира и продолжать дело разгромленного германского империализма. Около миллиона германских рабочих, которые работали на его фабриках, задумаются в этот день глубоко над тем, как это возможно, чтобы они,— миллион тружеников,— зависели от одного человека, чтобы они обогащали его тогда, когда они сами нищие. Весь германский пролетариат и весь международный пролетариат должны внимательно отнестись к жизни и делу человека, который был лучшей иллюстрацией существа капиталистической системы, который был лучшей иллюстрацией лживости буржуазной демократии.

Имя Стиннеса взошло, как метеор, во время войны. До войны он был известен только как руководитель одного концерна тяжелой промышленности — «германско-люксембургского общества», в управление которого он вступил в 1902 г. Это общество, имеющее шахты и рудники и металлургические предприятия в Рейнской Вестфалии, начало свою работу в 1901 г. с одним миллионом марок. В 1910 г. оно уже имело капитал в 60 миллионов марок, через два года оно уже имело капитал в 100 миллионов марок, занималось уже не только добыванием угля, руды, производством стали, но и снабжало водою и газом 25 городов и электричеством весь Рурский бассейн.

Стиннес происходил из старой, но мелкой торгово-промышленной семьи, которая начала свое развитие во время наполеоновских войн, делая сначала поставки Наполеону, а позже — прусским войскам, боровшимся против Наполеона. Уже его прадед, основатель династии Стиннесов, проявил в это время громадного валютного хаоса большой спекулятивный талант. Но только с Гуго Стинессом начинается героический период его семьи. Когда началась мировая война, пришло время Стиннеса. Государство нуждалось в беспрерывном росте угольной и металлургической промышленности, ибо война с каждым днем поглощала все больше снарядов, пушек, требовала все больше вагонов и паровозов. Короли угля и железа могли назначать цены. Военное министерство, которому безразлично было, сколько казна уплатит, стояло за ними. Государство печатало без конца деньги, выпускало займы на один десяток миллиардов за другим. И все эти деньги шли в руки руководителей тяжелой промышленности, которые из-под земли вызывали новые рабочие города, создавали новые армии труда, работающие днем и ночью. Стиннес рос с каждым днем.

С ростом его экономической силы росло его политическое влияние. Этот выскочка стал во главе всей стаи старых рурских волков, видавших всякие виды. Он выдвинулся своей железной волей. Для давления на правительство, на главное командование выдвигали этого человека с бычачьей шеей. Он разработал план промышленного ограбления Бельгии. И когда началась конкуренция из-за рабочего мяса между гробами на полях сражения и фа-

бричными гробами, он внушил германскому командованию, что можно угнать из Бельгии десятки тысяч рабочих на работы в шахтах и рудниках Германии, чтобы они помогали собственными руками производить снаряды против своих братьев и освободили германских рабочих для армии. Стиннес был во время войны душою германского империализма. Он принимал ближайшее участие в составлении докладной записки германских капиталистов, в которой они требовали захвата французской Лотарингии и Бельгии. «Безопасность германского государства в будущей войне категорически требует захвата района Минеты (железной руды специального качества), включая крепости Лонгви и Верден... Захват линии реки Маас, французского побережья, даст нам, кроме названного района руды, департамент севера и департамент Па-де-Кале... В интересах укрепления нашей морской мощи, нашего военного экономического будущего по отношению к Англии, при помощи тесной хозяйственной связи столь значительной бельгийской области с нашей главной хозяйственной областью, военно-таможенно-денежно-банковской и почтовой, Бельгия должна быть присоединена к Германии. Железные дороги и водные пути должны быть соединены с нашими. Главные экономические предприятия страны, необходимые для нашего господства над Бельгией, должны находиться в немецких руках».— Вот военная программа, которую защищал Стиннес.

Силы Германии истощались в войне. С каждым днем ухудшалось продовольственное положение страны. На фронте падали неслыханные жертвы. Но Стиннес не знал уныния и, подобно Людендорфу, считал, что тот, кто сохранит спокойствие, тот добежит первый до цели, хотя бы только на полминуты. Германия не добежала до цели. С каждым днем увеличивалась усталость войск, брожение в стране. И, наконец, настал для германского империализма роковой день, когда Людендорф затребовал от правительства, чтобы оно в срочном порядке предложило Антанте перемирие. Все поняли, что это капитуляция. И затрещали все устои германского империализма. Антанта оттягивала ответ, чтобы выиграть время для разгрома германской армии и для того, чтобы дать созреть силам революции. Революция пришла. Кайзер бежал. В Берлине и во всей

стране власть очутилась в руках советов рабочих и крестьянских депутатов. В Берлине заседало правительство народных уполномоченных и объявило социалистическую советскую республику. Мы не знаем, что думал в эти дни Стиннес; считал ли он, что совместно с династией Гогенцоллернов погибла молодая династия Стиннесов. Так думал Альберт Балин, создатель величайшего германского пароходного предприятия линии Гамбург — Америка, и кончил самоубийством. Стиннес выжидал. Миновали два — три месяца, и он понял, что не все потеряно, что, наоборот, он может еще все выиграть.

Германская социал-демократия взялась за спасение германского капитализма. Носке создал первые отряды белой гвардии, раздавил берлинское восстание и начал разгром пролетариата во всей стране. Под выстрелы винтовок белых бандитов Носке было созвано учредительное собрание, которое вычеркнуло из названия германской республики ее советские социалистические признаки. Начались переговоры в Версале. Пропала Лотарингия, в которой находятся главные залежи руды, на которых выросла германская тяжелая промышленность. Но, конфискуя германские предприятия в Лотарингии, благочестивые версальские разбойники обязали германский народ честно уплатить возмещение пострадавшим капиталистам. Стиннес потерял в Лотарингии 60 процентов своего производства. Но он получил громадные деньги и присоединил к себе Гельзенкирхенское общество, созданное старыми германскими капиталистами, братьями Кирдорф. На нем работало в мирное время 55 000 рабочих. Оно производило 10 миллионов тонн угля, т. е. 11 процентов всего производства Рурского бассейна. В 1920 г. Стиннес объединил с ним свое предприятие в так называемую унию Рейн-Эльбе.

Начались хорошие времена для Стиннеса. Германская буржуазия не хотела платить податей. Она саботировала всякую реформу финансов, покрывая весь государственный дефицит печатанием бумажных денег. Марка начала падать. Подобно своему прадеду, Стиннес начал грандиозную спекуляцию. Он имел громадный кредит в государственном и других банках. За полученные деньги он закупал одно предприятие за другим, уплачивая долг тогда, когда марка падала еще ниже, когда приходилось платить

десятую, а то и сотую долю одолженного. Скоро Стиннес завоевал электрический концерн Сименса-Шуккерта, самый крупный концерн в электрической промышленности, главного конкурента «Всеобщей компании электричества». Объединившись с этим концерном, на фабриках которого работало 200 000 рабочих, он получил в свои руки громадные фабрики электрических машин, электрические станции, ряд железных дорог, электрические заводы ряда крупных городов. Стиннес применял специальный способ концентрации. Он не создавал однородных концернов, а объединял в своих концернах данное производство от первого звена до последнего, или же занимал командные высоты данной отрасли промышленности, подчиняя себе, таким образом, всю промышленность. Он не брезгал буквально ничем. Железо, уголь, электричество, речной, морской транспорт, фабрики автомобилей, гостиницы,— все, что можно было купить, покупал Стиннес. После неудачной попытки овладеть линией Гамбург — Америка он создал собственное громадное пароходство, корабли которого развозят его товары по всему миру.

Тут имело уже смысл захватить и печать,— он купил единственное крупное частное телеграфное агентство «Телеграфен-Унион, купил пресс-бюро Даннерта, обслуживающее всю провинциальную печать. Когда его упрекали, что он таким образом хочет покорить общественное мнение, Стиннес отвечал через своего придворного биографа д-ра Бринкмайера, что ему начхать на общественное мнение. «Газеты объединяют с его угольными предприятиями лес»,— заявляет Бринкмайер. Стиннесу нужно было для угольных шахт много леса. Он купил все леса Восточной Пруссии. Но это давало ему, как добавочный продукт, древесную массу и бумагу. Стиннес основал бумажные фабрики. Это привело его к покупке громадного типографского концерна Бюксенштайна и других типографий. Отсюда уже только один шаг до покупки газеты. Он покупал газеты поставкой бумаги на льготных условиях. Одновременно его «Телеграфен-Унион» снабжал их сведениями, выгодными для Стиннеса, а бюро Даннерта снабжало их статьями. Стиннес начал покупать для своих газет писателей. Офицеры генерального штаба, адмиралы, талантливые социал-демократы,— все вошло в стиннесовские пред-

приятия. Вертикальная концентрация достигла полного усовершенствования. Но давать работу миллионам людей, господствовать над углем и железом, иметь в своих руках пароходы, телеграф, электричество, иметь в своих руках печать,— это означало иметь не только одну политическую партию — так называемая германская народная партия сделалась простой составной частью вертикальной концентрации Стиннеса — это означало иметь ячейки во всех партиях, это означало — контроль над политической пищей для миллионов, это означало — держать в полной зависимости от себя германскую республику. И Стиннес был диктатором германской республики. Перед ним дрожали все правительства.

В 1920 г. находилось у власти коалиционное буржуазное правительство с католическим демократом Виртом во главе. Это правительство пыталось добиться сделки с Францией для избежания захвата Рурского бассейна французами. Оно шло для этого на исполнение французских требований, на сделку об уплате Франции возмещений. Само собой понятно, что такая сделка принудила бы покончить с политикой печатания денег без конца, принудила бы взяться за финансовую реформу, застрельщиком которой являлся католический депутат Эрцбергер. Стиннес объявил правительству Вирта войну не на жизнь, а на смерть. Война эта имела еще более глубокий корень. Ближайшим советником Вирта, направляющим его политику, был Вальтер Ратенау, глава «Всеобщей компании электричества», не съеденной еще Стиннесом. Через Ратенау кабинет Вирта сделался выразителем интересов обрабатывающей промышленности, страдающей от высоких цен на уголь и железо, диктуемых Стиннесом и его союзниками из кругов тяжелой промышленности. Если бы правительство Вирта удержалось, государственная власть смогла бы, хотя и нерешительно, сопротивляться интересам Стиннеса. Поэтому в борьбе не могло быть пощады. Стиннес вел эту борьбу всеми средствами. Печать его устраивала форменную охоту на Вирта и Ратенау. Им финансировались фашистские националистические организации, которые травили правительство Вирта, как правительство национальной измены. Ратенау пал от пули националистического

фанатика. Правительство Вирта пало. За это время марка начала катастрофически падать. Лето 1922 г. было Ватерлоо германской марки. В несколько недель доллар подскочил с 300 марок на 5 000.

После падения Вирта создан был кабинет Куно. Куно был враг Стиннеса, ибо он противодействовал, как директор линии Гамбург — Америка, попыткам Стиннеса съесть это крупнейшее германское общество пароходства. Во время переговоров, приведших к Рапалльскому договору, на совещаниях правительства с советскими представителями, в которых принимали участие все выдающиеся представители германского капитализма, Куно отсутствовал, ибо Стиннес отказался сесть за один стол с ним. Когда Куно был назначен рейхсканцлером, он отдал самый важный пост министра хозяйства стиннесовскому агенту Беккеру, представляющему в одном лице объединение промышленной акулы, помещика и бюрократа. Но это Стиннеса не утешило. Правительство Куно пыталось «стабилизировать» марку на таком низком уровне, как 20 000 марок за один доллар. Но Стиннесу нужно было падение марки для поощрения его вывоза за границу и для облегчения кредитных спекуляций. Стиннес поручает своему финансовому директору Мину, бывшему фельдфебелю кайзерской армии, закупать ночью вне биржи громадные количества английских фунтов. Марка покатилась дальше. И под правительство Куно был положен динамит, который его взорвал.

Но Стиннес умел вести не менее жестокую борьбу против собственной партии, как только в ней проявлялись малейшие тенденции к самостоятельности. Вождь его германской народной партии, Штреземан, вышел из кругов саксонской текстильной промышленности. И, защищая ее интересы, интересы обрабатывающей промышленности, он был принужден время от времени итти собственными путями. Этого было достаточно для того, чтобы Стиннес объявил ему войну. Он не мог вести ее в открытой и резкой форме через собственные газеты. Поэтому его агенты снабжали сведениями, компрометирующими Штреземана, коммунистическую печать. От агентов Стиннеса центральный орган германской коммунистической партии узнал, что Штреземан финансируется русским евреем, коммерсан-

том Литвином. И не подлежит сомнению, что, когда германская прокуратура получила сведения о валютных спекуляциях Литвина, то источником этих сведений была стиннесовская разведка.

Для Стиннеса Германия оказалась тесной. Он не только вывозил товары за границу, но он начал за границей закупать на золото, полученное от выручки за свои товары, одно предприятие за другим. В момент, когда Германия пыталась на лондонской конференции добиться понижения платежей, мотивируя свое требование своею бедностью, Стиннес покупает за четверть миллиарда золотых марок австрийское общество «Альпина Монтана», самый большой европейский рудник,— общество, которое давало до войны 2 360 000 тонн руды, 637 000 тонн сырьевого чугуна и 300 000 тонн фальцованного чугуна. Он объединил таким образом кокс, имеющийся у него в изобилии, с недостающей ему железной рудой. Он закупал рудники в Испании, Швеции и Марокко, он закупал плантации кофе в Чили, основывал фабрики консервов в Аргентине, начал переговоры с Синклером о покупке нефтеносных земель в Америке, покупал нефть в Голландской Индии, в Румынии. Само собою понятно, что Стиннес никому не мог разрешить быть его министром иностранных дел. Он хотел быть сам своим министром иностранных дел. Из старой германской военной разведки он организовал собственную экономическую и политическую разведку во всех странах мира. Он имел свое собственное министерство иностранных дел и своих собственных послов. Но этого ему было мало. Стиннес вел собственную внешнюю политику не только от имени своих предприятий, но и от имени Германии. Когда Германия вела переговоры с союзниками в Спа о доставке репарационного угля, Стиннес пытался их сорвать, считая, что занятие Рура французами не представляет никакой опасности, что они там провалятся. Когда Ратенау от имени германского правительства заключил договор с Францией в Висбадене о поставках натурой, вся стиннесовская печать стала на дыбы. Но сам Стиннес заключил с маркизом де-Либерзаком договор, который не только обеспечивал ему репарационные поставки с большой прибылью, но отдавал под его влияние новые отрасли

промышленности и новые промышленные группы. Стиннес имел собственную внешнюю политику, глубоко продуманную. Как бы это парадоксально ни звучало, он хотел сделать Францию орудием той же самой политики, к которой стремился в войне. План его был очень прост. В войне он стремился к объединению германского угля с французской рудой. Это не удалось. Германский милитаризм оказался чересчур слабым, чтобы добиться этой цели. Но французам нужен и теперь германский кокс, а германским промышленникам — французская Минета. Стиннес стремился к объединению германской и французской тяжелой промышленности, что дало бы ей полное господство в Европе. Если объединить тяжелую промышленность Германии, Франции, Бельгии и Люксембурга, то она производила бы 13,7 миллионов тонн стали против 3,7 миллионов тонн английского производства. Объединенное производство железа этих стран равно 33 миллионам тонн против 13 миллионов английского железа. В дипломатических кругах рассказывают, что, когда Стиннес развернул этот план перед Мильераном, выразителем интересов французской тяжелой промышленности, Мильеран заявил своим близким: «Он чересчур умен, он — чересчур хороший организатор, он нас хочет съесть». Стиннес надеялся, что если французы пойдут на сделку, в которой Германия получит 50 процентов акций, то организационный и технический перевес Германии обеспечит ей гегемонию в этом тресте, господствующем над всей Европой. И поэтому, стремясь к созданию такого треста, французы выдвигали требование, чтобы в их и бельгийских руках находилось 60 процентов акций. Стиннес и германская тяжелая промышленность не пошли на эту сделку. Французы, не получая от Германии репараций, саботируемых тяжелой промышленностью, и не добившись перевеса в тресте, заняли Рурский бассейн. «Рейнско-Вестфальская Газета», орган тяжелой промышленности, заявила при начале рурской войны с полной откровенностью: дело идет о том, кто получит 51 процент акций. Чтобы получить их, французы заняли Рурский бассейн. Расчет Стиннеса, что они с этим не справятся, оправдался. Французы не сумели наладить рурской промышленности. Но расчет Стиннеса, что они поэтому должны будут пойти на уступки, не оправдался. Францу-

зам незачем было налаживать рурскую промышленность. Они, отрезая Германию от угля и железа, заставляя ее покупать уголь в Англии и кормить миллионы рабочих, привели Германию к капитуляции. Стиннес проиграл свою карту. Но Стиннес не сдавался.

То, что могло стать могилой германского капитализма, то, что могло быть могилой Стиннеса, он попытался сделать своим престолом. Полное уничтожение германской мелкой буржуазии, разорение миллионов интеллигентов, которое произошло благодаря катастрофическому падению марки и ее полному обесценению, вызвало громадное националистическое движение во всей стране. Франция — враг. Такой лозунг бросила печать Стиннеса. Правительство коалиции собственной партии Стиннеса с социал-демократией, правительство Штреземана, было им объявлено правительством капитуляции, ибо оно должно было прокламировать прекращение рурского сопротивления. Долой правительство Штреземана! Да здравствует национальная диктатура, т. е. диктатура, которая заставит рабочих работать 10 часов, отдаст в руки Стиннеса железные дороги, вооружит германский национализм и заставит угрозой новой войны Францию пойти на сделку. Уже весною агенты Стиннеса, в первую очередь министр хозяйства Беккер, пытались спровоцировать рурских рабочих, дабы их выступление дало возможность объявить фашистскую диктатуру. Это не удалось. Но нужда создала в октябре месяце такое положение, в котором приходилось ожидать рабочей революции. На этот момент готовилось в Берлине, как это вполне выяснил мюнхенский процесс, объявление диктатуры Мину, финансового директора Стиннеса, совместно с генералом Сектом, очень близким Стиннесу. Революция в Саксонии с одной стороны, а с другой стороны, восстание гитлеровцев в Баварии должны были так напугать правительство Штреземана, чтобы оно сдало всю власть так называемой национальной диктатуре. Правительство Штреземана действительно было напугано и передало власть Секту. Но слабость германской коммунистической партии не позволила ей организовать выступление саксонских пролетариев. Заговор Людендорфа и Гитлера кончился поражением. Диктатура Секта не получила того размаха,

который дала бы ей борьба с рабочими. Секту пришлось довольствоваться избиением безоружных рабочих в Саксонии и уходом в подполье коммунистической партии. Но благодаря тому, что он не победил в открытом бою германских рабочих и не устлал трупами всех промышленных центров Германии, он и другие представители германской тяжелой промышленности скоро встретили растущее сопротивление неразбитых масс. После нескольких месяцев им пришлось хотя бы наполовину восстановить легальность коммунистической партии. Борьба продолжается. Фашизм принужден был попытаться взять власть путем легальным, путем выборов. Стиннес не дожил до этого дня.

Гуго Стиннес представляет собою выражение той энергии германской буржуазии, которая осталась в ней благодаря тому, что рабочий класс Германии в 1919 г. не сумел победить ее до конца. Он олицетворяет организаторские способности германской буржуазии, которая даже после военного разгрома не перестала мечтать об экономическом господстве в мире. Что было пружиной деятельности Стиннеса? Что давало ему этот громадный перевес над другими руководителями германской промышленности? Что заставляло их покоряться ему? Это станет ясным, если сравнить его с человеком, которого он больше всего ненавидел,— с Вальтером Ратенау. Вальтер Ратенау уже разуверился в силе капиталистического общества. Сын крупного техника, созидателя электрической компании, опираясь уже на приобретенное им громадное состояние, образованный, как немногие в Европе, живущий среди книг, Вальтер Ратенау видел очень хорошо всю гниль капиталистического общества, всю его пустоту и смутно чувствовал начало новой эпохи. Он не верил в силу рабочего класса, но он уже разуверился в творческих силах капитализма, он создавал идеологию интеллигенции как организатора нового общества. Стиннес, который сам своей железной энергией, своим отсутствием всякой щепетильности создал свое могущество, был глубочайшим образом убежден, что владыками мира, созидателями новой лучшей жизни могут быть только капиталисты. Очень характерно отношение Ратенау и Стиннеса к праву наследования. Ратенау был его убежденным противником, считая, что по меньшей мере внук

энергичного капиталиста будет идиотом или сибаритом. Стиннес заявлял, что он работает для своего сына, который будет лучшим организатором, чем он, и сын которого не будет хуже. Для Ратенау социализм был формой будущего, хотя, само собой понятно, он был убежден, что это будет социализм в такой форме, какую он выдумал. Таинственно он сообщал, что после Маркса он один даст новую форму социализма. Стиннес считал не только социализм, но и демократию простой выдумкой людей, живущих за счет ее распространения. Какая демократия нужна рабочим?— спрашивал он. Несколько миллионов людей, живущих в Германии, женились после войны, и у них нет квартир,— они должны жить с женами у родителей. «Дайте каждому из них комнату, в которой он сможет спокойно спать со своей женой,— вот какая демократия нужна рабочим. Участие в руководстве производством? Но когда человек устал после тяжелого труда,— а я бы вам посоветовал хотя с шести часов ползать на брюхе в шахте или стоять у доменной печи,— то он благодарит бога, если кто-нибудь другой руководит промышленностью, только бы ему давали хлеб, только бы он мог одеться. Никакой социализм ему не нужен. Мы, капиталисты, просчитались. Не надо было воевать, или надо было выиграть войну. Тогда не было бы никакой революции. Теперь галдят о социализме, потому что жрать нечего. А эти социал-демократы, которые не верят ни в какой социализм, не имеют мужества и чувства ответственности перед народом и все еще говорят о классовой борьбе. Один Легиен, вождь профессиональных союзов Германии, это — человек. С ним можно сговориться. Вопрос состоит теперь в том, чтобы работать 10 часов, пережить как-нибудь самое тяжелое время, строить дома; жилищный вопрос — это центр социального вопроса. Когда человек имеет домик с огородом, имеет хорошую школу, зарабатывает хорошие деньги, то он будет доволен. А всякого, которому бог даст талант, мы возьмем на службу. Смотрите, что я сделал из Мину, обыкновенного фельфебеля. Он — мой финансовый директор». На вопрос, как же он намерен заставить рабочих работать 10 часов в день и ждать на голодное брюхо, пока он им построит дома и будет среди них выискивать новых Мину, Стиннес заявлял: «Мы их заставим. Нужно сильное

правительство. Народ истоскуется от беспорядка и тогда поможет создать это правительство». Стиннес был проникнут идеалом капиталистической диктатуры, в которую сам так же свято верил, как немецкие рабочие, сражающиеся одиноко на баррикадах в Гамбурге, верили и верят в диктатуру пролетариата, как единственный путь спасения. Они внушали ему глубочайшее уважение, за которое он хотел их вознаградить виселицей. Однажды в разговоре, в его присутствии, Ратенау жаловался на то, что допускают свободу распространения идей гражданской войны. «Если бы кто-нибудь создал газету, проповедующую убийство всех блондинов или брюнетов, его посадили бы в дом сумасшедших. А когда газета распространяет идеи резни буржуазии, то она называется центральным органом коммунистической партии, и мы должны уважать ее мнение во имя свободы печати. Такие превратные идеи надо искоренять. И мы это сделаем, как только укрепится государственная власть». Когда я обратил его внимание на то, что слова «превратные идеи» взяты из словаря меттерниховской бюрократии, а он ведь член демократической партии, которая всегда признавала, что с идеями борются только при помощи идеи, Стиннес, смеясь, заявил: «Да, господин Ратенау — большой демократ, как все мы демократы, пока дело не касается нашей безопасности. Тут демократизм кончается». И он эту демократию презирал до глубины души.

Стиннес был представителем капитализма, верящего, что его день еще не кончился. Он думал только о расширении своего производства, он верил, что это есть единственный возможный путь человечества, и поэтому готов был итти через море крови, если ему что-либо было нужно. Он был фанатиком своей капиталистической идеи. Это давало ему громадный размах. Он не замечал, что он работает на все суживающейся базе, что экспроприация мелкой буржуазии, проведенная им и его союзниками, усиливает революционный кризис; что настанет день, в который громадное большинство рабочего класса будет также несокрушимо верить, что единственный путь это — социализм. Он даже был убежден, что мы, русские коммунисты, наученные трудностями нашего пути, начинаем разуверяться и что мы придем на дорогу капитализма. Когда во время переговоров т. Красин отстаивал неуклонно монополию внешней

торговли, Стиннес сказал ему со злобой: «Ведь ваши идеи обанкротились. Чего вы цепляетесь за монополию внешней торговли?» Красин ответил ему спокойно: «Чья бы корова мычала, ваша бы молчала. Вы ведь хотели спасти Германию войною, а теперь плачетесь нам в жилетку о том, что вы бедны, нищи и что Антанта вас очень притесняет». Стиннес предложил сойтись на компромиссе, что и мы, и они обанкротились, и что надо искать разумной сделки, и был очень удивлен, как такой выдающийся технический специалист, как Красин, может еще придерживаться большевистских взглядов. Вообще он вступил в разговоры с нами в надежде на то, что ему удастся нас просветить. Прощался он с нами очень разочарованно. Мы надеемся, что его сыну, которого он оставляет в качестве наследника основанной им династии, германские рабочие доставят еще больше разочарования.

Март, 1924 г.

ГИНДЕНБУРГ

Шло великое сражение миллионных масс. На Западе германская армия, отразив французское наступление и перешагнув крепости Бельгии, мерялась силами в дикой схватке над Марной с французской армией, защищавшей, казалось, последним напряжением сил территорию Французской республики. На Востоке Ренненкампф и Самсонов ворвались в Пруссию. Ужас охватил немцев. Тихо шептались в Берлине, что, может быть, он скоро увидит казаков. Что происходит, никто не знал. Шептались о самоубийстве командующего германскими войсками на Востоке, любимца кайзера — генерала Притвица.

Вдруг в жарком воздухе августовских дней, как ракета, взвились два слова: *Танненберг* и *Гинденбург*. Великая победа над русскими армиями под Танненбергом! Россия разгромлена, сотни тысяч русских потонуло в Мазурских болотах! Восточная Пруссия освобождена! Ежедневно передавали новые подробности о небывалой победе. Гинденбург вырос до размеров какого-то полумифического витязя, какого-то «доброго духа» германского народа. Рассказывали друг другу, что Гинденбург в продолжение десятков лет подготовлял этот удар против России, что он исколесил область Мазурских озер задолго до войны, выискивая способ как вернее загнать в болото русскую армию. Имя Гинденбурга сделалось любимым; в честь его украсились флагами даже рабочие предместья Берлина. Чем хуже было положение на Западе, чем сильнее застывал и каменел западный фронт, тем громче прославлялось имя спасителя от русской опасности. Иллюстрированные журналы забросали Германию его портретами. Громадный, тяжелый, широкоплечий мужчина с неподвижным лицом истукана, ли-

цом, как пергамент, на котором жизнь уже не может поместить ни одной новой строки, он казался олицетворением старых заветов монархии, защиты отечества. Он казался идолом прошлого, вставшим из гроба для защиты страны.

... И шел месяц за месяцем. Войска Гинденбурга и Людендорфа наносили царской армии один удар за другим. После тяжелых поражений австрийской армии, после прорыва русского фронта у Горлиц Макензеном, после очищения Галиции, немецкие армии врываются в Царство Польское, разбивают одну крепость за другой. Падает Ломжа, падает Ковно, падают Новогеоргиевск, Брест-Литовск. Вся Польша в руках германских войск. Гинденбург стал национальным героем в буквальном смысле этого слова. Немцы ненавидели французов, но они в тысячу раз больше боялись русских, ибо русская сила казалась им бесконечной. Уничтожишь сотню тысяч, уничтожишь миллион,— а русская степь выбросит новые сотни тысяч, новые миллионы. Но теперь над Неманом стоит старик Гинденбург, тяжело опершись на свой меч. Он их не пропустит больше, добрый дух-хранитель германского народа.

На Западе положение без перемен. Под дождем снарядов, под морем огня люди зарылись, как кроты, в землю, ища спасения от смерти в окопах. С той и с другой стороны поезда подвозили новое снаряжение и пищу для окопников. Люди привыкают ко всему. Начало даже развиваться искусство более уютного устройства окопов. Но Германия не может ждать: у нее нет достаточно ни хлеба, ни меди, ни хлопка, чтобы брать измором противника, которому по морю корабли привозят все, что ему нужно, из Англии и Америки. И вот на западном фронте генерал Фалькенгейм решается сорвать дверь вместе с петлями. Месяц за месяцем он бомбардирует Верден. Никогда не падало на один кусок земли столько железа и огня, как во время этих бешеных штурмов на Верден. На гранитных скалах Вердена скопилось столько геройства, что если бы половина его была употреблена на спасение человечества от капитализма, то сегодня красное знамя реяло бы над Европой.

Франция бросала в пасть Вердена одну сотню тысяч солдат за другою, Верден — это насос французской кро-

ви,— заявлял Фалькенгейм представителям германского парламента,— Франция скоро окажется обескровленной, и тогда за нами будет победа. Но скалы Вердена пили не только французскую кровь. Германия изнемогла в штурмах Вердена. Фалькенгейм обанкротился. На устах всей Германии были имена Гинденбурга и его начальника штаба Людендорфа. Они спасут дело и на Западе.

Гинденбург и Людендорф принимают командование над всеми германскими армиями и начинают непосредственно руководить операциями на западном фронте. И проходят снова месяцы за месяцами. Как огни, вспыхивают надежды на то, что на этот раз наверно удастся прорвать фронт, что Людендорф и Гинденбург выдумали такой план, от которого не поздоровится ни французам, ни англичанам. Но огни этих надежд вскоре гаснут.

С каждым днем все больше и больше выясняются основные проблемы войны. Молот германской промышленности разбил крестьянскую Россию, но он бессилен был раздробить наковальню, созданную промышленностью Франции, Англии и Америки. Шнейдер-Крезо, Викерс и Армстронг, Вифлеем Стилькорпорейшен — эти гиганты французской, английской и американской тяжелой промышленности оказались сильнее Круппа и заводов Скоды. И вторая проблема войны дает себя чувствовать: реакционная прусская монархия оказалась сильнее гнилой царской монархии, ибо она представляла собою объединение мощного капиталистического класса с современными аграриями, в то время как царизм представлял собою объединение одичалого помещика и тупого бюрократа с финансовыми жуликами. Но если помещичье-капиталистический абсолютизм в Германии, прикрытый фиговым листом конституционализма, давал все-таки больше простора для развития буржуазной культуры, чем царизм, если он сумел цепями этой буржуазной культуры лучше, чем царизм, связаться с народными массами, то западно-европейская буржуазная демократия оказалась средством в десять раз более сильным для того, чтобы выжать из народных масс последнюю каплю энергии для защиты буржуазного отечества. Клемансо, Ллойд-Джордж, а позже Вильсон сумели повести лучшую политику, чем прусские юнкера и прусская буржуазия, которые в момент величайших опасностей не выдвинули никого, кро-

ме таких елейных бездарностей, как Бетман-Гольвег. Армии Гинденбурга не сумели прорвать фронта французов, а политика прусского юнкерства и буржуазии не сумела спасти внутренний фронт от разложения.

Германия исчерпывает свои силы изо-дня в день. Несмотря на все усилия, врачебные комиссии, поставляющие пушечное мясо на фронт, уже не в состоянии выполнять свои задачи. Сорт поставленного мяса с каждым днем становится все хуже и хуже. И количество бойцов уменьшается. Уменьшается и ухудшается снабжение армии. Голод в стране растет, растет недовольство. Лицо Гинденбурга свирепеет и каменеет с каждым днем. Это уже не лицо «духа-хранителя», это лицо вампира, который пьет народную кровь.

Когда «вычесывают» способных к военной службе мужчин и молодежь из фабрик, то новобранец произносит с проклятием два имени: Гинденбург и Людендорф. Они губят народ, они решили воевать до последней капли крови. Когда рейхстаг принимает законы, вводящие каторжные порядки на фабриках, дабы увеличить производство снарядов, то работница, которую заставляли работать двенадцать часов, с проклятием называет имена Гинденбурга и Людендорфа. Когда почта приносит известия о смерти отца или сына, то вдовы и сироты, плача, проклятья свои посылают Гинденбургу и Людендорфу. Когда эпидемии косят сотни тысяч людей, на устах всех имена Гинденбурга и Людендорфа.

Германия надорвала свои силы. Последний проблеск надежды — мир с Востоком. Но тупоумие титулованной солдатчины, управляющей Германией, гасит и этот луч надежды. В Брест-Литовске умирающий германский империализм находит в себе еще последние силы, чтобы вырезать куски из тела России для своего прокормления. Ее кровавые раны показали миру, что такое «германский мир»,— и, как от лица медузы, отвернулись от него в ужасе французские и английские народные массы. Вся печать союзников подхлестывала параграфами Брестского мира, как плетьми, настроение истекающих кровью рабочих и крестьянских масс Англии, Франции и молодых, только-что вступивших в бой масс Америки: «вот какую участь готовит вам Германия, если ей удастся одержать победу!»

И, напрягаясь, как стальная пружина, массы рождали из себя новые и новые силы. Людендорф и Гинденбург в последний раз ищут счастья, в последний раз идут на штурм. Их наступление обрывается; оно уже носит на лице черты смерти. Полкам, идущим в наступление, кричат другие полки, отступающие: «вы срываете забастовку, штрейкбрехеры!» Народная масса в железных касках, одетая в шинели, бастует. Англо-французы и американцы переходят во встречное наступление. Танки их широкой волной заливают германские окопы и прорывают германскую линию на тринадцать верст. Людендорф является утром к Гинденбургу с докладом: «Мы не в состоянии выиграть войны»,— говорит он Гинденбургу. «Я это хотел вам вчера сказать»,— отвечает Гинденбург.

Германия разбита. Вихрем несутся дальнейшие события. Германия просит перемирия и переговоров о мире. Вильсон затягивает ответ, дабы союзные армии могли доканать противника. Он намекает на необходимость отставки кайзера. Людендорф и Гинденбург в последний раз пытаются собрать силы, чтоб защищаться; Людендорф получает отставку; Гинденбург отправляется на фронт для ликвидации дел. Вильсон требует открыто отставки кайзера. Об этом кричат солдаты, об этом кричат рабочие массы. Гинденбург хочет отправить часть армии для подавления начинающейся революции, но генералитет отвечает ему, что для этого армию употребить нельзя. Часть генералитета примыкает к требующим отставки кайзера. Кайзер бежит в Голландию, оставляя Гинденбургу армию. Революция побеждает в Берлине.

Новое правительство подписывает с согласия Гинденбурга тяжелейшие условия перемирия. Армия распадается. Возникают солдатские советы. Гинденбург со спокойствием, с которым он бросал в огонь сотни тысяч солдат, дает тайный приказ: не сопротивляться созданию солдатских советов, а позаботиться о том, чтобы в эти советы вошли популярные унтеры и офицеры. Надо избежать во что бы то ни стало революционирования армии, надо хладнокровно ее разоружить и разослать по домам. Тогда, быть может, удастся еще спасти Германию от революции, т. е. спасти германскую буржуазию. Это дело спасения германской буржуазии Гинденбург проводит в полном согласии

с Эбертом. «Мне говорили друзья, что вы истинно-немецкий человек»,— пишет Гинденбург Эберту в письме, в котором обязуется исполнить приказы нового правительства. В согласии с Эбертом он доводит дело до конца. И Эберт с своей стороны смотрит за тем, чтобы с голов Гинденбурга и Людендорфа не упал ни один волос. Людендорфа «правительство народных уполномоченных» снабжает паспортом, устраивает ему побег в Швецию, чтобы он там переждал бурю. Вся ненависть народных масс сосредоточивается на Людендорфе. Гинденбург может спокойно вернуться в свой дом в Магдебург, дабы там ожидать конца дней своих.

Германию потрясают бури революции. Социал-демократия делает все, чтоб вернуть страну в «законные» берега; она заставляет первый съезд советов согласиться на созыв учредительного собрания, она распускает советы, она разоружает рабочих, создает белую армию. Людендорф может вернуться из Швеции. В декабре 1919 г., спустя год после начала революции, он выступает перед следственной комиссией парламента, разбирающей вопрос о виновниках затягивания войны. Это уже не беженец в синих очках, спасающийся в Швецию. Он стучит кулаком по столу, обвиняет социал-демократию, что она ударила кинжалом в тыл армии; он бросается в гущу политической борьбы, организует первый националистический заговор. Бригада Эрхардта выгоняет правительство из Берлина. Только всеобщая забастовка рабочих спасает правительство, но никто не смеет тронуть Людендорфа. Он удаляется в Мюнхен, где дача его делается центром фашистских нелегальных организаций. Гинденбург не принимает участия в этой суете. Он живет в Магдебурге, откуда выезжает только в дни национальных праздников, когда показывается националистической толпе, как идол, как символ восстановления могущества старой Германской империи.

Германская буржуазия оправляется. Всеми средствами она уклоняется от уплаты контрибуций Антанте, всеми средствами она грабит народную массу и выжатыми из нее богатствами восстанавливает промышленность. После потрясения 1923 г. она заручается поддержкой английско-американской буржуазии, как оплот против большевистской революции в Центральной Европе.

Пока-что германской буржуазии надо создать внутри политические условия, способствующие ее реставрационной политике. Социал-демократия помогла спасти германскую буржуазию от пролетарской революции. Но социал-демократия есть массовая рабочая партия. В каком направлении будут развиваться массы рабочих, идущих еще за социал-демократией, буржуазия не может сказать с полной определенностью. Нельзя с точки зрения буржуазии доверять судьбы государства социал-демократии. Власть должна вернуться в руки старого господствующего класса, в руки помещиков, королей угля и железа, старого генералитета и старой бюрократии. Только последние в состоянии будут, маневрируя теперь с Антантой, подписывая всякие договоры о признании границ, установленных Версальским миром, подготовлять будущую борьбу. Только правительство старого блока помещиков и тяжелой промышленности в состоянии держать пролетариат в повиновении. Если понадобится помощь социал-демократии, то достаточно будет свистнуть,— и она прибежит. Только старый блок помещиков и тяжелой промышленности сумеет увенчать процесс реставрации возвратом монархии.

Но мелкобуржуазные массы далеко не все за реставрацию. Пять миллионов голосов получили кандидаты в президенты католического центра и демократов. Эти пять миллионов мелких буржуа, наравне с восемью миллионами социал-демократических избирателей, боятся реставрации монархии, реставрации ига помещиков и капиталистов. Они дали совместно кандидатам в президенты, выступающим под флагом республики, тринадцать миллионов голосов. Монархический кандидат Яррес получил только десять миллионов голосов. Совместно с голосами, поданными за других монархических кандидатов, знамя монархии собрало одиннадцать миллионов голосов. Но дело еще не проиграно. Десять миллионов избирателей не голосовало, не голосовали, понятно, наиболее отсталые — женщины, мелкая буржуазия городов и деревень. Блок помещиков и капиталистов не сдается. Надо поднять на ноги все, что только возможно. Старый Гинденбург, получив разрешение кайзера, соглашается выступить кандидатом в президенты 23 апреля. Ему теперь 78 лет!

Когда в боях с маврами пал Сид Кампеадор, испанские

рыцари, теснимые мавританскими войсками, привязали труп его к коню, дабы одушевить войска и оттеснить неприятеля. Германский капитализм сажает на коня семидесятивосьмилетнего Гинденбурга, национального героя старой Германии, дабы перейти в бешеное наступление против рабочего класса и масс мелкой буржуазии, которые далеко не все еще способны бороться под знаменем советской республики, а сражаются под загрязненным знаменем буржуазной республики. Не исключено, что победит старик Гинденбург под старым кайзерским знаменем. Это не исключено, хотя это знамя не может закрыть миллионов жертв войны, спящих в земле, не может закрыть миллионов инвалидов, просящих милостыню, не может вытереть слезы вдов и сирот. Все «величие» преступления германской социал-демократии в том, что это старое знамя может быть еще опасным новым знаменам Германии. Ибо кого согрела, кого вскормила, чье сердце прояснила германская буржуазная республика? Из какого источника должны потечь струи энтузиазма для борьбы со старым вампиром, восстающим из гроба? Даже те рабочие массы, которые хотят бороться за буржуазную республику, правильно считая, что она лучше монархии,— разве они не должны спросить себя: а какие гарантии, обеспечивающие прочность республиканского строя, дает демократический кандидат в президенты Маркс, вождь католического центра, который всегда принадлежал к свите кайзера?

«Дикая волна политических страстей и фраз залила наши старые государственные воззрения и, кажется, уничтожила все святые традиции. Но эта волна исчезнет. Тогда из вечно движущегося моря народной жизни выступят снова утесы, на которых росли надежды наших отцов и на которых полвека назад нашей силой было построено будущее отечества: восстанет снова германская кайзерская власть»,— так кончает Гинденбург свои мемуары. Бои, которые переживает в этом месяце Германия, не решат еще вопроса о восстановлении монархии Гогенцоллернов. Но тот факт, что буржуазная республика должна защищаться изо всех сил против этой опасности, показывает лучше, чем что-либо другое, в какой мере оправдала социал-демократия свое обещание: если нет возможности дать рабочему классу социализм, обеспечить ему хотя бы республику!

12 апреля 1925 г.

ЛЕО ШЛАГЕТЕР,
БРЕДУЩИЙ В НИЧТО[1]

Мы выслушали важный доклад т. Цеткин о международном фашизме, об этом молоте, сокрушительный удар которого должен был опуститься на голову пролетариата, но в первую очередь поразил как раз те мелкобуржуазные слои, которые подняли этот молот во имя интересов крупного капитала. Мне нечего прибавить к речи нашего престарелого вождя. Когда я слушал ее, перед моими глазами все время стоял труп германского фашиста, нашего классового врага, который был присужден к смертной казни и расстрелян сторожевыми псами французского империализма, этой сильной организации другой части наших классовых врагов. Во время речи т. Цеткин о противоречиях фашизма имя Шлагетера и его трагическая судьба все время кружилась в моей голове. Нам необходимо вспомнить его, когда мы хотим выяснить наше политическое отношение к фашизму. Мы не должны замалчивать судьбу этого мученика германского национализма и не должны отделываться какой-нибудь легкой фразой. Имя его много говорит немецкому народу.

Мы не сентиментальные романтики, которые над трупом забывают вражду, и не дипломаты, которые говорят: над гробом надо говорить хорошее или молчать. Шлагетер, мужественный солдат контр-революции, заслуживает того, чтобы мы, солдаты революции, мужественно и честно оценили его. Его единомышленник Фрекса написал в 1920 г. роман, в котором он рисует жизнь офицера, павшего в

[1] Речь на заседании расширенного пленума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала 20 июня 1923 г

борьбе со спартаковцами. Фрекса назвал роман: «Бредущий в ничто». Если круги германских фашистов, которые хотят честно служить немецкому народу, не поймут смысла судьбы Шлагетера, то Шлагетер погиб даром, и тогда они должны написать на его памятнике: «Бредущий в ничто».

Германия была совершенно разбита; только глупцы думали, что победоносная капиталистическая Антанта будет с Германией обращаться иначе, чем обращался победоносный германский капитал с русским и румынским народами. Только глупцы или трусы, которые боятся правды, могли верить в обещания Вильсона, в заявление, что только кайзер, а не немецкий народ, будет платить за поражение.

На Востоке народ стоял в огне борьбы. Голодная, мерзнущая Советская Россия противостояла Антанте на четырнадцати фронтах. Один из этих фронтов образовали германские офицеры и солдаты. Шлагетер боролся в корпусе Медема, который наступал на Ригу. Мы не знаем, понимал ли этот молодой офицер смысл своих поступков. Тогдашний германский правительственный комиссар, с.-д. Винниг и генерал фон-дер-Гольц, руководитель балтийцев, знали, что они делают. Они хотели своей полицейской, собачьей службой, направленной против русского народа, оказать услугу Антанте. Для того, чтобы побежденной германской буржуазии не пришлось платить военной контрибуции победителям, она, в качестве наемника Антанты, проливала кровь немецкой молодежи, пощаженной пулями мировой войны, в борьбе против русского народа. Мы не знаем, что думал Шлагетер в этот период. Его вождь, Медем, позднее убедился, что через Балтику он «бредет в ничто». Поняли ли это все немецкие националисты?

В Мюнхене по поводу смерти Шлагетера произнес речь генерал Людендорф, тот самый Людендорф, который еще и теперь предлагает свои услуги Англии и Франции в качестве главнокомандующего в крестовом походе против страны советов. Шлагетера оплакивает вся печать Стиннеса. Господин Стиннес только-что стал в обществе «Альпина Монтана» компаньоном Шнейдер-Крезо, этих поставщиков оружия для убийц Шлагетера. Против кого хотят бороться германские националисты? Против капитала Антанты или против русского народа? С кем они хотят объе-

диниться? С русскими рабочими и крестьянами для совместного свержения ига антантовского капитала, или с капиталом Антанты для порабощения немецкого и русского народов?

Шлагетера нет в живых. Он не может ответить на этот вопрос. Его товарищи по оружию поклялись над его гробом продолжать дальше его борьбу, и они должны ответить: против кого, на чьей стороне.

Из Балтики Шлагетер переехал в Рурскую область. Не в 1923 г., но еще в 1920 г. Знаете вы, что это означает? Он принимал участие в нападении германского капитала на германских рабочих в Руре. Он боролся в рядах тех войск, которые должны были подчинить рурских горнорабочих угольным и железным королям. Войска Ватерса, в рядах которого он боролся, стреляли такими же пулями, с помощью которых генерал Дегут усмиряет рурских рабочих. У нас нет никакого основания предполагать, что Шлагетер помогал расправиться с голодающими горнорабочими из эгоистических целей. Путь смертельной опасности, который он избрал, ясно говорит нам: он был убежден в том, что служит немецкому народу. Но Шлагетер думал, что он лучше всего послужит народу в том случае, если поможет восстановить господство классов, которые до сих пор руководили немецким народом и которые привели его к этому неслыханному несчастью. Шлагетер видел в рабочем классе чернь, которой надо управлять, и он наверно был согласен с графом Ревентловым, спокойно заявлявшим, что никакая борьба против Антанты невозможна, пока не будет разбит внутренний враг. Внутренним же врагом для Шлагетера был революционный рабочий класс. Шлагетер мог видеть последствия этой политики своими собственными глазами, когда он прибыл в 1923 г. в Рурскую область во время оккупации Рура. Он мог видеть, что пока рурские рабочие стоят одни против французского империализма, в Руре нет и не может быть борьбы единого народа. Он мог видеть то глубокое недоверие, которое питает рабочий класс с германскому правительству, к германской буржуазии. Он мог наблюдать, как глубокий раскол в народе парализует его силу обороны. Он мог видеть и то, как его единомышленники жалуются на пассивность немецкого народа. Каким образом может быть активным

разбитый рабочий класс? Каким образом может быть активным обезоруженный рабочий класс, от которого требуют, чтобы он дал себя эксплоатировать шиберам и спекулянтам. Или активность рабочего класса Германии может быть заменена активностью германской буржуазии? Шлагетер читал в газетах, как те самые люди, которые выступают в качестве доброжелателей националистического движения, шлют ценные бумаги за границу, чтобы разорить государство и разбогатеть самим. Шлагетер наверно никаких надежд не возлагал на этих паразитов, хотя ему уже не пришлось читать в газетах, как представители германской буржуазии, как д-р Люттербек обратился к его палачам с просьбой позволить угольным и железным королям пустить в ход пулеметы против голодающих сынов немецкого народа, против людей, которые проводят сопротивление в Руре.

Теперь, когда германское сопротивление превращено в насмешку, благодаря мошенничеству д-ра Люттербека и, еще больше, благодаря экономической политике имущих классов, мы спрашиваем честные патриотические массы, которые хотят бороться против французского империалистического нашествия: как вы хотите бороться, на кого вы хотите опереться? Борьба против антантовского империализма есть война, если даже пушки молчат. Нельзя вести войну на фронте, если тыл неспокоен. Можно усмирить в тылу меньшинство немецкого народа, состоящее из рабочих, борющихся против нужды и нищеты, которую им несет германская буржуазия. Но если патриотические круги Германии не решаются сделать дело большинства народа своим делом и создать, таким образом, фронт против антантовского и германского капитала, тогда путь Шлагетера был дорогой в ничто, тогда Германия будет под постоянной угрозой иностранного нашествия, тогда Германия станет полем для кровавых внутренних боев, и врагу легко будет разбить и расчленить ее.

Когда после Иены Гнейзенау и Шарнхорст спрашивали себя, как вывести немецкий народ из его униженного состояния, то они отвечали на этот вопрос: только посредством освобождения крестьянина от закрепощенности и рабства, заявляя, что только свободная спина германского крестьянина может быть фундаментом освобождения Гер-

мании. То, что представлял собою немецкий крестьянин в начале XIX века, тем для судьбы немецкого народа в начале XX века является немецкий пролетариат. Только в союзе с ним, а не в борьбе против него, можно освободить Германию от оков рабства.

Товарищи Шлагетера говорили над его гробом о борьбе. Продолжать борьбу клялись они. Борьба направлена против врага, который вооружен до зубов в то время, как Германия обезоружена, в то время, как Германия раздавлена. Если это слово «борьба» не пустое слово, она должна заключаться не в действиях подрывных отрядов, которые разрушают мосты, но не взрывают врага, отрядов, которые устраивают железнодорожные крушения, но не могут задержать победоносного шествия антантовского капитала. Борьба требует выполнения целого ряда условий. Она требует от немецкого народа, чтобы он порвал с теми, кто не только привел его к поражению, но кто увековечивает это поражение, эту безоружность немецкого народа тем, что они обращаются с большинством его, как с врагом. Эта борьба требует разрыва с теми людьми и партиями, физиономия которых действует на другие народы, как лицо Медузы, и мобилизует их против немецкого народа. Только в том случае, если национальное дело Германии станет делом его народа и будет начата борьба за права немецкого народа, только тогда оно привлечет на сторону немецкого народа активных друзей. Самый сильный народ не может жить без друзей, тем более не может так жить народ, разбитый и окруженный врагами.

Если Германия хочет иметь возможность бороться, то должен быть образован единый фронт всех трудящихся,— работники умственного труда должны объединиться в одну фалангу с работниками физического труда. Положение работников умственного труда требует этого объединения. Помехой этому являются только старые предрассудки. Объединенная в один победоносный трудящийся народ, Германия будет в состоянии найти великие источники силы и сопротивления, которые преодолеют всякие препятствия. Национальное дело, направленное на благо народа, превращается в дело общенародное. Народ, сплачивающий в борьбе воедино всех трудящихся, сможет

найти помощь других народов, борющихся за свое существование. Кто не готовится к борьбе в этом случае, тот способен на отчаянные поступки, но не на действительную борьбу.

Вот, что может сказать коммунистическая партия Германии, Коммунистический Интернационал над гробом Шлагетера. Им нечего скрывать, так как только полная правда в состоянии проложить дорогу к глубоко страдающим, раздираемым внутренней борьбой, ищущим выхода национальным массам Германии. Германская коммунистическая партия должна откровенно сказать мелкобуржуазным националистическим массам: кто хочет попытаться на службе у спекулянтов, железных и угольных магнатов закабалить немецкий народ и втянуть его в авантюру, тот натолкнется на сопротивление коммунистических рабочих Германии. Они ответят на насилие насилием. Кто, вследствие непонимания, объединится с наемниками капитала, против того мы будем бороться всеми средствами. Но мы думаем, что громадное большинство национально мыслящих масс принадлежит к лагерю труда, а не капитала. Мы хотим и будем искать пути к этим массам и найдем этот путь. Мы будем делать все, чтобы люди, подобные Шлагетеру, которые готовы итти на смерть за общее дело, становились не бредущими в ничто, а бредущими в лучшее будущее всего человечества, чтобы они проливали свою горячую кровь не даром, не во имя барышей угольных и железных магнатов, а за дело великого трудящегося немецкого народа, являющегося членом семьи народов, борющихся за свое освобождение. Коммунистическая партия будет говорить эту истину широким массам немецкого народа, так как она не только партия борьбы за кусок хлеба для промышленных рабочих, она партия пролетариев, которые борются за свое освобождение,— освобождение, совпадающее с освобождением всего народа, с освобождением всех тех, которые страдают в Германии. Шлагетер не может уже больше слышать этой истины. Мы уверены, что сотни Шлагетеров ее услышат и поймут.

ЭБЕРТ

Телеграф принес неожиданное известие о смерти вождя германской социал-демократии и президента Германской республики Фрица Эберта в самый разгар борьбы, развертывающейся вокруг него в связи с истекающим сроком его президентских полномочий. С Эбертом сходит со сцены самая характерная личность в лагере германской социал-демократии, человек, о котором можно сказать без преувеличения, что он был рулевым корабля этой когда-то великой рабочей партии, когда этот корабль отправился в рейс в море буржуазии. Политику германской социал-демократии во время войны назвали шейдемановской политикой, но Шейдеман был только знаменем, трепещущим на мачте корабля. Если кто-нибудь определял эту политику, то в первую очередь им был Фриц Эберт. Политическая биография этого человека является поэтому историей падения германской социал-демократии в той же мере, как биография Бебеля была историей ее создания.

Эберт родился в 1871 г. на юге Германии в семье портного. Юг Германии представлял собою экономически наиболее отсталую часть страны, с наиболее сохранившимися мелкобуржуазными отношениями. Портные были не фабричными рабочими, а ремесленниками. Вся обстановка, в которой развился Фриц Эберт, была обстановкой мелкобуржуазной, демократической. Классовые противоречия между ремесленным пролетариатом юга и южной буржуазией не были так остры, как в Рурском бассейне, на севере или в Саксонии. Политически на юге господствовала мелкобуржуазная демократия. Воспитывался Эберт в атмосфере гонений на социал-демократию, ибо ему было

семь лет, когда Бисмарк провел в парламенте исключительный закон против социалистов. Но закон этот применялся на юге не так свирепо, как на севере. И когда Эберт начал заниматься политикой, этот закон был уже отменён. Отмена исключительного закона вызывает большие иллюзии среди части германской социал-демократии. Одновременно начинается экономический подъем, который эти иллюзии усиливает. Эберт выдвигается в качестве профработника. Шорник по профессии, он перестает работать в мастерской и занимается исключительно организацией шорников. Профсоюзная работа отвечает полностью темпераменту Эберта. Южанин, любящий не абстракции, а факты, человек практической смекалки, практического склада ума, он чужд окрыляющих фантазий, рожден как раз для той атмосферы, которая начинает теперь царить в германской социал-демократии.

Ремесленник Бебель знакомился с брошюрами Лассаля, с его грандиозными перспективами развития рабочего класса, впитал в себя основные идеи Коммунистического манифеста. Сидя в тюрьме, молодой Бебель бросается, как голодный на хлеб, на историю культуры, читает все, что только может, для того, чтобы расширить свой горизонт. Его книга «Женщина и социализм» обнаруживает даже в первом своем издании громадный размах, творческую фантазию, стремление понять и прошлое и будущее человечества.

Поколение, которое политически развивалось в 90-х годах, после падения исключительного закона против социализма и в период экономического подъема, воспитывалось не на экономической теории, не на истории революции и рабочего движения, а на социальной политике, на вопросах рабочего законодательства, профессиональной борьбы, на конкретных вопросах, в которых дело шло о цифрах, фактах, датах, об упорной организационной работе.

Август Бебель был человеком разносторонним, он мог писать книги и о положении пекарей, и о халифатском периоде арабской культуры. Эберт мог написать только статистическую работу о положении бременских рабочих. Вместе с ростом германской социал-демократии и профессиональных союзов, с экономическим подъемом страны, в

германской социал-демократии зародились реформистские стремления. Выразителем их был сначала Фольмар, а позже Бернштейн. Вокруг ревизионизма началась борьба в рядах рабочего класса Германии, и Эберт, выбранный в это время редактором бременской партийной газеты, а позже партийным секретарем в Бремене, примкнул к той промежуточной части партии, которая на словах защищала принципы социализма, а на деле вела чисто-оппортунистическую линию. Уже в это время в Бремене Эберта считали «практическим политиком», и другие редакторы партийной газеты, как Дидерих, Генрих Шульц, Генке, пытались повернуть руль партийной газеты влево. Когда дело дошло до выбора между революцией и социал-патриотизмом, все эти господа очутились под командой Эберта, доказывая этим, что их радикализм почти не отличался от эбертовского.

Во время бременского партийного съезда в 1904 г. Эберта открыл старик Зингер, друг Бебеля, второй председатель Центрального комитета германской партии. Ему понравился здравый смысл Эберта, его организаторские способности, его твердая воля, и он рекомендовал Эберта Бебелю, как подходящего кандидата в Центральный комитет для разработки организационных вопросов. В 1905 г. Эберт выбирается на Иенском съезде в Центральный комитет партии. С тех пор Эберт получает известность в партии и завоевывает себе большое уважение своими организаторскими способностями, своей уравновешенностью и твердостью воли. С болезнью Бебеля практическая политика партии концентрируется все более в руках Эберта. В борьбе с ревизионистами он занимает очень примирительную позицию, и когда после смерти Бебеля первым председателем партии выбирается Гуго Гаазе, кенигсбергский адвокат, пользующийся репутацией радикального социалиста, ревизионисты возлагают свои главные надежды на плотную фигуру Эберта, на этого широкоплечего, узколобого человека, в котором даже через жир проглядывает энергия и воля. Эберт избегает всяких столкновений с ревизионистами, бюрократией профессиональных союзов, с которой его объединяют оценка положения и политический метод. Он покровительствует ревизионистам везде, где только может.

Мне пришлось с ним встретиться лично в очень характерной обстановке в 1911 г. В Вюртемберге, благодаря развитию металлургической промышленности, росло боевое настроение рабочих масс. В Штуттгарте и в Гетингене руководство находилось в руках радикалов, а областной комитет партии был в руках реформистов. Партийная газета в Гетингене, редактируемая в то время Тальгеймером, не только вела беспощадную борьбу с реформизмом, но принимала участие и в борьбе с Каутским, в которой выковался позднее германский коммунизм. Областной комитет узнал, что газета испытывает финансовые затруднения. Рабочие, которые стояли во главе администрации газеты, не зная законов, запутались в долгах, в условиях, которые позволили бы прокуратуре выставить против них обвинение, наказуемое каторгой. Реформисты решили использовать это, чтобы за субсидию газете изменить ее направление. Когда Эберт приехал в Гетинген для улажения конфликта местной организации с областным комитетом, мы доказывали ему, какими средствами вожди реформистов пытаются задушить революционную газету. Эберт заявил холодно: «Я приехал уладить конфликт, а вы хотите повести кампанию против реформистов. Я закрываю заседание и заявляю вам, что партийное руководство вскроет этот гнойник». Мы, а также местные рабочие почувствовали тогда сразу, что имеем дело буквально с классовым врагом. Рабочие, не сговариваясь, забаррикадировали двери столом и потребовали запротоколирования нашего заявления. Тогда мы смутно почувствовали, что левая будет выброшена из германской социал-демократии, и предостерегали об этом Розу Люксембург, которая отнеслась очень скептически к нашим предсказаниям.

В 1912 г. Эберт толкнул партию на выборный блок с либералами,— этот первый открытый шаг германской социал-демократии к реформистской политике.

С первого дня войны Эберт встал на поддержку германского империализма. Если многие из социал-демократов колебались, то у Эберта никаких сомнений не было. Этот человек был глубоко убежден, что интересы рабочего класса Германии требуют, чтобы он шел рука об руку с германской буржуазией. Если германской буржуазии угрожает опасность разгрома, то перед этой опасностью отсту-

пает на задний план все остальное, и надо итти на поддержку буржуазии. Гуго Гаазе шатался по всем направлениям. Казалось, социалистическая совесть говорила ему, что он предает все принципы социализма, голосуя за военные кредиты. С другой стороны, боязнь революционной борьбы не позволяла ему перед фактом предательства рабочего класса пожертвовать организационным единством партии. Эберт стоял, как утес. В течение всей войны Эберт сотрудничал с имперским правительством. Можно сказать, что этот человек не имел ни одного момента сомнения. Всякие попытки оппозиции в партии сбить его с избранной дороги разбивались об его сильную волю. Поддержка правительства до заключения мира, попытки поддерживать все стремления, направленные на заключение компромиссного мира, решительная борьба против всяких революционных стремлений пролетариата — вот путь, по которому он шел, не сворачивая ни вправо, ни влево. Этой политикой Эберт завоевал себе громадное доверие в кругах германской буржуазии.

Когда вспыхнула революция, Эберт, боровшийся против нее беспрерывно, со страстью, с энергией, Эберт, который во время январской забастовки вошел в забастовочный комитет для того, чтобы обмануть бастующих и в интересах империализма прекратить забастовку,— с решительностью, свойственной его характеру, поворачивает руль, возглавляет революцию только для того, чтобы удержать вожжи в своих руках. Он с первого момента добивается соглашения с генералитетом, соглашения с бюрократией, провозглашает лозунг порядка, пытается добиться соглашения с Антантой, чтобы только ликвидировать революцию. Революция в его глазах — величайшее несчастье, которое надо по возможности скорее ликвидировать, ибо революция означает гражданскую войну, продолжение голода, а социализм — это есть организация, и еще раз организация, и еще раз организация. Организация же возможна, по его мнению, только благодаря демократии и может создаваться только медленно. Поэтому Эберт ясно и недвусмысленно стремится возвратить власть из рук рабочих советов в руки буржуазии. Когда в январе 1919 г. рабочие массы Берлина восстают против этой политики, Эберт снова без всяких колебаний подавляет вооруженной

силой выступления рабочего класса рукою Носке, который был только орудием в руках Эберта, подобно тому, как Эберт был исполнителем воли буржуазии.

Германская буржуазия оценила Эберта по заслугам, избрав его президентом республики. Правда, теперь она считает, что опасность революции миновала, что она может обойтись и без социал-демократии, и поэтому значительная часть ее усилий обращена на опозорение социал-демократии и Эберта. Но еще в 1922 г. я слышал из уст Стиннеса слова глубочайшего уважения по отношению к Эберту. «Эберт и Легиен — говорил мне Стиннес,— это единственные вожди германской социал-демократии, которые имеют чувство ответственности и которые не боятся быть последовательными. Без них погибла бы Германия».

На посту президента республики Эберт не был декоративной фигурой, он имел за кулисами значительное влияние на ход событий. Это влияние он использовал в трех целях: подавления всяких революционных движений, сделки с Антантой и сохранения влияния социал-демократии в первую очередь на государственную администрацию. В этой политике отражались интересы того широкого слоя рабочей аристократии, бюрократии профессиональных союзов, который занял десятки тысяч постов в бюрократическом аппарате Германии. Соответственно занимаемому им посту, Эберт завел церемониал и обиход жизни президента буржуазной республики, хотя лично он не имел склонности к парадам. Германские рабочие, видя шорника Эберта разъезжающим в Тиргартене на лошади в сопровождении адъютантов, или принимающим участие на торжествах спуска новых стиннесовых кораблей, могли сказать: вот чего мы добились!

Два миллиона рабочих, погибших в империалистической войне, двадцать тысяч рабочих, убитых белыми бандами, руководимыми социал-демократом Носке в гражданской войне, семь тысяч рабочих, томящихся в тюрьмах республики,— но зато социал-демократическая бюрократия с Эбертом во главе у власти. И с горечью надо сказать, что есть еще миллионы рабочих в Германии, которые верят, что, хотя и не приятно видеть Эберта на лошади в сопровождении белых офицеров, но все-таки он «наш и принесет пользу». Но если вожди рабочего класса забы-

вают о своем классе, о классе, из которого происходят,— который их выдвинул,— то буржуазия, которая воспользовалась этими вождями в момент опасности, не забывает, когда опасность минует, об их происхождении. Те же самые Людендорфы, которых Эберт спасал от революционной массы в 1918 г., те же самые Стиннесы, которым он помог удержать власть, считают, что от него все-таки несет запахом революции, что шорник на престоле Гогенцоллернов — это есть вызов капиталистической Германии. Революционные рабочие не смогли развернуть бешеную кампанию против Эберта,— это сделала капиталистическая печать, которая этого верного слугу германского буржуазного отечества сумела представить мелкобуржуазным капиталистическим массам в качестве революционного предателя родины. Союз шорников, созданный Эбертом, изгнал его из числа своих членов, как предателя рабочего класса. А германская буржуазия, после его смерти, когда ей уже не надо удалять Эберта с президентского поста, наверное амнистирует его и воздвигнет ему памятник, который он заслужил. В историю рабочего класса он войдет как одна из самых крупных предательских фигур, тем более характерных, что он лично не был своекорыстен. Он был только как бы сгустком неверия в рабочий класс, и это неверие в революционные возможности было источником его холопства перед буржуазией. То поколение, которое выросло в эпоху войны и революции, уже не выдвинет Эбертов,— оно выдвинет или честных революционных рабочих, или оппортунистических пройдох и проходимцев. Эберт врос в свою подлость из реформизма, его наследники будут итти из подлости к реформизму.

Февраль, 1925 г.

ПАРВУС

В Берлине скончался от удара, в возрасте 55 лет, Гельфант-Парвус. Молодое поколение знает это имя, как имя предателя рабочего класса, как имя не только социал-патриота, но человека, объединяющего в своем лице вдохновителя германской социал-демократии и спекулянта. Но старое поколение революционеров, старое поколение русских социал-демократов и участников рабочего движения Германии помнит Парвуса другим, помнит его, как одного из лучших революционных писателей эпохи II Интернационала. Парвус — это часть революционного прошлого рабочего класса, втоптанная в грязь.

Он родился в 1869 г. на юге России и, поработав там в революционных кружках, попал молодым студентом в Швейцарию, где поступил в университет. Скоро обратили на себя внимание статьи его, появлявшиеся, под псевдонимом Унус, в научном органе германской социал-демократии, в «Нейе Цейт». Переехав в Германию, Парвус издает «Саксонскую рабочую газету», дрезденский орган германской социал-демократии. Эта газета под его редакцией являлась первой и притом блестящей попыткой постановки революционной ежедневной марксистской газеты. В этой газете в первый раз после Маркса и Энгельса давалось действительно марксистское объяснение мировых событий.

О Парвусе можно сказать, что он в первый раз после Маркса и Энгельса обратил внимание рабочего класса не только на то, что происходит на заводе и в парламенте, но и на то, что происходит на мировом рынке, на то, что происходит в колониях. Русский читатель может еще теперь в работе его «О мировом рынке и аграрном кризисе»,

изданной, если не ошибаюсь, в 1896 г., найти образчик глубины марксистского анализа молодого Парвуса.

Парвус первый обратил внимание на новое явление 90-х годов — на громадный рост профессиональных союзов, и сумел увидеть в этой массовой организации пролетариата, связанной с ежедневной борьбой рабочего класса, великий рычаг революционного движения. В работах Парвуса, посвященных профессиональному движению — они перепечатаны в изданной в 1906 г. в Петербурге книге его «*В рядах германской социал-демократии*»,— читатель найдет образец марксистского отношения к профессиональным союзам: связь их с экономическими переменами страны и с революционными задачами рабочего класса. Когда в 1896 г. саксонская реакция, испугавшись роста рабочего движения в красной Саксонии, этом рабочем муравейнике, отняла у пролетариата избирательное право в саксонский сейм. Парвус первый в германской социал-демократии поставил на очередь вопрос *о всеобщей забастовке*. Изгнанный, как русский, из Саксонии, он переезжает в Мюнхен, где начинает издавать газетный бюллетень: «*Из мировой политики*». Если когда-нибудь будут переизданы эти статьи Парвуса, публикуемые им в продолжение многих лет, то они дадут блестящую картину рождающегося империализма и боев революционного крыла социал-демократии с зарождающимся реформизмом. Статьи Парвуса против реформизма были глубже статей Каутского по силе анализа этих мещанских идей. Но больше еще, чем глубиной анализа, они отличаются от статей Каутского революционной энергией, размахом, революционными перспективами. Это не статьи начетчика, сравнивающего учение с учением, а статьи смотрящего далеко революционера, ищущего за идеями движущие их социальные силы. Парвус видел в реформизме, как он выражался в одной из своих статей, *национал-либеральную рабочую политику*, т. е. полное предательство революционного рабочего класса из-за крох, падающих со стола буржуазии.

Когда создавалась «Искра», ее издатели пригласили Парвуса к сотрудничеству. Статьи его по мировой политике, по русским финансам — они перепечатаны в книге «*Россия и революция*», появившейся в 1906 г. в Петербур-

ге — украшали этот боевой орган русской социал-демократии, принадлежавший к лучшему, что знала мировая публицистика пролетариата.

Когда начался раскол русской социал-демократии, Парвус стал на сторону меньшевиков. Как это случилось,— об этом стоит поговорить, для того, чтобы вдуматься в причины, почему многие революционные марксисты этого времени не могли понять революционного смысла организационной теории Ленина. Парвус не знал русского рабочего движения из практики. Он эмигрировал раньше, чем оно началось, как массовое движение. Организационная теория Ленина была выкована на наковальне молодого русского пролетариата, выступившего стихийно на борьбу с капиталом и царизмом. Ленин, объединявший в себе глубочайшее марксистское образование с громадным практически-политическим смыслом, обобщил эти потребности и создал науку о железной централизованной партии, которая была нужна русскому пролетариату для того, чтобы сбросить гнет царизма и приготовиться к борьбе за коммунизм. Ленин, выросший не только в потоке рождавшегося русского рабочего движения, но и среди русской революционной интеллигенции, видел наглядно, что эта интеллигенция, читающая и пропагандирующая марксизм, является в большинстве своем мелкобуржуазным осколком буржуазии, и что марксизм она принимает, как идеологию, объясняющую необходимость перехода России к капитализму, а не как науку о борьбе с капитализмом. Партийная организация была для Ленина не только железным корсетом, объединяющим передовые элементы рабочего класса, но и стеною, которая должна была его отделить от колеблющейся в силу своего нутра либеральной интеллигенции, идущей в данный момент под знаменем марксизма.

Парвус, выросший политически в рядах германской социал-демократии, с ее широкой организацией, принимающей всякого и всех, видел в демократически-построенной организации единственную возможную форму организации, позволяющей пролетариату осознать самого себя. Он, как многие другие, *не понял различия организационных форм мобилизации пролетариата в стране с демократическими свободами и в стране господства царизма*, где вообще все разговоры об «европеизации» рабочего движе-

ния кончались ничем, открывая только путь мелкобуржуазной интеллигенции к руководству пролетариатом.

Но когда начали выкристаллизовываться различия между меньшевиками и большевиками в области политики, Парвус шарахнулся от меньшевиков. В то время, когда они из своей оценки движущих сил революции в России метили к союзу с либеральной буржуазией, ему политический опыт западно-европейского рабочего движения не позволял верить в революционную роль буржуазии в такой стране, как Россия, где капитализм уже продвинулся очень далеко и создал молодой, бурный революционный пролетариат. Но снова Парвус не сумел посмотреть на Россию *без европейских очков*. В Западной Европе мужик играл роль консервативную. Самостоятельной политики мужик на Западе не вел. Поэтому Парвус недооценивал революционных возможностей крестьянского движения в России. Этим непониманием революционной роли русского крестьянства объясняется лозунг Парвуса: «Долой царя, а правительство рабочее» (он является автором этого лозунга) и концепция «перманентной революции». Видя надвигающуюся в России рабочую революцию и не видя в крестьянстве ее союзника, он спасался от меньшевистских выводов, от искания коалиции с буржуазией прыжком в воздух: приисканием в скором будущем, в короткий срок, союзника для русского пролетариата в революции западно-европейского пролетариата, в котором тогда революционные тенденции были еще очень слабы. Таким образом, его теория базировалась на недооценке собственных сил русской революции и на переоценке темпа развития революции на Западе. Ленин, который в это время очень высоко ценил Парвуса, был вполне прав, решительно отклоняя его теорию.

В 1905 г. Парвус отправился нелегально в Россию и был после ареста Хрусталева-Носаря председателем Петроградского совета. Арестованный на этом посту и сосланный, он бежал из ссылки и вернулся в конце 1907 г. в Германию. Вернувшись, он написал свою блестящую книгу: «*Колониальная политика*», которая принадлежит к лучшим работам марксизма, посвященным империализму. Эта книга была апогеем Парвуса как революционера.

С этой книги, после которой он издал еще работу о бан-

ках и социализме (значительно слабее) и ряд прекрасных брошюр о революционном социализме, начинается падение Парвуса. Причины этого падения были заложены в личных качествах этого незаурядного человека. Этот страстный тип эпохи ренессанса не мог вместиться в рамках спокойной германской социал-демократии, в той социал-демократии, в которой, после падения волны русской революции, революционные тенденции пошли на убыль. Ему нужно было или крупное дело, или... новые ощущения.

Парвус бежал от вырождающейся германской социал-демократии в Константинополь, где только что победоносно кончилась молодая турецкая революция. Изучение империализма привело его к убеждению, что новый крупный толчок для рабочего движения придет с Востока. Еще в Германии он дал блестящий очерк движущих сил *китайской* революции. Из Константинополя он начал писать замечательные характеристики *турецкого освободительного движения*. Но атмосфера Константинополя погубила его.

Он сблизился с турецкими кругами и начал печатать в правительственном органе «Молодая Турция» прекрасные боевые статьи против всех проделок финансового капитала в Турции. Его первая статья начиналась очень характерно: «Пишущий эти слова — революционный марксист».

Эти его статьи обратили на него внимание финансовых кругов. Они пытались купить этого глубокого знатока финансовых вопросов, который мог сделаться им опасным. Мы не имеем никаких данных утверждать, что Парвус продался им тогда, но он вошел во всякие сношения с русскими и армянскими дельцами в Константинополе, которым служил советом, зарабатывая на этом крупные деньги. Имея всегда тягу к широкой жизни, он начал теперь жить, разбрасывая деньги направо и налево. В начале войны он заработал первые миллионы на поставках хлеба в Константинополь.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что это выбило его из колеи и повлияло на идейную позицию, занятую им в великом кризисе социализма. Но и в его идеологии были налицо элементы, которые толкали его к социал-патриотизму. Неверие в самостоятельные силы русской револю-

ции толкнуло его к мысли, что не важно, кто разобьет царизм: пусть это сделает Гинденбург. Русские рабочие используют поражение царизма. А что сделают германские рабочие перед лицом победоносного германского империализма? На этот вопрос Парвус отвечал: война настолько ухудшит положение германских рабочих, что они поднимутся и справятся со своими Гинденбургами. Он не понимал только одного — что для этого нужно еще одно условие: чтобы германская социал-демократия подготовляла восстание рабочего класса вместо того, чтобы развращать его массы социал-патриотической проповедью. Не понимал, или уже не мог понять, застряв в трясине буржуазной жизни.

Вернувшись из Константинополя в 1915 г., Парвус пытался завязать сношения с Лениным и Розой Люксембург. Получив от них обоих ответ, что он предатель и что революционеры не могут иметь с ним никаких политических дел, Парвус покатился безудержно по наклонной плоскости. Журнал «Колокол», который он начал издавать, начал с критики оппортунистического прошлого социал-демократии, дабы кончить в той же самой статье проповедью поддержки войны.

Во время войны Парвус был одним из главных советников Центрального комитета германской социал-демократии. Одновременно он занимался громадными коммерческими делами, на которых заработал большое состояние. Был еще один момент в его жизни, когда он думал, что спасется из грязного болота, в котором тонул. Когда пришли известия об Октябрьской революции, он приехал от имени Центрального комитета германской социал-демократии в Стокгольм и обратился к заграничному представительству большевиков, предлагая от имени пославших его организовать всеобщую забастовку в случае отказа германского правительства заключить мир. В личном разговоре он просил, чтобы после заключения мира ему было разрешено советским правительством приехать в Петроград; он готов предстать перед судом русских рабочих и принять приговор из их рук, он убежден, что они поймут, что он в своей политике не руководился никакими корыстными интересами, и позволят ему еще стать в ряды русского рабочего класса, чтобы работать для русской рево-

люции. Приехав в Петроград с известиями о положении в Германии, я передал Ильичу и просьбу Парвуса. Ильич ее отклонил, заявив: нельзя браться за дело революции грязными руками. Как видно из брошюры Парвуса, изданной после брест-литовских переговоров, он думал, что большевики пойдут на сделку с германским империализмом, и что ему, окруженному ореолом человека, который помог заключить компромиссный мир, удастся еще сыграть крупную роль в русской революции. Это была уже мечта политического банкрота.

В последние годы жизни Парвус не принимал участия даже в социал-демократическом движении и был занят полностью своими коммерческими делами; его политическая роль состояла во влиянии на Эберта. Он расходовал значительные деньги на ряд социал-демократических издательств, но сам в них участия не принимал; политически он совершенно опустился. Он сказал несколько лет тому назад: «Я Мидас наоборот: золото, к которому я прикасаюсь, делается навозом».

Конец Парвуса как спекулянта является как бы глубоким символом вырождения II Интернационала. Вся политика II Интернационала, начавшего с революционных решений — праздника 1 мая — и кончившего поддержкой замаранного кровью и грязью капитализма, нашла выражение в лице этого человека, начавшего, как великий революционный писатель, и кончившего в болоте спекуляции и в роли советника Эберта — президента кровавой капиталистической республики, республики дельцов, республики без республиканцев, республики, гноящей в тюрьмах лучших сынов рабочего класса.

Октябрь, 1924 г.

Памяти погибших неизвестных солдат революции БАГИНСКОГО И ВЕЧОРКЕВИЧА

Они погибли, не войдя в соприкосновение с теми рабочими массами, под знаменем которых они хотели бороться. Они погибли, и рабочий люд, которому они принесли в жертву жизнь свою, не знал их. Я их тоже никогда не видел, но я четко и ясно вижу их душевный облик. Надо, чтобы знали его рабочие массы России, Польши, всего мира.

Они были еще молоды, когда вспыхнула международная война. Они не знали, что такое социализм, как должен вести свою борьбу за освобождение пролетариат. Но они любили народ, и они мечтали о Польше без панов и без батраков, без капиталистов и без рабочих, о демократической народной Польше. Много такой молодежи училось в университетах Польши и России перед войной, принимало участие в страстных дискуссиях на студенческих митингах. Все они ненавидели глубоко царизм, душителя польского народа, отравителя их молодости. Когда империализм начал терзать кровавыми когтями тело человечества, когда вспыхнула война, она оказалась для них двойной трагедией: рабочий не только должен был стрелять в рабочего, крестьянин в крестьянина, но польский рабочий из Познани и Галиции должен был стрелять в польского рабочего из «Царства Польского», и польский батрак из Волыни должен был стрелять в батрака из Галиции. Если погибать, так за свое дело, погибать за восстановление независимой народной Польши. И они примкнули к кружкам Пилсудского, который обещал им, что из столкновения великих сего мира выйдет независимая Польша, надо только, стиснув зубы, встать под знамена одного из пора-

ботителей, надо выслужиться перед ним, дабы в награду получить Польшу. Дело пошло не тем путем, которого они ожидали: не из рук победоносного австро-германского империализма, обещавшего свободу Польше, а из ослабления всех истерзавших Польшу империй, из уничтожения Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов родилась Польша. Власть в ней захватили не народные массы, а буржуазия и крупные землевладельцы, презренные лодзинские фабриканты и помещики. Но армия находилась еще в руках Пилсудского, Пилсудского-освободителя. Среди пилсудчиков шли тихие разговоры о том, что минует власть дармоедов, власть тех, которые не работали для восстановления отчизны, но которые сумели захватить ее: «дед» Пилсудский не дремлет; он им еще покажет. И когда «дед» призвал их к оружию против Советской России, то массы пошли. Они поверили, что Советская Россия есть прежняя Россия, протягивающая свои лапы к горлу несчастной Польши, поверили, что надо защищать родину от врага. Из войны с Советской Россией они вынесли ордена «военному мужеству» и пустоту в сердцах: видели Красную армию, сражающуюся геройски без сапог, видели красные знамена, слышали издали звуки «Интернационала» и в предместьях Варшавы видели проблески ненависти в глазах рабочих, призванных под ружье. Что все это? За что и во имя чего?

А после, когда вернулись обратно в полки, в военные школы, они увидели, как тверже, наглее становится реакция, как она захлестывает все области польской жизни. Польша! Мечтали о ней, как о республике труда, республике свободной мысли, республике света от подвалов до чердака, как о стране братства и равенства между всеми народами, заселяющими равнины между Днепром, Бугом и Вислой. «Польша — страна труда!» Но труд закабален, но труд в кандалах... Они видели сотнями тела батраков, расстрелянных польскими войсками после отхода Красной армии от Варшавы. Они видели длинные шеренги рабочих, отправляемых на Павяк, в каторжную тюрьму в Мокотове за забастовки и демонстрации. «Польша — страна свободы мысли!» Но не было эпохи в истории Польши, когда так безраздельно господствовала бы средневековая тьма, бушевал бы так клерикализм, как теперь в «незави-

симой» Польше. Когда-то, во время царизма, кружок ученых, издавая «Путеводитель по самообразованию», сделал больше для распространения в Польше начал современной науки, чем теперь все польские университеты вместе взятые. «Свет от подвалов к чердакам»,— но никогда культурные стремления народных масс не были так подавляемы, как теперь. «Польша—союз свободных народов!» Но никогда не видела Польша такой погромной агитации против украинцев, белоруссов, евреев, как теперь. Сомнения солдат-патриотов росли. Вокруг них в армии атмосфера сгущалась; все, что было революционного в офицерстве, было в загоне, и торжествовал кайзерский и царский офицер в новом польском мундире. Сомнения молодых офицеров росли. Каждый день приносит сведения о геройской борьбе польских пролетариев под руководством коммунистической партии. Выросшая в борьбе с царизмом, имея за собой славную тридцатилетнюю историю жесточайшей борьбы, измерившая в кандалах всю Россию от Варшавской крепости до Акатуя, коммунистическая партия Польши осталась единственным колоколом, который звал, будил живых. И зов ее был услышан. По тихим вечерам в химической лаборатории польского генерального штаба, Батинский, изучая газовую войну, читал из-под полы нелегальные издания коммунистической партии, взвешивал в своем мозгу сведения о Советской России и продумывал точно и ясно все, что случилось, все, что пережито. Он хотел бросить военную службу и итти на партийную работу. Партия приказала остаться на посту, который мог иметь крупное значение для борьбы польского пролетариата за освобождение. Пришлось скрывать коммунистическую брошюру под мундиром, украшенным военным орденом, и прятать коммунистическую мысль под безоблачным лицом.

Польская охранка, соединяющая в себе опыт русской охранки с опытом старых шпионов Меттерниха и Бисмарка, обнаружила связь молодых офицеров с коммунистами, окружила их шпиками и провокаторами, которые из политических убеждений и симпатий к коммунизму состряпали процесс о шпионаже и об участии в террористических актах несуществующей «советской организации». Обвиняемые не имели понятия, в чем дело, боялись, что,

признаваясь открыто в коммунизме, могут набросить тень на коммунистическую партию и Советскую Россию, своим молчанием санкционировали выдумки провокаторов о мнимых террористических актах. И оба молодых солдата революции со стиснутыми зубами стояли перед судом, не говоря ничего в свою защиту. Надо знать Польшу, надо знать всю мучительную тяжесть перехода польского патриота, кто видит в России врага, к коммунизму, который является знаменем Советской России, чтобы понять весь подвиг их молчания. Они приняли спокойно приговор о смертной казни в качестве агентов иностранной державы. Они, которые были только агентами будущей великой державы освобожденного трудового польского народа, молчаливо вынесли все двухлетние пытки в каторжных тюрьмах Польши. Когда их приковывали к стене, когда их морили голодом, эти герои не захотели даже бросить палачам гордый вызов: «Мы, солдаты пролетарской революции, будем вашими судьями». Советская Россия вырвала их из тюрьмы. Окруженные жандармами, в теплушке они ехали в отечество всех угнетенных и всех борющихся за освобождение. Радость переполняла их душу. Только шопотом по ночам они могли говорить друг другу, что близок час освобождения, близок час, когда они предстанут среди товарищей. И в такой момент тихого разговора настигла их пуля агента польской охранки, которая лишила этих солдат возможности стать в шеренги Красной армии.

Они не увидели Советской России. Тела их будут лежать в закованной цепями капитала польской земле, и братская рука не бросит горсть красных роз на их гроб. Но когда польские рабочие и батраки сбросят иго буржуазии и помещиков, то к могилам Багинского и Вечоркевича пойдут польские рабочие, с любовью вспоминая этих двух борцов, геройски погибших за рабочее дело в расцвете своих сил, беззаветно отдавших свои молодые жизни, железную волю и горячее сердце.

3 апреля 1925 г.

БОТВИН

В маленьких городишках Польши, Литвы, Белоруссии копошится еврейская нужда. Мы читаем с волнением книгу Энгельса о положении рабочего класса в Англии. Нас возмущают картины нужды китайских рабочих. Мы знаем, как жил русский пролетарий в рабочих слободках при царизме. Но промышленные рабочие не имеют понятия, как живет беднота маленьких еврейских городков.

В одной комнате ютятся родители со стаей маленьких ребятишек. Всех их должен кормить торговый оборот из одного — двух рублей в неделю. Кусок хлеба, селедка и лук,— вот их пища. Только в пятницу, при праздничных свечах, появляются на столе четверть фунта мяса на всю семью и кусок рыбы. Одетые в лохмотья, живут они в неописуемой грязи. Еврейский ремесленник маленьких городишек — это нищий из нищих. Тут же, где отец, портной или сапожник, трудится мать, варит скудный суп и стирает белье, тут же живут и дети, не видя солнца, не чувствуя никогда дуновения свежего воздуха.

Я спросил однажды еврейского поэта, происходящего из этой бедноты: «Почему в ваших стихах не видно солнца. ни деревьев, почему в них нет никакого отражения природы?» — «Разве я когда-нибудь видел природу?» — ответил он мне.

Но всего ужаснее в этих городах полное отсутствие видов на будущее. Фабрика и железная дорога отнимают у этой бедноты хлеб. Но они никогда не принимают пролетаризированного еврейского населения. Перед войной евреи, работающие на фабрике, были редким исключением. Самые смелые из них, самые отчаянные вырывались из

пекла своей жизни и искали хлеба на Западе. Там, в Лондоне и в Нью-Йорке, они составляли самую нищую часть пролетариата, безжалостно эксплоатируемую купцами, дающими работу на дом, или фабрикантами, собирающими в своих мастерских выходцев из Польши, Литвы и Украины.

Среди этих эмигрантских масс зажглось первой искрой человеческое сознание,—первые мысли о борьбе. Среди них находили приверженцев социализм и анархизм. Они начали мечтать о спасении в новом еврейском государстве, в Палестине, где кончится их жизнь странников, где они надеялись снова прикоснуться к земле. Из Америки и России, из университетских центров, где училась еврейская молодежь, эти идеи пришли на еврейскую улицу в литовских и польских городах, и там они нашли глубокий отзвук.

Удельный вес еврейской массы в освободительной борьбе пролетариата был незначителен, ибо это не была фабричная масса, способная бросить на весы истории свою роль в производстве. Враг этой массы не был крупный капиталист, от которого можно было бы забастовками отвоевать многое. Профессиональная борьба еврейских портных, сапожников, шапочников могла дать только крошечные результаты. Но все же это была жестокая борьба, которая требовала великого героизма, упорства, способности голодать без конца для того, чтобы получить на полтинник в неделю больше. Эта борьба переродила забитую еврейскую рабочую массу. Ремесленники со сгорбленными спинами, для которых человек, живущий в двух комнатах, едящий ежедневно мясо, был миллионером, а городовой — владыкой мира, подняли голову, почувствовали себя людьми и поверили в спасение.

Борьба эта породила в них чувство национального достоинства. Даже в сионизме, этой реакционной утопии, видно отражение рождения нового еврейского человека. Требование культурной автономии, выдвинутое «Бундом»,— реакционный лозунг, ибо он отделяет еврейский пролетариат от трудящихся масс других наций, но даже и в этом лозунге, как в кривом зеркале, нашло свое отражение рождающееся чувство человеческих и национальных стремлений еврейской народной массы. Из объединения

экономической борьбы с национальной борьбой, с борьбой за то, чтобы еврейский рабочий перестал быть презренным жидом, родилось великое геройство еврейского рабочего движения. Уже перед революцией 1905 г. оно выделило Гирша Леккерта, виленского рабочего, осмелившегося поднять револьвер на царского губернатора, палача рабочего класса. Появление Леккерта есть грань в истории развития беднейших из бедных, в истории развития еврейской бедноты.

И вот в таком польско-еврейском городишке родился Ботвин. Отец его был портным, а сам он воспитывался и вырос в маленькой мастерской портного. Сам он научился, сгибая над работой спину, размышлять о борьбе рабочего класса. Но эта борьба, еще представлявшаяся Леккерту путем через пустыню, на котором фата-моргана укрепляла падающую надежду на победу, сделалась для Ботвина борьбой за близкую победу, ибо он рос под раскаты грома русской революции, ибо он рос в Восточной Галиции, отделенной несколькими шагами от героической страны русского пролетариата. Он видел приближающуюся Красную армию, он наверное ночи напролет прислушивался, не слышно ли топота копыт конницы Буденного. Хрупкий еврейский комсомолец, живущий без куска мяса, без солнца и воздуха, сделался членом великой борющейся армии, сделался бойцом, способным не только на подвиг, но и на борьбу на жизнь и смерть.

Ботвин жил не только жизнью еврейской улицы. Ботвин был членом коммунистической партии Польши. В детстве уже он перешагнул через все препятствия для приобщения к общей борьбе пролетариата. В детстве он перешел границу гетто и стал работать рука об руку с польскими пролетариями. Еврейская беднота в Польше окружена атмосферой антисемитизма, атмосферой ненависти и презрения. Но это не толкнуло Ботвина в ряды многих полунационалистических еврейских рабочих организаций, существующих в Польше. Он не поднял оружия, чтобы отомстить за гонения на евреев, за ежедневно причиняемые евреям кровавые обиды. Борьба объединила его с польскими и украинскими рабочими, и он пожертвовал жизнью, чтобы освободить партию всего пролетариата Польши от опасного врага.

В 1918 г. мне пришлось пробираться нелегально через Литву в Германию, над которой разразилась революционная буря. Приходилось задерживаться в маленьких еврейских харчевнях, искать лошадей в маленьких еврейских городках. Я видел десятки юношей в возрасте Ботвина, и глаза их, их торопливая, горячая услужливость говорили мне, что они понимают, за каким делом я пробираюсь через Литву. Я видел в 1920 г. занятые Красной армией еврейские городки Белоруссии и Польши. Где ни появлялись наши войска, там сразу стекалась к ним молодежь еврейской бедноты, чтобы помогать и служить. И надо было видеть этих юношей, стоящих на перекрестках улиц с винтовкой в руках и охраняющих революционный порядок,— не спрашивая себя о том, что будет с ними в случае поражения,— чтобы глубоко запомнить их, запомнить на всю жизнь. Десятки и сотни виселиц, выстроенных польской буржуазией,— вот доказательство преданности этих юношей и доказательство того, что победоносная польская буржуазия понимает, что ей не удалось их победить, что они снова встают на зов революции. Виселицы не затушили огня, который революция разожгла в сердцах еврейской бедноты. Смерть Ботвина — лучшее доказательство этому.

Коммунистическая партия Польши загнана в подполье. Агитация коммунистов, организационная работа партии требуют неимоверных жертв. Польский пролетариат приносит эти жертвы, и сто раз разбитая арестами партия оживает заново. Разрозненные клеточки ее организма срастаются, объединенные желанием борьбы. В рядах все собирающихся борцов партии еврейские рабочие играют не последнюю роль. Польская буржуазия знает только два слова для заклеймения революционного пролетариата Польши: «жиды» и «московские агенты». Жизнь и дело молодого Ботвина показывают, что *мы можем гордиться еврейскими рабочими, членами коммунистической партии.* Коммунизм, который зажег святой огонь в этих беднейших из бедных, который в состоянии поднять на величайший героизм революционного единоборчества ребенка, юношу из еврейского гетто,— великая, непобедимая сила, ибо он запустил корни в самую народную глубину.

Польский пролетариат имеет многих мучеников и мно-

гих героев. Когда собираются польские рабочие тайком, есть им кого вспоминать, есть кем гордиться. Теперь прибавилось новое, особенное имя. Дорогое имя Ботвина явится доказательством того, что удалось в стране расовой и религиозной ненависти, в стране дикого шовинизма, объединить передовых рабочих без различия наций и без различия религий. Польские рабочие будут вспоминать имя этого героического юноши так, как вспоминает мать самого слабого своего ребенка, который в момент беды оказался мужчиной.

8 марта 1925 г.

СУН ЯТ-СЕН

Китайский народ потерял лучшего своего сына. Сун Ят-сен — знамя возрождения китайского народа — умер. Широчайшие массы Китая, пробужденные к жизни великими страданиями, станут у его гроба с глубокой болью. Капиталистическая печать, которая одно время прославляла его, как великого реформатора, будет с кислой миной рассказывать о нем, как о фантазере, который в преклонном возрасте попал под влияние большевизма. Пролетариат СССР, а с ним революционная часть мирового пролетариата, прощаются с Сун Ят-сеном как с великим вождем китайского народа, с революционером, который, на основе опыта 40-летней революционной деятельности, понял, что спасение восточных народов лежит в их союзе с революционным пролетариатом. Недавно передовые элементы китайского народа приняли участие в нашей глубокой скорби по поводу смерти Ленина. Этот факт свидетельствует, что Сун Ят-сен не был исключением, что широкие массы китайской общественности поняли, кто их враг и кто союзник. И мы потрясены сообщением о смерти Сун Ят-сена. Склоняя знамена Коммунистического Интернационала над его могилой, совместно с борющимся китайским народом мы ощущаем его потерю. Подобно тому как народные революционные элементы Китая пытаются понять, символом чего был Ленин, выразителем каких классовых сил он являлся, так же и нам надо понять жизнь и труд великого учителя китайского народа, понять для того, чтобы осуществить завет Ленина, добиться объединения борющегося международного пролетариата с народами Востока.

Сун Ят-сен — сын бедных родителей, родился в 1867 г.

на юге Китая, в Квантунской провинции. Он родился через три года после того, как английский майор Гордон во главе банд европейских авантюристов и наемных войск манчжурской династии подавил восстание тайпингов. Когда родился маленький Сун, огни еще горели, еще шла партизанская борьба остатков повстанческих отрядов. Китай лежал беззащитным у ног иностранного капитала. Только экономическая депрессия, начавшаяся вскоре в Европе, спасла Китай от немедленного растерзания. По всей стране рыскали разведчики капитализма, изучая ее богатства, ее обычаи, выбирая пункты будущего наступления. Через открытые портовые города — Кантон, Шанхай — в страну внедрялось влияние капитализма, охватывая пока-что только морское побережье. Пекинский двор смотрел с глубокой тревогой на это вторжение. В народных массах, потерявших в тайпинском восстании около трех миллионов людей, в народных массах, потерявших надежду на то, что они смогут собственными силами освободиться от иностранного засилья и от династии, которая при помощи своего бюрократического аппарата как щупальцами высасывала силы страны, господствовало безволие. С юга начали надвигаться французы и англичане, с севера — Япония. Среди китайских ученых, ориентирующихся в международной обстановке и наблюдающих все растущее бессилие страны, начинает расти мысль, что только реформы могут спасти страну. В 1880 г. ученый Канг Ю-вей составляет докладную записку, в которой указывает, что китайская бюрократия продажна, не знает своего дела, что страна распадается на ряд сатрапий. «Тот, то до сих пор еще придерживается старых методов и взглядов, не только не понимает государственной необходимости, но отдалился от почвы взглядов старых мудрецов» — пишет Канг. Он указывает на реформы в Японии и заявляет, что только радикальные шаги в этом направлении могут спасти Китай. Руководители пекинской академии отказываются довести до сведения императора о меморандуме Канга; мысли его кажутся им ересью. Да, Китай потерял старые силы, но он имеет единственную правильную науку великого древнего своего учителя — Конфуция, и тут не могут быть опасны заморские варвары.

Китай приходит к войне с Японией. Китай не только побежден, но его слабость, его бессилие показаны всему миру. Заключен позорный для Китая мир в Шимоносеки. В Пекине собирается великое собрание ученых для государственных экзаменов. Канг обращается 29 мая 1895 г. со вторым меморандумом, в котором требует реформы китайской бюрократии. «Китайские ведомственные посты,— говорит он в этом меморандуме,— занимают не те, кто знает, что надо делать, дабы помочь крестьянину и ремесленнику, не те, кто знает, как управлять государством, а те, кто может больше всех уплатить за теплое местечко. Одних учат тому, чего никогда не применить, а другие не применяют того, чему учились». Он указывает на развитие современной промышленности и торговли и требует поощрения их в Китае. Он требует устранения провинциальных таможен и помощи крестьянству. Государственные цензоры передают под влиянием военного поражения эту докладную записку царице-вдове и ее сыну-императору. Император приказывает разослать губернаторам докладную записку для того, чтобы они провели в жизнь реформы. Он хочет принять реформатора лично, но это ему запрещают, ибо Канг Ю-вей не имеет соответствующего чина. Но Канг получает пост в министерстве общественных работ, с правом представления докладных записок, и составляет их одну за другою, пытаясь ознакомить династию с опасностями, угрожающими стране. Он указывает на угрозу царизма и Японии на севере, Франции — на юге, на занятие Кьяу-Чоу Германией. Только создание современной армии может спасти Китай. «Со времени позорного поражения в войне с Японией,— пишет он,— европейские государства смотрят на нас с пренебрежением, как на диких людей, и обращаются с нами, как с глупыми мужиками; они ставят нас наравне с неграми. Когда-то они ненавидели нас, как высокомерный народ; теперь высмеивают нас, как глупых, слепых и немых». Со всех сторон иностранцы добиваются концессий. «Они требуют наших костей, нашего мяса; они отрезывают части нашего тела, пока ничего не останется. Иностранцы получают железнодорожные концессии. Нам угрожает опасность, что с севера на юг перережут нам горло. Надо помнить судьбы Турции, Кореи, Аннама и Поль-

ши». Канг пишет: «Размышления о реорганизации Японии», «Размышления о реорганизации России под руководством Петра Великого», пишет биографию Петра Великого и передает ее молодому императору. Император делает его своим советником и начинает лихорадочно добиваться проведения в жизнь требуемых реформ.

Из императорского дворца в провинции скачут курьеры с предписанием организовать печать, школы, реорганизовать армию. Сто дней продолжается эта попытка реформ сверху. Бюрократия восстает против нее. Все эти реформы должны поднять на ноги народные массы, ограничить бюрократическое своеволие и доходы бюрократии. А ведь всякий чиновник дорого заплатил за свое место. Влиятельнейшие слои ученых, хранителей старых заветов видят в этих попытках реформы посягательство на старые учения. Бюрократические заговорщики возглавляются старой императрицей Цси-Си, которая организует государственный переворот, арестовывает молодого императора Гу Ан-сю, запирает его в роскошном дворце на острове, где он умирает, верный учению Канга.

В истории еще раз проверено положение о том, что господствующий класс не может сам себя реформировать, не может отказаться от своих привилегий без массового нажима. Канг бежит за границу, а Китай гниет дальше, как жертва собственной бюрократии и как жертва иностранного капитала. Старая императрица видит нарастающее недовольство народных масс. Она пытается направить его против иностранцев, она субсидирует организацию восстания боксеров. Варварски подавленное международной военной экспедицией, это восстание выдает беспомощный и распластанный Китай иностранцам. Двадцатый век начинается под знаком раздела Китая. Вся международная империалистичекая литература этого времени посвящена разделу Китая между империалистическими державами. Экономический подъем, начавшийся в последнем десятилетии XIX века, толкнул Англию, Германию, Францию на поиски новых рынков. Царская Россия, боясь опоздать, спешит захватить Корею и Манчжурию; готовится русско-японская война, которая разыгрывается на территории Китая. Кажется, что для Китая нет спасения.

На юге, где возникло восстание тайпинов, откуда происходил реформатор Канг, подрастает и развивается Сун Ят-сен. Окончив народную школу в деревне, прожив несколько лет на Гавайских островах, где брат его занимается торговлей, он отправляется в Гон-Конг и там изучает в английской школе медицину. Молодой, отзывчивый, с горячим сердцем, Сун Ят-сен не довольствуется наукой, он осматривается кругом, он думает над судьбами своей страны. Народное восстание тайпинов вселяет в нем глубокое разочарование. Как может безграмотный народ Китая бороться с европейскими державами, вооруженными наукой и техникой современности? Надо сначала дать народу возможность подняться культурно, научиться, и тогда он будет равен цивилизованным народам Запада. Но как раскрепостить народные массы Китая? Сун, не принадлежавший к слою ученых Китая, не верит в возрождение Китая посредством реформы, добровольно проводимой старой бюрократией, возглавляемой последней династией. Он приходит к убеждению, что надо сбросить эту династию, которая представляет собою варварских манчжуров, захвативших в XVII веке Китай. Он думает о заговоре, но находит среди своих знакомых только трех, которые хотят следовать за ним по опасному пути. Он создает во время японско-китайской войны общество возрождения Китая. Начинается пропаганда в армии, закупается оружие. Заговор проваливается, и 9 сентября 1895 г. казнен Люко-Дун, товарищ Сун Ят-сена. Сун Ят-сен бежит за границу.

Начинаются годы эмиграции, годы нищеты, годы учебы. Молодой Сун странствует по всем странам, в которых живут китайцы — по Японии, английским колониям, Америке и Англии. Живя ученым трудом и поддержкой немногих своих единомышленников, Сун ищет сближения с китайской молодежью, учащейся за границей, с китайскими купцами. Он внимательно изучает устройство европейских и американских государств. Он видит, что за кулисами благополучия капиталистических стран скрывается нужда народных масс. Он сам вышел из этой нужды — она ему не безразлична. Проникаясь симпатиями к социализму, Сун считает, что в Китае социалистические стремления преждевременны, ибо в Китае нет пролетари-

ата. *Демократия,*— в особенности американская демократия — *вот его идеал государственного устройства. А путь к идеалу идет через заговор,* в первую голову через военный заговор. Опыт Канга убедил Суна окончательно в безнадежности попыток реформирования страны при династии манчжуров. На кого можно опереться? Переворот может совершить только то поколение, которое понимает необходимость демократической реформы. Это — студенчество и военная молодежь, которая, изучая военное дело, убедилась, что нельзя спасти Китай без разрыва со старым. Сун Ят-сен направляет спропагандированных им студентов в Китай, добивается связи с гарнизонами, разъезжает из города в город, ведя агитацию. Он ориентируется в международной обстановке, нащупывает противоречия между капиталистическими державами, завязывает связи в Японии, надеясь найти помощь в стране, которая сама, путем решительных внутренних перемен, спаслась от иностранного капитала. Он находит известную поддержку в Японии, даже в правительственных кругах, где полагают, что его пропаганда ослабит и без того разваливающийся Китай. Он находит ее в некоторых американских кругах, надеющихся, наоборот, что революционное движение принудит китайское правительство к реформам и усилит, таким образом, Китай. Америка, экономически достаточно сильная, чтобы не бояться конкуренции других держав, выступает тогда против попыток разделения Китая, за политику «открытых дверей», т. е. за допущение иностранного капитала в Китай на равных правах.

Работа Сун Ят-сена и его друзей имеет успех в армии. Как декабристы нашли отзвук в первую голову среди молодого офицерства, которое война против французской революции и Наполеона и сравнение России с Западом привели к убеждению, что без реформ эта Россия будет огромным, но бессильным ребенком,— точно так же и часть молодого китайского офицерства, получившего европейское образование, поняла угрожающие Китаю великие опасности и примкнула к революционному лагерю. Финансовое расстройство страны, ряд голодных годов, все это вносит брожение в армию. В 1911 г. вспыхивает восстание в Учанге. Оно ширится, одерживает одну победу за другой. Сун Ят-сен спешит из Америки через Лондон в Ки-

тай. Здесь он является знаменем восстания. И поэтому после его победы, после низвержения династии он избирается президентом Китайской республики.

Сун Ят-сен у своей цели. В Нанкине собирается парламент. Но победа Сун Ят-сена оказывается его полным поражением. Династия Ман-Чжу низвержена, но весь аппарат, на который она опиралась,— провинциальная бюрократия, военный генералитет — остались нетронутыми, ибо восстала только армия, а народные массы только начинали приходить в движение. В парламенте еле находит свое отражение интеллигенция. Великие державы, которые не поддержали падающей гнилой династии займом, не дают займа и Сун Ят-сену, боясь, что коренное преобразование усилит Китай, что китайская революция, являющаяся опаснейшим доказательством влияния русской революции на Восток, может с своей стороны отразиться на Индии, на азиатских колониях Франции. Международный капитал объединяется с китайской бюрократией и с китайским генералитетом. Юан Ши-кай является выразителем этого союза. Сун Ят-сен, не будучи в состоянии противопоставить Юан Ши-каю никакой реальной силы, должен был уступить ему место и устраниться от руля правления. Военный заговор был достаточно силен для того, чтобы смести прогнившую династию в центре, но был бессилен, чтобы вымести реакцию во всей стране и очистить Китай от паразитов, облепивших его тело. Иностранные державы дают Юан Ши-каю заем.

Для Сун Ят-сена начинаются новые годы эмиграции, новые годы страданий и размышлений. Приходит мировая война. Японские войска «освобождают» Китай от немцев, но только для того, чтобы, засев в Шандуне, подготовлять захват всего Китая. Великие хищники завязли на полях сражений в Европе: Соединенные штаты Америки только что строят великий флот и армию и не могут сопротивляться притязаниям Японии: в договоре американского министра иностранных дел Лансинга с японским послом Иши Соединенные штаты признают за Японией особые интересы в Китае. Япония хватает Китай за глотку, пытается вырвать у него согласие на 21 условие, которые по существу означают полное закабаление китайского на-

рода, Китай ищет спасения в том, что объявляет войну Германии. Он, понятно, не в состоянии вести никакой войны, но надеется, таким образом, что, как союзник великих держав, он найдет у них защиту от японских империалистов. Неожиданно луч надежды освещает темное будущее Китая: Вильсон проповедует самоопределение наций. Великая северная демократия провозглашает «великое слово». Надежды массы, надежды китайской интеллигенции растут.

Приходит день Версальского мира, который приносит отдачу Шандунской провинции с сорока миллионами китайского населения в руки Японии. Радость и надежды уступают место глубочайшему разочарованию. Сун, который все время вел свою пропаганду и держал связь с родным югом, не видит выхода. Докатывается эхо великой русской революции. Английские и американские телеграфные агентства распространяют про нее сплетни и клевету, но их бешеные нападки доказывают Суну, что там, на равнинах России, растет новая сила, враждебная мировому империализму. Он начинает прислушиваться к сообщениям, идущим из России. Версальские победители объявляют Советской России войну, или, вернее сказать, начинают с ней борьбу на истребление, не объявив войны. Но она защищается. Она возбуждает в усталых от войны народных массах новые гигантские силы, два с половиной года ведет она геройскую борьбу и побеждает Антанту. Сун крепнет духом: он видит в русской революции нового союзника.

Сначала это для него только внешний союзник. Сун еще не понимает, в чем сила русской революции. Захватив власть на юге Китая, в Кантоне, он не сумел связаться с народными массами, для которых он только великий патриот, защитник независимости Китая. Он все еще мечтает, что ему удастся освободить Китай путем ряда дипломатических комбинаций, военных походов, и что после его победы иностранные державы, во избежание войны, бросят попытку раздела Китая и окажут Китаю экономическую помощь, которая позволила бы ему стать на ноги. Но победа Красной армии над Колчаком разрушает барьер между Китаем и Советской Россией. Приходят более правильные сведения из России, приезжают русские револю-

ционеры, китайцы отправляются в Россию. Старый Сун не перестает учиться. Он видит свою зависимость от буржуазии, от кантонских купцов, не допускающих каких бы то ни было существенных реформ, без которых Сун не в состоянии сделаться вождем национальной революции. А без национальной революции Китай не в состоянии преодолеть сил военщины, которая после падения династии раскромсала великую страну, живя за счет ее разъединенных провинций. Союз с Советской Россией, к которому Сун стремится, не может остаться только внешне-политической комбинацией, он приводит к движению рабочих (которых теперь в Китае, если считать только фабричный пролетариат, три миллиона), он начинает действовать на крестьян, которые до этого времени способны были создавать только партизанские отряды. Движение рабочих и крестьян вызывает контр-меры буржуазии, которая начинает организовываться, вооружаться в Кантоне против Суна. Сун делает решительный шаг, приступает к организации революционной армии против буржуазии, выдвигает программу крестьянских преобразований, программу в области рабочей политики. Сун Ят-сен начинает организовывать народные силы не только в Кантоне, но и в Китае вообще. Он встречает противодействие в кругах своей партии, связанных с буржуазией. Эти круги борются против организации народной революции. Но Сун решился. Ни угрозы английских империалистов, которые подготовляют наступление против Суна, ни угрозы раскола партии не удерживают его; он избрал свой путь, и каким бы ни был этот путь тернистым, он упорно следует по нему. На этом пути застигла его смерть.

Перед нами жизнь человека, который войдет в историю, как великий символ пробуждения величайшего в мире народа. Перед нами жизнь, полная труда, страданий, работы мысли, боев; перед нами великое дело, начатое, но не завершенное Суном. Завершат его китайские рабочие и крестьяне, китайская трудовая интеллигенция, которых пробуждал Сун, которые видели в Суне своего учителя. Величие этой жизни в том, что человек, который ее пережил, все время шагал вперед, снова поднимался после каждого поражения, изучая свой опыт, учась новому. На

юге Китая началась революция тайпингов, которая устремлялась к тому же самому, к чему пришел Сун после всего своего опыта, через политику заговора, через политику дипломатического использования противоречий между империалистами. Но революционное движение в Китае находится теперь не в том положении, в каком находились тайпинги. Тогда, видя страдания китайского крестьянства, великий предшественник Суна — Хунг — вождь тайпингской революции, погибший в 1864 г., при помощи библии создал идеал царства труда. Восстание тайпингов было подавлено, ибо не нашло никакой поддержки в рабочих массах Европы, которые даже не знали, какая великая народная трагедия разыгрывается на берегах Ян-цзы-цзяна. Теперь китайское революционное движение имеет мощного союзника в лице русской революции и крепнущего мирового пролетариата. Европейский империализм не может теперь начать поход против революционного Китая, не рискуя вызвать глубоких потрясений в своих собственных странах. И силы самого Китая непомерно выросли за это время. Для того, чтобы теперь удержать в руках Китай, иностранный капитал был бы принужден двинуть миллионные силы. Поэтому дело Суна будет завершено. Многие страдания ожидают еще китайский народ, многому придется еще учиться китайским революционерам, чтобы найти поддержку в народных массах Китая, но семя, брошенное Суном, уже не будет растоптано, оно даст богатые плоды.

В 1916 г., в разгар мировой войны, в Берне, на маленьком собрании большевиков, при обсуждении вопросов самоопределения наций Ленин бросил мысль об единстве оружия с будущей китайской революцией. Это казалось мечтой. Швейцарская эмиграция, квартира т. Шкловского, пять — шесть большевиков и мысль о том, что русский пролетариат и миллионные народные массы Китая будут совместно сражаться! Кто из нас, присутствовавших тогда на этом собрании, думал, что мы доживем до момента, когда эта мечта будет осуществлена? В 1918 г., когда от Китая отделяли нас чехо-словаки, эс-эры и Колчак, Ленин запрашивает, нельзя ли среди китайских рабочих, загнанных на каторжные работы в Россию и пробужденных Октябрьской революцией, найти смелых людей, которые

установили бы связь с Суном. Теперь эта связь установлена с массами китайского народа. И задача нашей жизни и жизни китайских революционеров должна состоять в том, чтобы эта связь охватила десятки миллионов. Тогда половина победы мирового пролетариата будет достигнута. У могилы Суна, прощаясь с ним, спокойно и уверенно мы можем заявить: задача его жизни будет решена.

Одна из величайших всемирно-исторических заслуг Ленина состоит в том, что в союзе европейского пролетариата с угнетенными народами Востока он увидел архимедову точку, с помощью которой можно сдвинуть мир. Китайский народ, борющийся за свое освобождение, может гордиться тем, что Сун Ят-сен был первым великим вождем восточного народа, который понял эту мысль Ленина и делал все возможное для проведения ее в жизнь. Это дает ему почетное место в ряде величайших людей в истории и лучше всего сохранит его в памяти всех угнетенных.

14 марта 1925 г.

ПАМФЛЕТЫ

ФИНЛЯНДИЯ

Немцы двигаются на Гельсингфорс. Падение Гельсингфорса ожидается ежедневно. Красная гвардия финских рабочих, которая победоносно сражалась с белой гвардией финской буржуазии, должна отступать перед напором германской артиллерии, германских матросских батальонов. Она устилает трупами поля сражения, и ей придется умереть или искать убежища на русской территории, среди русских рабочих.

Ликвидируется победоносная финляндская рабочая революция германскими штыками.

Мирный договор между Германией и Россией запрещает в пределах Финляндии вести агитацию против германского правительства и против финской буржуазии, которая при помощи германских штыков делается снова правительством финского народа.

Но ярче, чем это мог бы сделать самый лучший агитатор, кричат на весь мир, к рабочим всех стран, простые факты, сопоставленные один с другим.

Сто лет угнетал царизм маленький финский народ. Он хотел отнять у него самостоятельность и финскую культуру, дабы сделать из Финляндии русскую окраину, защищающую доступ к Петрограду и позволяющую русской армии в удобный момент подвинуться дальше против Запада. Но финский крестьянин, работающий в поте лица своего на скупой каменистой земле, держался за нее когтями, смотрел исподлобья на пришельца. Уступал его насилию, давал дань, но оставался при своей культуре, при своей самостоятельности.

Со временем пришли с Востока и с Запада новые побе-

дители, пришли паровые машины, засвистели их гудки в лесах, между тихими озерами, завизжали пилы, и северный лес Финляндии пошел на фабрики, где его переделывали в бумагу. Участь леса разделяли торпари, превращаясь из безземельных крестьян, работающих на кулака и помещика, в пролетариев.

Долго складывался новый класс и под новым игом творил новые думы, думы не только о национальной свободе Финляндии, но и об уничтожении дней нужды и насилия, о создании в снегах Финляндии, под ее холодным небом, храма братства и равенства. И в первый раз началось действительное сближение между Финляндией и Россией, создалась связь между молодым финским и русским пролетариатом. Русские революционеры искали убежища в Финляндии, в которой русский царизм не успел еще вырвать всех свобод с корнем, и находили там братскую помощь финских товарищей. Много финских рабочих, ищущих хлеба в России, вошло в ряды русского рабочего движения.

Видела их тюрьма русская, отпирала им ворота свои Сибирь. И когда поднялась волна рабочего движения в России, угрожая в 1905 г. царскому трону, то и рабочий класс Финляндии ударил с удвоенной энергией на бастилии царизма.

Часто говорили о практицизме финского рабочего движения, о его узких горизонтах. Да, главари рабочего класса Финляндии отличались практичностью бывших крестьян. Многие из них, прошедшие выучку у американского капитализма и американского профессионального движения, помножили еще свою крестьянскую практичность на американскую. Взгляд их был обращен на непосредственно достижимую цель, им грезилось мирное строительство, в котором камень кладут на камень и создается здание. Они создали сильное профессиональное движение, стройную партийную организацию, которой мог бы гордиться пролетариат самых культурных стран.

Если немецкие и вообще европейские ученые лицемерно пели славу маленькой культурной стране, где нет безграмотных, где нет алкоголизма, то рабочие Европы с искренним удовлетворением следили за результатами практицизма финских рабочих.

Пришла революция 1917 г., она разбила цепи на руках и ногах финского пролетариата, дала финскому народу полную свободу, и многие снова заговорили, что рабочий класс Финляндии практичен, что он займется теперь «мирной» работой, будет дальше строить свои профессиональные союзы и партийные организации, что он воздержится от всяких «русских авантюр». Возможно, что так и представлялось будущее рабочего класса Финляндии большинству его вождей. Но нужда, голод, притязания финской буржуазии, которая национальную свободу понимала не иначе, как свободу угнетения рабочего класса, влили в грудь финских пролетариев жажду революционной борьбы, жажду слияния с мощным потоком русской революции. Рабочий класс Финляндии не позволил вождям удержать себя, он стал на путь «романтизма», путь борьбы за власть и поднялся с оружием в руках против своей буржуазии. В культурной Финляндии, в стране грамотных и трезвых людей, в стране мощных организаций, в стране трезвых вождей загоредось пламя гражданской войны. Вся буржуазная Европа, которая на русскую революцию смотрела как на судороги анархии, должна была утешать себя ложью, что революция Финляндии не революция финских рабочих, что это эксцессы разнузданной русской солдатчины; она должна была утешать себя этой ложью, ибо в противном случае ей пришлось бы посмотреть правде в глаза и сказать: революция в Финляндии — это сумерки богов капитализма; борьба финских рабочих — это только первый ответ на призыв русской революции, за ним последуют другие, ибо во всех странах капитализм создал ад, в котором люди не могут больше жить.

Финские рабочие доказали своей геройской борьбой, что им не надо чужих освободителей, что революция в Финляндии — их кровное дело, и когда приходилось нам говорить с русскими, борющимися в рядах финских красногвардейцев, то мы слышали только один упрек — они не умеют отступать. Все рассказы об ожесточенности, с которой ведется гражданская война в Финляндии, рассказы, которые европейская буржуазная печать сообщала читателям своим, как известия о русских зверствах в Финляндии, доказывают, сколько горя, сколько ненависти на-

копилось в сердцах финского пролетариата против своей отечественной буржуазии.

Русская революция освободила финский народ от национального гнета царизма. Рабочий класс Финляндии захватил власть в свои руки, дабы освободить трудящиеся массы Финляндии от ига собственной буржуазии. И рабочий класс Финляндии справился бы со своей задачей и в вооруженном бою и в организационной работе. Военное положение белогвардейцев ухудшалось с каждым днем. Что касается организационных задач, то на мой вопрос, как обстоит дело с саботажем чиновников в Финляндии, Ирье Сирола, народный комиссар иностранных дел Финляндии, ответил мне, смеясь: «У нас нет саботажа; мы просто не нуждаемся в старой бюрократии, мы ее упразднили, наши люди сами справятся с делом».

На эту победоносную революцию рабочего класса Финляндии наступает германский империализм, чтобы стереть ее с лица земли. Перед нашими глазами встают тени растерзанной Бельгии. На четвертом году войны германский империализм нападает на страну, не только не борющуюся против него, но даже не помышлявшую о каком-либо участии в войне. Но между Бельгией первых дней войны и Финляндией, которую хочет растоптать германский империализм, глубокая разница. Когда германский империализм топтал ногами своих солдат Бельгию, он мог хотя бы указать на необходимость этого шага со своей военной точки зрения. На длинной линии от Лонгви до Бельфора заграждает одна крепость за другой дорогу во Францию, и пока германским войскам удалось бы прорвать эту цепь, английские войска заняли бы совместно с французскими Бельгию, чтобы ударить в правый германский фланг. Со стороны русской республики не угрожает Германии никакой опасности.

Русская советская республика только создает основы своей военной силы, и германские империалисты знают великолепно, что рабочее правительство России ожидает после Иены 1918 г. своего Седана не от оружия, а от революции европейского пролетариата.

Германское правительство знает, что мы создаем армию только для защиты своего существования и своих свобод.

Но даже если германское правительство намерено подготовлять новое наступление на Россию, ему не нужна для этой цели Финляндия.

От Пскова и Нарвы оно может подвинуть в несколько часов свои эшелоны по направлению к Петрограду. Если германское правительство пытается занять Финляндию после того, как оно заняло все балтийское побережье России, после того, как оно захватило Аландские острова, то оно делает это в двух целях: оно хочет, во-первых, создать из Балтийского моря германское море, принудить Швецию войти безраздельно в сферу влияния Германии, дабы, таким образом, владычество Германии расширилось от Тигра и Эвфрата до Нордкапа. Чтобы немецкий волк мог в спокойствии пожирать награбленное добро народа, ему надо задавить всякую рабочую революцию, всякий очаг социализма.

И вот вторая цель нашествия немцев на Финляндию. Германский империализм хочет задушить финских рабочих, дабы немецкие рабочие не имели перед глазами своими образа рабочего класса Финляндии, который даже на каменистой почве бедной маленькой страны уничтожает нужду и эксплоатацию и создает общество равных, свободных людей, скинувших иго всякого рабства. И здесь тоже бросается в глаза разница между Бельгией 1914 г. и Финляндией 1918 г. В Бельгии во главе национального отпора стала буржуазия, она сумела потянуть за собой рабочий класс. В Финляндии буржуазия позвала на помощь против восставших рабочих полчища чужого поработителя, она продает свободу своей страны, дабы сохранить неприкосновенными свои барыши.

В марте 1848 г. перед восставшим немецким народом встала грозная опасность, что русский царизм задушит молодую свободу Германии. Через год русские казаки громили венгерскую революцию. Теперь, через 70 лет, всякий поднимающийся народ, рабочий класс всякой страны, идущий в бой со своими эксплоататорами, будет смотреть на Берлин как на цитадель европейской контрреволюции. И то чувство ненависти, в котором воспитывались поколения рабочих в Европе по отношению к царизму, охватывает их теперь, когда они думают о германском импе-

риализме; и к этому чувству прибавляется другое, чувство неслыханной горечи, при мысли о том, что там, в Германии, живет самый сильный рабочий класс мира и что он еще не смог посадить на цепь дикого зверя германского империализма, рвущего живое тело народов в куски.

11 апреля 1918 г.

КРАСНЫЙ ТЕРРОР ПРОТИВ БЕЛОГО

Господам представителям нейтральных держав

Нота, врученная нам 5 сентября[1] представителями нейтральных держав, представляет собой акт грубого вмешательства во внутренние дела России. Советское правительство могло бы оставить ее без всякого ответа. Но Советское правительство всегда с удовольствием пользовалось всяким случаем, дабы объяснить народным массам всех стран существо своей политики, ибо оно является представителем не только рабочего класса России, но и всего эксплоатируемого человечества. Народный комиссариат по иностранным делам дает этот ответ по существу затронутых нотой вопросов.

---

[1] НОТА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕЙТРАЛЬНЫХ ДЕРЖАВ.
В комиссариат Иностранных Дел.

Представители дипломатического корпуса в Петрограде, констатируя массовые аресты лиц различного возраста и пола, и расправы, производимые ежедневно солдатами Красной армии, попросили свидания с комиссаром Зиновьевым, принявшим их в понедельник, 3 сентября. Они заявили, что они не намеревались вмешиваться в борьбу политических партий, раздирающую Россию, и что, становясь лишь на гуманитарную точку зрения, они желали выразить от имени правительств, представителями которых они являются, глубокое возмущение против режима террора, установленного в Петрограде, Москве и других городах.

С единственной целью утолить ненависть против целого класса граждан, без мандатов какой бы то ни было власти многочисленные вооруженные люди проникают днем и ночью в частные дома, расхищают и грабят, арестуют и уводят в тюрьму сотни несчастных, абсолютно чуждых политической борьбе, единственным преступлением которых является принадлежность к буржуазному классу, уничтожение которого руководители коммунизма проповедывали в своих газетах и речах. Безутешным семействам нет возможности получить какую бы то ни было справку относительно места нахождения род-

Нейтральные державы пытаются дать картину положения угнетенной в России буржуазии, картину, которая должна вызвать глубокое сочувствие в груди буржуазии всего мира. Мы не намерены опровергать измышлений господ представителей нейтральных держав, которые повторяют в своей ноте всякую клевету, распространяемую против Красной армии русской буржуазией. Нам не нужно опровергать заявления о конкретных случаях злоупотреблений, ибо, во-первых, представители нейтральных держав не приводят вообще никаких конкретных данных и, во-вторых, во всякой войне,— а мы находимся в гражданской войне — возможны злоупотребления отдельных лиц. Но представители нейтральных держав протестуют не по поводу отдельных злоупотреблений неответственных лиц, а по поводу режима, проводимого рабоче-крестьянским правительством в его борьбе с классом эксплоататоров.

Перед тем, как мы объясним, почему рабоче-крестьянское правительство применяет красный террор, против которого во имя начал гуманности протестуют господа представители нейтральных держав и по поводу которого они угрожают нам негодованием всего цивилизованного мира, мы позволим себе задать им несколько вопросов.

Известно ли господам представителям нейтральных держав, что пятый год уже ведется международная война, в которую маленькие кучки банкиров, генералов и бюрократов бросили народные массы всего мира, дабы они заре-

---

ных. Отказывают в свидании с заключенными и в доставлении им необходимой пищи.

Подобные насильственные акты непонятны со стороны людей, провозглашающих стремление осчастливить человечество, вызывают негодование цивилизованного мира, осведомленного теперь о событиях в Петрограде.

Дипломатический корпус счел нужным выразить комиссару Зиновьеву чувство своего возмущения. Он протестовал и энергично протестует против произвольных актов, совершающихся ежедневно. Представители держав сохраняют за своими правительствами полное право требовать должного удовлетворения и привлечения к ответственности перед судом виновников произведенных или имеющих быть произведенными впредь насилий.

Дипломатический корпус просит, чтобы настоящая нота была доведена до сведения Советского правительства.

Петроград, 5 сентября 1918 г.

зывали друг друга, истребляли друг друга для того, чтобы капиталисты могли наживать миллиарды за их счет? Известно ли вам, что в этой войне убиты не только миллионы на фронте, но что обе воюющие стороны забрасывали бомбами открытые города, убивали безоружных женщин и детей? Известно ли вам, что в этой войне одна воюющая сторона приговорила к голодной смерти десятки миллионов людей, отрезывая их, вопреки буржуазному международному праву, от подвоза хлеба, что эта воюющая сторона надеется, что голодная смерть детей принудит другую сторону сдаться на милость победителя? Известно ли вам, что другая сторона берет в плен сотни тысяч беззащитных мирных вражеских граждан и посылает их на принудительные работы вдали от домашнего очага, отняв у них всякое право защиты? Известно ли вам, что во всех воюющих странах царствующая капиталистическая реакция отняла у народных масс свободу собраний, печати, свободу забастовок, что за всякую попытку протеста против этого белого террора буржуазии сажают рабочих в тюрьму, посылают их на фронт, дабы убить в них всякую мысль об их человеческих правах?

Все эти картины истребления рабочего класса во имя интересов капитала, все эти картины белого террора буржуазии против пролетариата великолепно известны правителям нейтральных капиталистических государств и их представителям в России. А все-таки они или забыли возвышенные идеалы «гуманности», или в данном случае забыли о них напомнить буржуазии воюющих стран, истекающих кровью народных масс. Так называемые нейтральные державы не смели ни одним словом протестовать против белого террора капитала, да они и не хотели протестовать, ибо буржуазия всех нейтральных держав помогала капиталу воюющих стран продолжать войну, наживая миллиарды на поставках для обоих воюющих империалистических лагерей.

Но мы позволим себе поставить вам еще второй вопрос. Слышали ли господа нейтральные представители что-нибудь о кровавой расправе над синфейнерами в Дублине, о расстреле без суда сотен ирландцев, со Скеффингтоном во главе? Слышали ли они о белом терроре в Финляндии, о десятках тысяч томящихся в тюрьмах рабочих,

их женах и детях, к которым никаких обвинений не было и не будет предъявлено? Слышали ли они о массовых расстрелах рабочих и крестьян на Украине, о массовых расстрелах рабочих доблестными чехо-словаками, этими наемными бандитами франко-английского капитала?

Правительства так называемых нейтральных держав слышали об этом, но им никогда не приходило в голову протестовать против этих бесчинств буржуазии, подавляющей рабочее движение, ибо и они сами в своих странах вынуждены в защиту интересов буржуазии подавлять всякие проявления возмущения рабочих. Достаточно вспомнить недавние подавления при помощи военной силы рабочих демонстраций в Дании, Норвегии, Голландии, Швейцарии и т. д. Еще не восстали рабочие Швейцарии, Голландии, Дании, но правительства этих стран мобилизуют против них военную силу по поводу малейшего протеста народных масс.

Если представители нейтральных держав грозят нам возмущением цивилизованного мира и протестуют против красного террора во имя начал гуманности, то мы обращаем их внимание на то, что они присланы сюда не для защиты начал гуманности, а для защиты интересов капиталистических государств, и мы им советуем не грозить нам возмущением цивилизованного мира, который с ног до головы залит кровью рабочих, а бояться гнева народных масс всего мира, которые поднимаются против «цивилизации», приведшей человечество к состоянию безвыходной бойни.

Во всем капиталистическом мире господствует режим белого террора против рабочего класса. Рабочий класс России уничтожил царскую власть, кровавый режим которой не вызывал никаких протестов нейтральных государств. Рабочий класс России уничтожил в России господство буржуазии, которая под флагом революции, при молчании нейтральных держав, расстреливала солдат, не желавших больше проливать кровь за интересы военных спекулянтов, расстреливала крестьян за то, что они провозгласили своей собственностью землю, которую пахали сотни лет и которую орошали своим потом.

Подавляющее большинство русского народа в лице второго съезда рабочих, крестьянских, солдатских и ка-

зачьих депутатов отдало власть в руки рабоче-крестьянского правительства. Кучка капиталистов, желавших получить обратно в свои руки фабрики и банки, отнятые у них в пользу всего народа, кучка помещиков, желающих отнять у крестьян их землю, кучка генералов, желающих снова палкой учить подчинению рабочих и крестьян, не признали этого решения русского народа. Они при помощи денег иностранного капитала мобилизуют контрреволюционные банды, при помощи которых отрезывают Россию от хлеба, дабы костлявая рука голода задушила русскую революцию. Они, убедившись в невозможности скинуть руками народных масс рабочее правительство, устраивают контрреволюционные восстания с целью оторвать рабоче-крестьянское правительство от положительной работы, помешать ему вывести страну из анархии, в которую втолкнула ее преступная политика прежних правительств. Они предали Россию империалистическим государствам, призывая чужие штыки отовсюду, откуда только их можно получить. Из-за леса иностранных штыков они посылают наемных убийц, дабы устранить вождей рабочего класса, в которых не только пролетариат России, но и все истерзанное человечество видит олицетворение своих надежд.

Эту контрреволюционную клику, пользующуюся поддержкой иностранного капитала и русской буржуазии, желающей набросить на шею русского народа петлю рабства и войны, русский трудовой народ беспощадно подавит. Мы заявляем перед лицом пролетариата всего мира, что никакие лицемерные протесты и просьбы не удержат руку, которая будет карать тех, кто поднимет оружие против рабочих и беднейших крестьян России, кто их хочет заморить голодом, кто их хочет погнать на новые войны, во имя интересов капитала. Мы обеспечиваем равные права и свободы всем тем, кто лойяльно несет все обязанности, лежащие на гражданах рабоче-крестьянской социалистической Российской республики. Им мы несем мир, врагам же нашим беспощадную войну. И мы уверены, что народные массы всех стран, угнетаемые и терроризуемые маленькими кучками эксплоататоров, поймут, что в России насилие употребляется только во имя святых

интересов освобождения народных масс, что они не только поймут нас, но пойдут нашим путем.

Мы отклоняем самым решительным образом вмешательство нейтральных капиталистических держав в пользу русской буржуазии и заявляем, что на всякую попытку представителей этих держав выйти за пределы защиты доверенных им интересов мы будем смотреть, как на попытку поддержки русской контрреволюции[1].

Москва, 12 сентября 1918 г.

---

[1] Этот, как и следующий, памфлет появился как официальная нота правительства, за подписью Народного Комиссара по иностранным делам.

НОТА ВИЛЬСОНУ

Господину Президенту Северо-Американских Соединенных Штатов Вудро Вильсону.

Господин президент.

В вашем послании к сенату Северо-Американских Соединенных Штатов от 18 января вы заявили о своем глубоком сочувствии к России, которая вела в то время переговоры с глазу на глаз с могучим германским империализмом. Вашей программой,— говорили вы,— является освобождение всей русской территории и такое разрешение всех затрагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле обеспечения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики, которое обеспечит ей радушный прием в обществе свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет, а также всяческую поддержку, в которой она может нуждаться, и которой она сама может пожелать. И вы еще добавили, что «отношение, которое будет проявлено к России другими великими народами в течение грядущих месяцев, явится тем пробным камнем, в котором будут испытаны их добрые чувства к ней, их понимание ее нужд, отличающихся от их собственных интересов, как и мудрость и бескорыстие их симпатий».

Отчаянная борьба, которую мы вели против германского империализма в Брест-Литовске, повидимому, только усилила ваши симпатии к Советской России, ибо на

Съезде Советов, ратифицировавший под угрозой германского наступления Брестский насильственный мир, вы послали привет Съезду и уверение, что Советская Россия может рассчитывать на помощь Америки.

С тех пор прошло шесть месяцев, и русский народ имел достаточно времени, чтобы испытать на деле добрые чувства к нему вашего правительства и ваших союзников, их понимание его нужд, их мудрость и бескорыстие их симпатий. Выразилось же это отношение вашего правительства и ваших союзников к нему прежде всего в том, что при денежной поддержке со стороны ваших французских союзников и при дипломатическом содействии также и вашего правительства организован был на русской территории заговор чехо-словаков, которым ваше правительство оказывает всякую помощь. В течение некоторого времени происходили попытки создать повод для войны между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Россией распространением небылиц о том, будто бы германские военнопленные захватили сибирскую железную дорогу, но ваши собственные офицеры, а после них начальник миссии вашего Красного Креста, полковник Робинс, могли убедиться в том, что все это сплошной вымысел. Чехо-словацкое восстание было организовано под лозунгом защиты этих несчастных, одурманенных людей от выдачи в руки Германии и Австрии, но вы можете узнать, между прочим, из открытого письма капитана Садуля, члена французской военной миссии, насколько это измышление лишено всякого действительного основания. Чехословаки не уехали из России еще в начале года лишь потому, что французское правительство не доставило для них кораблей. Несколько месяцев мы тщетно ждали, чтобы ваши союзники дали чехо-словакам возможность уехать. Но, очевидно, этим правительствам было гораздо более желательно присутствие чехо-словаков в России — для каких целей, показали последствия — чем поездка их во Францию для участия в войне на французской границе. Лучше всего доказывается характер чехо-словацкого восстания тем фактом, что, имея в своих руках сибирскую железную дорогу, чехо-словаки не воспользовались этим, чтобы уехать, но по приказанию руководивших ими правительств держав стран Согласия предпочли сделаться в

самой России оплотом русской контрреволюции. Их контрреволюционный мятеж, сделавший невозможным передвижение хлеба и нефти по Волге, отрезавший рабочих и крестьян России от хлебных и других запасов Сибири и обрекший их на голод,— вот что прежде всего испытали на деле рабочие и крестьяне России со стороны вашего правительства и ваших союзников, после данных вами в начале года обещаний.

А вслед за тем они испытали и другое: нападение на север России союзных войск, при участии также и американских, вторжение их в пределы России без всякого повода и без объявления войны, захват русских городов и деревень, расстрелы советских должностных лиц и всякие акты насилия над мирным русским населением.

Вами было дано обещание, господин президент, оказать содействие России, с целью получения ею полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики, на деле же это содействие выразилось в том, что войска чехо-словаков, а вслед за тем и ваши собственные, и войска ваших союзников, в Архангельске, Мурманске и на Дальнем Востоке, пытались навязать насильственно русскому народу власть тех угнетателей, тех эксплоататорских классов, господство которых рабочие и крестьяне России свергли еще в октябре прошлого года. Оживление русской контрреволюции, которая сама превратилась уже в труп, попытки восстановить путем насилия ее кровавое господство над русским народом,— вот что последний испытал вместо содействия беспрепятственному выражению его воли, которое было обещано ему, господин президент, в ваших заявлениях.

Точно так же вами было обещано русскому народу, господин президент, оказать ему помощь в его борьбе за свою независимость.

На самом же деле произошло то, что в то время, когда на южном фронте русский народ вел борьбу против продавшейся германскому империализму и угрожавшей его независимости контрреволюции, когда на своей западной границе русский народ напрягал свои силы для организации защиты своей территории, он принужден был бросить свои войска на восток против приносивших ему по-

рабощение и угнетение чехо-словаков и на север противвторгшихся в его пределы войск ваших союзников и ваших собственных и организуемой этими войсками контрреволюции.

Пробный камень отношений между Северо-Американскими Соединенными Штатами и Россией дал не совсем такие результаты, каких можно было ожидать после вашего послания к конгрессу, господин президент. Но мы имеем основание быть не совсем недовольными и этими результатами, ибо бесчинства контрреволюции на востоке и на севере показали рабочим и крестьянам России, к чему стремится русская контрреволюция и ее заграничные помощники, и через это в русском трудовом народе создана была железная воля к защите свободы и завоеваний революции, к защите отданной ею крестьянину земли и отданных ею рабочим фабрик. После падения Казани, Симбирска, Сызрани, Самары и для вас, господин президент, должно быть ясно, какие последствия имело для вас то, во что претворились на деле данные вами 18 января обещания. То, что мы испытали, помогло нам создать крепко спаянную, дисциплинированную Красную армию, которая с каждым днем растет в своей силе и в своем могуществе и учится защищать революцию.

То отношение к нам, которое было на деле проявлено вашим правительством и вашими союзниками, не могло погубить нас; наоборот, мы теперь сильнее, чем были несколько месяцев тому назад, и предлагаемые вами теперь международные переговоры о всеобщем мире находят нас живыми и сильными и позволяют нам от имени России выразить свое согласие принять в них участие. Как предпосылку для перемирия, во время которого должны начаться мирные переговоры, вы поставили в своей ноте к Германии требование очищения оккупированных областей. Мы готовы, господин президент, заключить на этих условиях перемирие и просим известить нас о том, когда вы, господин президент, и ваши союзники намерены удалить ваши войска из Мурманска, из Архангельска и из Сибири. Вы не согласны допустить перемирие, господин президент, если Германия при очищении занятых ею областей не откажется от бесчинств, грабежей и т. д. Мы из этого осмеливаемся сделать тот вывод, что вы и ваши

союзники прикажете чехо-словакам отдать награбленную ими в Казани часть нашего золотого запаса и что вы запретите им при их вынужденном уходе (ибо мы будем способствовать их скорейшему уходу, не ожидая вашего приказа) продолжать далее их грабительские действия и совершать над рабочими и крестьянами те же насилия, как и до сих пор.

Что касается дальнейших ваших условий мира, состоящих в том, что правительства, заключающие мир, должны быть выразителями воли народных масс, то, как вам известно, наше правительство вполне этому требованию отвечает. Наше правительство выражает волю Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов, представляющих собой по меньшей мере 80 процентов русского народа, чего нельзя, господин президент, сказать о вашем правительстве. Но мы во имя гуманности и мира не ставим условием общих мирных переговоров, чтобы непременно все участвующие в них народы были представлены Советами Народных Комиссаров, выбираемых на съездах Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Мы знаем, что эта форма управления народов будет вскоре общей формой, и что именно всеобщий мир, который избавит народы от угрозы разгрома, развяжет им руки, чтобы расправиться с тем строем и с теми кликами, которые бросили человечество в мировую бойню и вопреки собственной воле несомненно приведут истерзанные народы к созданию советских правительств, точно выражающих их волю.

Соглашаясь на участие в переговорах в настоящее время даже с такими правительствами, которые не выражают еще волю народа, мы со своей стороны хотели бы подробно узнать от вас, господин президент, как вы представляете себе Союз Народов, который, по вашей мысли, должен увенчать дело мира. Вы требуете независимости Польши, Сербии, Бельгии, свободы для народов Австро-Венгрии. По всей вероятности, вы этим хотите сказать, что сначала народные массы должны повсюду взять сами в свои руки решение своих собственных судеб, чтобы потом соединиться в свободном Союзе Народов. Но странным образом мы не замечаем в ваших требованиях ни освобождения Ирландии, Египта, Индии, ни даже освобож-

дения Финляндии, а мы очень желали бы, чтобы эти народы имели возможность совместно с нами, через своих свободно выбранных представителей, принимать участие в устройстве Союза Народов.

Мы очень хотели бы также, господин президент, перед началом переговоров о создании Союза Народов узнать, как вы представляете себе разрешение многих вопросов экономического характера, имеющих существенное значение для дела будущего мира. Вы не упоминаете о военных издержках, об этом непосильном бремени, которое легло бы на плечи народных масс, если бы Союз Народов не отказался от уплаты по займам капиталистам всех стран. Вы знаете не хуже нас, господин президент, что эта война есть результат политики всех капиталистических государств, что вооружались правительства всех стран, что в политике захватов участвовали все правящие классы группы цивилизованных народов, и что поэтому было бы крайне несправедливо, если бы народные массы, уплатившие за эту политику кровью миллионов, расплатившиеся за нее политическим разорением, еще выплачивали действительным виновникам войны дань за их политику, приведшую ко всем этим неисчислимым бедствиям. Мы предлагаем поэтому, господин президент, чтобы Союз Народов положил в свою основу отказ от уплаты военных займов. Что же касается восстановления опустошенных войною стран, то мы находим вполне справедливым, чтобы все народы помогли в этом отношении несчастной Бельгии, Польше, Сербии, и, какой бы убогой и разоренной ни казалась Россия, она готова со своей стороны, чем только может, помочь этим жертвам войны, и она ожидает, что американский капитал, нисколько не пострадавший от этой войны, но имевший от нее даже многомиллионную прибыль, со своей стороны посильно поможет этим народам.

Но Союз Народов должен не только ликвидировать теперешнюю войну, но и сделать невозможными всякие войны в будущем. Вам не может быть безызвестным, господин президент, что капиталисты вашей страны думают о том, чтобы в будущем применять ту же политику захватов и добывания сверхприбыли в Китае и Сибири, и что, опасаясь конкуренции со стороны японских капиталистов, они приготовляют военную силу для преодолевания противо-

действия, которое может оказать им Япония. Вам несомненно известно о подобных же планах капиталистических правящих кругов других стран по отношению к другим территориям и другим народам. Зная это, вы должны будете согласиться с нами, что нельзя оставить фабрик, рудников, банков в руках частных лиц, которые всегда употребляют созданные народными массами громадные средства производства для того, чтобы вывозить продукты и капитал в чужие страны и за навязанные последним блага взимать с них сверхприбыль, вызывая своей борьбой из-за добычи империалистические войны.

Мы предлагаем поэтому, господин президент, чтобы в основу Союза Народов положена была экспроприация капиталистов всех стран. В вашей стране, господин президент, банки и промышленность находятся в руках такой незначительной группы капиталистов, что, по уверению вашего личного друга — полковника Робинса,— достаточно будет арестовать главарей капиталистических клик и передать в руки народных масс то, что путем свойственных капиталистическому миру методов они сосредоточили в своих руках, чтобы этим был уничтожен главный источник новых войн. Если вы на это согласитесь, господин президент, если будет, таким образом, покончено с источниками войн на будущее время, то не подлежит сомнению, что легко будет низвергнуть всякие экономические перегородки и что все народы, имея в своих руках свои средства производства, будут кровно заинтересованы в том, чтобы менять между собой то, что им не нужно, на то, что им нужно. Дело будет итти в таком случае об обмене продуктами между нациями, из которых каждая будет производить то, что производить она лучше умеет, и Союз Народов будет союзом взаимной помощи трудящихся масс. Легко будет тогда уменьшить вооруженные силы до пределов, необходимых для поддержания внутренней безопасности. Мы знаем очень хорошо, что корыстный класс капиталистов будет пытаться создавать эту внутреннюю опасность, точно так же, как в настоящее время русские помещики, русские капиталисты, при помощи американской, английской и французской вооруженной силы пытаются отнять у рабочих фабрики и земли у крестьян. Но, если американские рабочие, воспламененные вашей

идеей Союза Народов, сломят сопротивление американских капиталистов, как мы сломали сопротивление русских капиталистов, то в таком случае ни германские, ни какие-либо другие капиталисты не будут представлять достаточно серьезной опасности для победоносного рабочего класса, и тогда довольно будет, если всякий член общества, работающий шесть часов на фабрике, в продолжение нескольких месяцев будет учиться по два часа в день употреблять оружие, и весь народ будет знать, как справиться с внутренней опасностью.

Итак, господин президент, хотя мы испытали на деле, что значат ваши обещания, мы тем не менее стали все-таки на почву ваших предложений, чтобы из них не могли получиться результаты, столь же противоречащие вашим обещаниям, как это случилось с вашей помощью России. Мы пытались ваши предложения о Союзе Народов так точно сформулировать, чтобы из Союза Народов не получился союз капиталистов против народа. Если вы не согласны с нами в деталях, господин президент, то мы не имеем ничего против «открытого обсуждения ваших мирных условий», как этого требует первый пункт вашей мирной программы. О деталях мы легко сговоримся, если вы станете на почву наших предложений.

Но возможно и нечто другое. Мы имели дело с президентом архангельского набега и сибирского вторжения, мы имели дело также с президентом мирной программы Союза Народов. Не является ли действительным президентом, на деле руководившим политикой капиталистического американского правительства, именно первый из них? Не есть ли американское правительство, правительство американских акционерных компаний, промышленных, торговых, железнодорожных, американских трестов, американских банков — правительство, одним словом, американских капиталистов?

Не могут ли исходящие от этого правительства предложения о соединении Союза Народов привести к тому, чтобы надеть на народы еще новые цепи, чтобы организовать международный трест для эксплоатации рабочих и для подавления слабых народов?

А в таком случае вы не будете в состоянии, господин президент, ответить нам на наши вопросы, и мы скажем

рабочим всех стран: «Берегитесь, еще погибают на войне миллионы ваших братьев, которых бросала друг на друга буржуазия всех стран, а уже главари капитала пытаются сговориться между собой, чтобы оставшихся живыми подавить совместными силами, когда от виновников войны они потребуют отчета».

Однако, господин президент, так как мы отнюдь не желаем воевать с Америкой даже тогда, когда ваше правительство в ней еще не сменено Советом Народных Комиссаров и вашего места еще не занял Евгений Дебс, которого вы теперь держите в тюрьме, так как мы отнюдь не желаем воевать с Англией даже тогда, когда кабинета господина Ллойд-Джорджа еще не заменил Совет Народных Комиссаров с Маклином во главе, так как мы отнюдь не желаем воевать с Францией даже тогда, когда капиталистическое правительство Клемансо еще не заменено в ней рабочим правительством Мергейма, точно так же как мы заключили мир с империалистическим правительством Германии, с императором Вильгельмом во главе, к которому вы, господин президент, относитесь не лучше, чем мы, рабоче-крестьянское и революционное правительство, относимся к вам,— то мы предлагаем вам, в конце концов, господин президент, рассмотреть совместно с вашими союзниками нижеследующие вопросы и дать на них точные, вполне деловые ответы: намерены ли правительства ваши — Америки, Англии и Франции — перестать требовать крови русского народа и жизней русских граждан, если русский народ согласится уплатить им за это и откупиться от них так, как человек, подвергшийся внезапному нападению, откупается от того, кто на него напал?

А в таком случае, какой именно дани требуют от русского народа правительства Америки, Англии и Франции? Требуют ли они концессий, передачи им на определенных условиях железных дорог, рудников, золотых приисков и т. д. или территориальных уступок — какой-либо части Сибири, или Кавказа, или же Мурманского побережья? Мы ожидаем от вас, господин президент, что вы определенно заявите, какие именно требования предъявляете вы и ваши союзники, а также имеет ли союз между вашим правительством и правительствами других держав Согласия

характер такого объединения, которое можно было бы сравнить с акционерным обществом для получения дивиденда с России, или же ваше правительство и другие правительства держав Согласия предъявляют нам каждое в отдельности особые требования и какие именно. Нас, в частности, интересовало бы узнать, что требуют ваши французские союзники по вопросу о тех миллиардах рублей, которыми парижские банкиры ссужали угнетателя России, врага собственного народа, преступное русское правительство, причем как вы, господин президент, так и ваши французские союзники не могут не знать, что истощенный войной и еще не успевший использовать благодеяния народной советской власти и поднять свое хозяйство русский народ не в состоянии будет уплачивать банкирам Франции полностью за истраченные во зло народу царским правительством миллиарды даже в том случае, если бы вам и вашим союзникам удалось всю территорию России поработить и залить кровью, чего не допустит наша геройская революционная Красная армия. Выставляют ли ваши французские союзники требование уплаты им части этой дани в рассрочку и, в этом случае, какой именно, и предвидят ли они, что их претензии поведут к предъявлению таких же претензий со стороны других кредиторов свергнутого русским народом позорного царского правительства? Мы не можем допустить мысли о том, что у вашего правительства, у ваших союзников не будет на это уже готового ответа в то время, когда ваши и их войска пытаются продвигаться вперед по нашей территории, с очевидной целью захвата и порабощения нашего государства. Русский народ, в лице Красной армии, стоит на страже своей территории и доблестно борется против вашего вторжения и нападения ваших союзников. Но у вашего правительства и у правительств других держав Согласия должны быть несомненно готовые выработанные планы, ради которых вы проливаете кровь ваших солдат. Мы ожидаем, что вы с полной ясностью и определенностью изложите нам ваши требования. Если же наше ожидание нас обманет, если вы не дадите нам никакого ответа на наши вполне определенные и точные вопросы, мы сделаем из этого тот вполне несомненный вывод, что мы не ошибаемся, что ваше правительство и правительство ваших союзников желают получить

с русского народа и денежную дань, и дань естественными богатствами России, и земельные приращения.

Мы скажем это и русскому народу и трудящимся массам других стран, и отсутствие ответа с вашей стороны будет для нас безмолвным ответом. Русский народ поймет, что требования вашего правительства, ваших союзников настолько тяжелы и значительны, что вы даже не желаете сообщить их русскому правительству.

25 октября 1918 г.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ ПОЕЗДКА МИСТЕРА БЕРТРАНА РЕССЕЛЯ В РОССИЮ

Многие из наших гостей изложили в статьях и книгах свои впечатления о поездке в дикую страну Московию. Как и надо было ожидать, левые английские делегаты высказываются с глубоким сочувствием о нашей борьбе и работе, правые же помогают своими докладами международной контрреволюции в ее борьбе с Советской Россией. Мы ничего другого и не ожидали.

Когда господин Том Шоу, известный английский оппортунист, с миной невинного ребенка спрашивал представителей советской власти, как же они могут предполагать, что такой высокородный человек, как right honourable Wiuston Leonard Spencer Churchill, внук седьмого герцога Мальборо, сын лорда Рандольфа Черчилля, может врать, то ясно было для каждого, что и обыкновенно рожденный холоп английской буржуазии, господин Шоу, будет врать против Советской России столько, сколько этого потребует английская буржуазия. И мы нисколько не удивились, когда господин Том Шоу выступил на съезде II Интернационала с громовой речью против советской власти, которая, мол, притесняет рабочих.

Если секретарь делегации, господин доктор Гест, публикует в самом желтом международном органе, в «Таймсе» ряд «разоблачений», направленных против Советской России, то доктор Гест подтверждает перед лицом английского пролетариата только то, о чем мы были предупреждены, когда разрешили въезд доктора Геста в Россию, а именно, что доктор Гест едет в Россию, как информатор английского правительства. Для того, чтобы заполучить в Россию честных рабочих представителей, мы должны бы-

ли допустить и обыкновенных шпионов, которые теперь имеют бесстыдство разоблачать самих себя, как таковые. Их разоблачения Советской России совсем не опасны, ибо всякий честный английский рабочий, который ежедневно читает, как «Таймс» и вся печать лорда Нордклифа борется против английского пролетариата, знает цену разоблачений доктора Геста: они стоят столько, сколько сот фунтов стерлингов господин Гест получил за свое вранье. Достаточно сравнить статьи доктора Геста со статьями открытого английского шпиона, Поля Дюка, помещенными в том же самом «честном» органе, и всякий английский рабочий увидит, как однотонны доклады шпиков.

Если мадам Этель Сноуден, когда-то красивая пацифистка и представительница движения английских работниц, думала, что она нас очарует своими очаровательными движениями, то само собою понятно, что мы ни на один момент не предполагали, что сия буржуазная гусыня в состоянии понять революцию русского пролетариата. Как люди «галантные», мы делали вид, что верим в искренность ее восторга, когда она, смотря на военный парад у театра, говорила нам, что такой милитаризм защиты рабочего государства она вполне признает. Но, как это уже сказал в своей статейке в заграничном бюллетене Коммунистического Интернационала т. Гильбо, мы знали, что суровая революция пролетариата — это дело не для деликатных нервов мадам Сноуден, что, вернувшись в Англию, она заплачет на груди мистера Филиппа Сноудена, который ей скажет: «Зачем ты ехала в эту варварскую страну, разве я тебе не говорил, что это не страна для прогулок английских дам. Лучше поезжай на отдых в Бельгию или в северную Францию смотреть на разрушения войны!»

О статьях, книгах, речах этих Шоу, Гестов, Сноуденов не стоит писать, но стоит задержаться на двух статьях, напечатанных Бертраном Рёсселем в руководящем еженедельнике английских либералов, в «Нейшен». Бертран Рессель — выдающийся философ, математик и честнейший человек. Он за свой пацифизм страдал в английской тюрьме и поэтому то, что он пишет, не преследует никаких корыстных целей. Его статья ценна тем, что показывает всю узость даже самых лучших представителей бур-

жуазии, всю неспособность их справиться с вопросами, которые история поставила перед человечеством.

Господин Рессель, описывая Советскую Россию, признает, что правительство не ставило никаких препятствий ему и его товарищам для объективного изучения положения в России. Что же он видел в России? О коммунистах он выражается очень хорошо; он говорит, что они не щадят себя так же, как не щадят других, что они работают по 16 часов в день и забывают даже о праздниках, что они, несмотря на свою власть, живут скромно, не преследуют никаких личных целей, а только борются за создание новой жизни. И он приходит к убеждению, что русские коммунисты очень напоминают *английских пуритан* времен Кромвеля. Но «жизнь в современной России, как и в пуританской Англии, многим противоречит инстинкту человеческому. Если большевики падут, то это случится по тем же самым причинам, по которым пал английский пуританизм, потому что они дойдут до момента, в котором люди почувствуют, что *радость жизни более ценна, чем все то, что дает пуританство*». Господин Рессель наверное «альтруист»: он это доказал своей жизнью. Но господин Рессель не отказался от своей удобной квартиры, тихого кабинета ученого человека, не отказался от поездки в субботу на дачу, от театра и всего другого, что дает человеку, имеющему сотни фунтов стерлингов ежемесячно, даже гибнущий капиталистический мир.

И поэтому нет ничего удивительного, если он думает, что революция, в которой роскошью является телефон, кусок белого хлеба, коробка конденсированного молока или — о, ужас! — автомобиль, — не хороша, что такую революцию господин Бертран Рессель может выдержать только две недели, и то при условии жизни в «Деловом Дворе» и предоставлении ему всех других удобств. Поэтому господин Бертран Рессель не спрашивает себя, какую «радость жизни» предоставили бы русским рабочим Колчак, Деникин, Юденич и Врангель, если бы они победили при помощи английского империализма!

Господин Рессель считает коммунистов молодой, полной жизненных сил аристократией новой России. И он говорит, что во многом Советская Россия напоминает ему платоновское государство. Так как имя Платона до этого

времени не считалось ругательным именем, то остается благодарить Рассела и за это. Но то, что кроется конкретно за мнением Рассела о положении в России, он выражает следующими словами: «Когда русский коммунист говорит о диктатуре, то он употребляет это слово в буквальном смысле, но когда он говорит о пролетариате, то он употребляет это слово в пиквикском смысле. Он думает о классово-сознательной части пролетариата. т. е. о коммунистической партии. Он включает в это понятие людей, не имеющих ничего общего с пролетариатом по своему происхождению, как Ленин и Чичерин, но имеющих правильные взгляды. Он исключает настоящих рабочих, которые не придерживаются этих взглядов и которых он называет лакеями буржуазии». Какой ужас видел в Советской России Бертран Рассель! Но для того, чтобы ему помочь понять то, что он видел, мы ему припомним знакомые ему английские отношения. Он сам, господин Рассель, происходит из высоко аристократической семьи, он принадлежит к классу буржуазии. Но, когда он во время мировой войны, будучи пацифистом, не действовал так, как этого требовали интересы английской буржуазии, то (смотрика!) английская буржуазия, признав его взгляды неправильными, рассматривала его не как члена своего класса, а как врага, и посадила его в тюрьму. В то же самое время она обыкновенного рабочего, господина Гендерсона, который защищал ее интересы, сделала министром. Или, вспомним пример более яркий. Одним из вождей чартистского движения в Англии являлся Эрнст Джонс, происходивший из аристократической семьи. Его крестным отцом был ганноверский король, который заботился о его воспитании. Джонс вырос при английском дворе, но когда он в 1846 г. принял участие в революционном движении английских рабочих, он был брошен в тюрьму, где пробыл два года в таких условиях, от которых его товарищи по страданиям погибли. И вот, оказывается, эта-то неслыханная вещь, которую господин Рассель видел в России, а именно, что пролетарским борцом считается только тот, кто борется за интересы пролетариата,— эта непонятная для Рассела вещь характерна для всех борющихся классов: они считают своим только того, кто борется за их интересы, а не того, кто случайно происходит из их среды.

Господин Рессель заявляет, что он противник коммунизма по тем же самым причинам, по которым он пацифист. Гражданская война, как всякая война, приносит неслыханные бедствия, а польза ее очень проблематична. В борьбе погибает цивилизация — мы видим, как высоко ценит господин Рессель цивилизацию, которая породила четырехлетнюю империалистическую войну! Для того, чтобы победить, надо создать сильную власть, а всякая сильная власть приводит к злоупотреблениям. Господин Рессель имеет перед собою два стремления к созданию сильной власти: он имеет перед собой английское капиталистическое правительство и союзные с ним правительства, которые бросили мир в международную бойню, которые теперь, по окончании этой войны, разрушают его дальше. Господин Рессель не любит Ллойд-Джорджа, еще менее любит он Черчилля. И он имеет перед собой власть Советской России, которая напрягает все силы, чтобы вывести народные массы из бедствий, созданных капитализмом. Он имеет перед собой власть, которая прилагает героические усилия, чтобы воссоздать основы человеческой жизни. Но, чтобы бороться против всего капиталистического мира, эта власть не может ограничиться ведением партизанской войны. Ей приходится создавать Красную армию, громадный продовольственный аппарат, централизовать все усилия экономической жизни. Но господин Рессель говорит: и это не хорошо, это создаст привилегии, комиссары,— как бы они скромны ни были,— имеют автомобиль, телефон, ходят в театр: разве это есть равенство, разве это есть свобода?

Но что же делать господину Рессель между этими двумя злыми правительствами, концентрирующими власть? Он, вернувшись из своей сентиментальной поездки, выкупавшись и вымывшись, садится у камина,— как хороши камины в Англии! Ему, хотя он и не комиссар, наверное, не приходится страдать от отсутствия дров, в то время как бедняки в восточном районе Лондона мерзнут. И вот, господин Рессель надевает туфли, халат и почитывает в газетах о том, как за его отсутствие продолжалась агония Европы. Об этом пишет открыто даже мистер Гибс в «Дейли Хроникль», органе Ллойд-Джорджа. И в груди господина Рессель накопляется чувство неудовольствия, ибо какое удовольствие может испытывать умный, хороший,

богатый человек, когда видит, что другие страдают. И господин Рессель заявляет в «Нейшен»: «Если я не могу проповедывать мировую революцию, то я не могу освободиться от убеждения, что правительства руководящих капиталистических стран делают все, чтобы привести к ней». Как плохи капиталистические правительства и как хорош господин Бертран Рессель! Он, вероятно, доведет еще до того, что его снова когда-нибудь запрут в тюрьму, и нам приходится только выражать надежду, что, благодаря хорошим семейным связям, его участь не будет чересчур строгой. Мы желаем ему всего хорошего,— ибо какой толк и какая цена его бессмысленным жертвам?

Во время своего пребывания в Москве Бертран Рессель заявил, что он охотнее пойдет в тюрьму, чем откажется от шутки. Мы думаем, что его философия, его пацифизм и его социализм, это все представляет собою форму, в которой чуткий сын английской аристократии шутит над грубыми формами ее политики, над грубыми формами ее грабежа. Вот устроили бы они это все «получше», «потоньше», чтобы господин Рессель, когда пользуется привилегиями своего положения,не чувствовал угрызений совести, ибо как неприятны все же эти угрызения!

Как выглядит капиталистический мир, если перед лицом грандиознейшей катастрофы целой исторической эпохи он не может изобрести философии покрупнее, чем философия господина Ресселя, напоминающая басню Эзопа о совершенно нефилософском существе, об осле, которому в одно корыто насыпали овса, а в другое положили сена, и он помер, философствуя над тем, что лучше. Мы извиняемся перед господином Ресселем за сравнение со столь нефилософским существом, но извиняемся также и перед серым тружеником за сравнение со столь паразитическим созданием, каким является мелкобуржуазный «философ».

24 октября 1920 г.

СКОВАННЫЙ ГИГАНТ

Английское правительство предало гласности *протокол свидания делегации английских трэд-юнионов*, которая 21 сентября явилась в министерство иностранных дел к Ллойд-Джорджу для того, чтобы известить его об отношении рабочего класса к опасности войны на Ближнем Востоке. Документ этот, равно как и история его появления, является замечательным материалом для характеристики английского рабочего движения и политики господствующих классов Англии.

Делегация состояла не только из таких предателей рабочего класса, как член парламента Томас, но и из целого ряда трэд-юнионистов, которые, как Роберт Смайли, Бен Тилет, Тернер и Бонфильд, принадлежат не к самым худшим элементам английского рабочего движения. Бен Тилет заявил Ллойд-Джорджу, *что рабочие против войны и что они требуют организации борьбы против опасности войны*. Он заявил Ллойд-Джорджу, что рабочий класс будет бороться против войны *всеми средствами*. Мисс Бонфильд от имени работниц заявила, что рабочий класс, несмотря на всю разницу мнений по другим вопросам, в этом вопросе абсолютно одного и того же мнения, и что разница состоит только в том, что работницы еще более энергично будут бороться против войны. После них говорил Томас. Он заявил, что уже в феврале 1918 г. рабочий класс Англии высказался за нейтрализацию проливов и свободу пользования ими всеми под контролем Лиги Наций. Ллойд-Джордж спокойно выслушал все эти заявления и ответил, что он *абсолютно согласен с политикой лейбористской партии*, что он тоже за нейтрализацию проливов

и тоже за свободу проливов под контролем Лиги Наций. Он добавил, что он не в состоянии провести всю программу лейбористской партии. Ведь эта партия требовала в 1918 г. не более, не менее как освобождения Армении, Месопотамии и Аравии от тирании султана и передачи этих стран, если бы они сами не могли собою управлять, под контроль Лиги Наций, но что, к сожалению, этого нельзя провести, ибо Америка не приняла мандата в Армении, французы убрали свои войска из Киликии, итальянцы — из Адалии, и Англия не была в состоянии одна проводить политику освобождения порабощенных Турцией народов. Но *что касается проливов, то он, Ллойд-Джордж, как раз и борется за программу лейбористской партии.*

Английские трэд-юнионисты хлопали ушами, не знали, что ответить. Наконец, они обратили внимание Ллойд-Джорджа на то, что ведь он — не Лига Наций, а он посылает английские военные корабли в проливы. «Что же делать,— ответил Ллойд-Джордж,— Лига Наций еще слаба, она сама справиться не может, *кто-то должен для нее оккупировать проливы*, если она должна ими владеть». Делегаты профессиональных союзов сидели, разинув рот, и спросили, наконец, как же он представляет себе свободу проливов. На это Ллойд-Джордж ответил: «Свобода проливов состоит в том, чтобы они, как все другие международные морские пути, были открыты для кораблей всех наций, чтобы они могли свободно входить и выходить из Черного моря, и чтобы существовала гарантия более крепкая, чем одни слова и обещания Турции. Контроль Лиги Наций должен обеспечить свободу проливов». Бен Тилет даже не спросил, почему Ллойд-Джордж не отдает *Гибралтар и Суэцкий канал* под контроль Лиги Наций, он только запросил, построит ли Лига Наций укрепления на побережье проливов. «Это она сама установит,— ответил ему Ллойд-Джордж,— если она сама будет считать нужным укрепить берега проливов, то она это и сделает. Не наше дело это решать». Тогда Бен Тилет спросил еще, будут ли иметь Россия, Турция и Румыния *некоторое влияние* (some voice) на решение этого вопроса? На это Ллойд-Джордж ответил, что он очень поддерживает румын, но что касается русских, то это дело международной конференции Лиги Наций. Тернер и Бен Тилет спросили

тогда Ллойд-Джорджа, будет ли он поддерживать Россию, но их перебил вождь консерваторов Чемберлен, присутствовавший при разговоре, заявляя, что нельзя задавать такие вопросы правительству в момент, когда ведутся переговоры. Нельзя-де теперь решать деталей. Ллойд-Джордж, считаясь с симпатиями рабочего класса к Советской России, заявил с милейшим видом, что если кто и известен своим мирным отношением к России, так это именно он.

После этого разговора, когда на очередь стал вопрос, печатать или не печатать протокол этого свидания, Ллойд-Джордж спросил представителей трэд-юнионов: «Вы хотите мира. А что вы думаете, усилит ли это или ослабит стремление Кемаль-паши выгнать нас из проливов, если он узнает, что вы, представители рабочего класса, угрожаете английскому правительству самой решительной борьбой против войны? Ведь, он тогда будет переть со всей силой». Тогда трэд-юнионисты покорно опустили головы и *согласились не печатать протокола.* Протокол появляется теперь в печати только потому, что лейбористская партия требует отставки Ллойд-Джорджа, и он печатает протокол, чтобы доказать, что представители трэд-юнионов согласились 21 сентября с его политикой военных угроз.

Если бы Бен Тилет, Тернер и Бонфильд были политиканами, проходимцами, как Томас, то это была бы комедия, в которой трэд-юнионисты сознательно играли роль дураков, но они *субъективно честные люди, они субъективно враги империалистической войны.* Здесь доподлинная трагедия.

Представители самого сильного рабочего класса в мире, представители пролетариата страны, в которой рабочие фабрик и деревень представляют громадное большинство населения, представители класса, потенциальная сила которого так велика, что капиталистическая олигархия, господствующая в этой стране, принуждена с ним считаться, принуждена играть комедию либерализма и пацифизма, эти представители приходят к главе правительства, которое руководило империалистической войной четыре года, которое гнало английских рабочих во Фландрию и Месопотамию, которое уложило на скалах Галлиполи десятки

тысяч их братьев и сыновей,— они приходят к нему заявить ему о том, что рабочий класс против войны, что он хочет бороться против войны. Тогда представитель империалистической олигархии вынимает из кармана бумажку, читает их собственную военную программу, списанную с военных программ буржуазии, и, издеваясь над ними, высмеивая их, *начинает связывать им руки и ноги паутиной их собственных понятий, взятых на прокат у буржуазии.* «Вы за свободу Армении, Месопотамии, Аравии, проливов и, вообще, за свободу? Для того вы и англичане, чтобы быть за «либерти». Но вот мы ничего больше и не делаем, как заботимся о свободе. Хотел я помочь всяким христианским народам в Турции, которые так же, как и вы, ходят по воскресеньям в церковь — не вышло. Осталась только эта бедная свобода проливов. Разве мы чего-нибудь для себя хотим! Ведь, мы эти проливы отдаем Лиге Наций, пусть она делает, что хочет и что надо; но у нее нет еще кораблей и солдат, а кто-то должен эту свободу завоевать. Я — Ллойд-Джордж — могу это завоевать военными угрозами. Если вы мне в этом помешаете, Кемаль-паша обнаглеет, и придется воевать с оружием в руках. Поэтому, не мешайте! Если вы не помешаете, то я не только спасу свободу проливов, но я охраню Константинополь и Европу от кровопролития, которое происходит в Смирне. Вы — за Советскую Россию,— но разве у России есть лучший друг, чем Англия и я — Ллойд-Джордж?» Представитель английского империализма, человек, который с железной энергией во время войны боролся за победу английского капитализма, говорит с рабочими, как хороший учитель, при помощи индуктивного метода, исходя из знакомых им звуков, приводит школьников к тому, что хочет, и после этого говорит: «Ну, не шалите, дети». И рабочие, которые десятки лет работали на заводах, которые видели класс, представляемый Ллойд-Джорджем, на работе, представители рабочего класса, которые пережили только-что четыре года войны, которые слышали все обещания, что когда они вернутся домой, то дом этот будет достоин вернувшихся с поля брани героев, и которых загнали на каторгу капиталистического труда, представители этого рабочего класса, выслушав сказку Ллойд-Джорджа, пошли домой и согласились не мешать ему.

Английская буржуазия сковывает рабочий класс *не только цепями экономического рабства, не только своим военным аппаратом, но в тысячу раз больше своей идеологией, которую она сумела ему внушать на протяжении веков. Она сковывает его изнутри.* В Англии господствует так называемая «демократия». Всякий может печатать, что хочет, но буржуазия имеет *громаднейшую печать*, а рабочий класс — *одну жалкую ежедневную газету* и несколько еженедельных журналов, которых он не читает и не принимает всерьез.

Когда умер лорд Нордклиф, король английской печати, ему посвящено было очень много некрологов, но больше всего в мою память врезалась фраза одного из бывших его сотрудников, который очень метко определил источник силы лорда Нордклифа. Нордклиф появился в момент, когда после ряда законов, демократизирующих избирательное право, широчайшие массы народа были втянуты в политику. Все думали, что спрос на дешевую печать, вызванный этой «демократизацией» английской политической жизни, вызовет потребность в печати, которая более популярно будет говорить обо всех насущных проблемах Англии. Но лорд Нордклиф понял, что масса, втянутая демократизацией Англии в общественную жизнь, имеет мелкие интересы, интересы обихода, и поэтому он приспособил свой «Дэйли-Мэйль» и другие подобные газеты к обслуживанию этих интересов и этих инстинктов. Он посвятил громадную часть своей газеты спорту, велосипедам, автомобилям, фотографии, и завоевал массу. А между прочим, среди всего того хлама, которым он напихивал головы читателей своей газеты, он в маленьких статейках пичкал рабочую массу всеми идеями, нужными буржуазии. Эти идеи настолько засорили головы английского рабочего класса, что *даже, когда пролетариат Англии хочет бороться против буржуазии, то он думает ее терминами и ее понятиями.* Что такое Лига Наций? В Цюрихе издается мелкобуржуазный сатирический журнал «Небельшпалтер». Он на днях напечатал по поводу дебатов в Лиге Наций о разоружении маленькую картинку. Цирк: с арены уезжает в конюшню на лошади дама «*Большая Политика*». В это время на сцене веселит публику *клоун*; это — *Лига Наций*. Это знает швейцарский филистер, но этого не знает рабочий класс Англии, ибо

английской буржуазии выгоден клоун, за которым она может в случае надобности прятаться. И *когда рабочий класс Англии хочет выразить свое стремление к международной организации жизни на справедливых началах, без господства одной нации над другой, то он, ища форму для этой своей честной мысли, хватается за шутов из Лиги Наций, которая, если бы ей суждено было перестать быть шутовской организацией, была бы организацией разбойников.*

«Свобода» — это слово вошло в мозг и кровь английского рабочего. Когда гнали детей рабочих в копи и шахты, и когда против этого протестовало человеческое чувство рабочих, то им говорили: «Этого требует свобода труда». И 60 лет продолжалась борьба, пока дети были вырваны из ада самой безграничной капиталистической эксплоатации. Когда английские текстильные бароны боялись, что уничтожение рабства в Южных Штатах Америки вызовет сокращение производства хлопка, они поддерживали рабство во имя свободы плантаторов. Когда английский империализм, который вырос на уничтожении свободы всех наций, которые ему хотелось поработить, когда он еще не смыл со своих рук крови буров и решил убить своего конкурента — германский империализм,— то он защищал «свободу» малой Бельгии. Когда английский капитализм хотел уничтожить обязательства, принятые по отношению к царской России на счет Константинополя и раздела Персии, когда он решил уничтожить Советскую Россию, первое государство рабочих, то он выступил на защиту «политической свободы» в России. Он насаждал эту «свободу» пытками в Архангельске. Все, все делалось им во имя свободы. *Нет более поруганного слова, чем эта английская «свобода».* Но английские рабочие этого не видят, они искренно считают, что мы, разогнав шутовскую учредилку, уничтожили свободу.

Но когда Ллойд-Джордж, не спрашивая парламента, угрожает войною и расходует в два дня двести миллионов золотых рублей на посылку военных судов и войск в Турцию, то Рамзей Макдональд пишет несколько иронических слов: *Ленин уничтожил силою учредилку, наше правительство уничтожило парламент более мягкими методами, т. е. делая вид, что он не существует. В этом единствен-*

ная разница между большевиками из Москвы и «конституционалистами» из нашего правительства. Так пишет гражданин Рамзей Макдональд в первом номере журнала, называемом, очевидно в шутку, «Нью Лидер» (Новый вождь). Оставим в стороне «единственную разницу» между диктатурой Ллойд-Джорджа и советской диктатурой и согласимся на момент, что этой единственной разницей являются более мягкие диктаторские методы Ллойд-Джорджа. Но, ведь, Макдональд пишет, *что, по существу, Ллойд-Джордж уничтожил английскую свободу. Что же делают Макдональд* и его друзья, чтобы забить тревогу и позвать рабочих на бой? Макдональд пишет несколько иронических слов, которые не могут *внушить его читателям никакого убеждения в том, что он сам верит в то, что пишет.* И рабочие верят ему потому, что в Англии, стране капиталистической олигархии, господствует свобода.

В книге «Английское правительство», работе, предназначенной для ученых людей, консервативный писатель Сидней Ло пишет, что внешняя политика Англии руководится не менее абсолютистски, чем царская политика. Но эту правду не смеют сказать рабочему классу его вожди, и рабочий класс этого не знает; он идет доверчиво к главе абсолютистской олигархии, к Ллойд-Джорджу. Он воспитан вождями, которые выросли на объедках мыслей буржуазии, вождями, которые не смеют противопоставить ему честной мысли даже тогда, когда он догадывается, что она существует. Он является игрушкой в руках буржуазии.

Когда читаешь эти шутовские доказательства трагедии английского пролетариата, то с глубокой тревогой думаешь о его судьбах. Не минует его гроза революции, ибо мировое землетрясение, удары которого слышны и в Англии, сметет с лица земли и этот остров эксплоататоров мира и уничтожит благополучие рабов английского капитала. Но рабочий класс Англии, который дает своей буржуазии свободу делать все, что она хочет, который не имеет сил бороться против ее хищнической политики, окажется в момент, когда ему придется бороться или погибнуть от голода, *с пустою головою, в этот момент он окажется без друзей,* ибо он *не был помощью и защитой тому, кто страдал.* Он не борется против английского режима в Индии, в Египте, в Турции, почему же должен будет ин-

дийский, египетский и турецкий рабочий давать хлеб ему, когда наступит революция в этой промышленной стране, которая только на семь недель в году имеет собственный хлеб? Он об этом теперь не думает, он считается благородным, образованным рабочим классом, который может смотреть на рабочих других стран, как на бедные жертвы своих плохих правительств. Но придет день, когда он проснется и когда ему стыдно будет за свое прошлое. Это будет очень тяжелый день.

19 октября 1922 г.

ПАТРИОТЫ ЧИСТОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОБЫ

Год назад в Париже книгоиздательством Пайо была выпущена книга английского майора Виктора Лефебира под заглавием «Загадка Рейна». Книга эта отмечает значение химической промышленности в прошлой войне и указывает на то, что в будущей войне химическое производство удушливых газов и взрывчатых веществ будет играть решающую роль. Книга занимается изучением соотношения сил в области военной химии и приходит к убеждению, что громадная химическая промышленность Германии дает ей возможность в будущем восстановить значительную часть своей военной мощи. Германская печать упоминала об этой книге, как о злостно агитационном произведении, но произведение Лефебира излагало то, что является серьезным убеждением французских и английских военных кругов. Лучшим доказательством этому является тот факт, что французский военный шпионаж направлен в первую очередь на раскрытие тайн германских патентов по производству синтетического аммониака и азота. Судебная хроника Германии знает целый ряд процессов, на которых инженеры были присуждены к тяжелым наказаниям за то, что они продавали французским шпионам даже третьестепенные сведения из этой области. Их судили за государственную измену.

В момент, когда вся германская буржуазия, вся ее печать призывает германский народ, и в первую очередь рабочие массы Германии, к величайшим жертвам для того, чтобы дать отпор французскому империализму, в момент, когда она призывает к самым бессмысленным формам бойкота даже не французского капитализма, а всякого фран-

цуза, находящегося в Германии (частных лиц французов выселяют из гостиниц и отказывают им в продаже пищи в ресторанах), в этот самый момент германский пролетариат узнает из прений во французском парламенте, что самая крупная химическая фабрика Германии, так называемая Баденская фабрика анилина и соды, заключила договор с французским правительством, по которому за пять миллионов франков продает ему все тайны, на которых может быть основано одно из важнейших средств борьбы Германии против французского империализма. 6 февраля французское правительство предложило парламенту ратификацию этого договора. Докладчик Лебук заявил, что Франции недостает 50 процентов нужного ей для фабрикации пороха и других взрывчатых веществ азота, т. е. 110 тысяч тонн. Он сообщил, что в 1919 г. начаты были переговоры с Баденской фабрикой, и что она поможет Франции построить около Тулузы громадный завод, производящий нужные французскому империализму для ведения войны химические продукты. Во главе предприятия будут стоять германские инженеры. Баденская фабрика передает предприятию все секреты своего производства, получая за это, кроме 5 миллионов франков, от 2 до 4 процентов прибыли. Фабрика, созидаемая при помощи германских капиталистов, будет производить с самого начала 100 тонн аммониака в день. Эта фабрика будет принадлежать французскому государству, которое будет иметь из 300 тысяч акций 250 тысяч.

Германская буржуазная печать замолчала эти известия, которые ярко осветили всю лживую сущность буржуазного патриотизма. Когда германская коммунистическая печать развернула вокруг этого вопроса агитацию, когда эта агитация вызвала живой отклик в рабочих массах, господа химические патриоты заявили в печати, что нечего волноваться, ибо они продали свое отечество не в момент занятия Рура, а уже раньше — в 1919 г. Мы не знаем, являются ли три года достаточным сроком давности, освобождающим юридически предателей страны от виселицы, но налицо тот факт, что французское правительство договор ратифицировала только 6 февраля 1923 г. и что господа химические патриоты уже после занятия бассейна

Рура французами даже не заикнулись о том, что отказываются от договора.

Господа Стиннес, Тиссен, Клекнер призывают германских рабочих бастовать, демонстрировать против французских империалистов, ибо последние хотят 51 процент акций созидаемого германо-французского железо-угольного треста. Вся печать буржуазии провозглашает крестовый поход и требует от германских рабочих, чтобы они, голодая, боролись во имя 51 процента акций господина Стиннеса.

Последствия борьбы Стиннесов за преобладание в железо-угольном синдикате отзываются в первую очередь на рабочей массе. За время от 10 до 24 января цены на самые необходимые для массы предметы возросли на 63 процента по данным государственного статистического учреждения, которое всегда прикрашивает положение. За неделю с 27 января по 2 февраля цены возросли на 68 процентов. Угольные магнаты удвоили цены на уголь, цены на железо возросли с 1 января по 1 февраля на 375 процентов. Само собой понятно, что заработная плата не возросла хотя бы приблизительно в подобной пропорции. В это время короли химического производства заключают договор со злейшими врагами германского народа и помогают его вооружению за 5 миллионов франков. Германская буржуазия демонстрирует самым открытым, самым наглым образом, что она, крича о защите отечества, думает только о защите собственного кармана. Если она может объединяться с французским империализмом на выгодных условиях, тогда: да здравствует национальная измена! Если она считает, что «наследственный враг» дает только 29 серебренников, тогда: да здравствует национальная борьба на спине и за счет рабочего класса!

Из этого, понятно, не следует, что германские рабочие должны отказаться от борьбы против французского империализма. Нет, эта борьба является частью их классовой борьбы, но из этого следует, что германская буржуазия не является больше организатором национальной защиты, что, наоборот, она готова ежедневно примириться с французскими грабителями германского народа, если они оставят ей только часть добычи. Только германский рабочий класс может спасти Германию от судьбы предмета импе-

риалистической эксплоатации. Но для этого он должен порвать связь со своей буржуазией, должен выступить, как самостоятельная сила в общеимперском масштабе, выступить как класс, берущий в свои руки свою судьбу и судьбу нации.

17 февраля 1923 г.

ЛЮДИ ЖЕЛЕЗА И УГЛЯ

В Саарском бассейне бастуют 70 тысяч углекопов. По угольным районам Франции катится волна забастовок. Бастует уже 100 тысяч рабочих. Германские капиталисты торжествуют: это нож в спину Пуанкаре. Французские капиталисты негодуют: это национальная измена, это работа Москвы и Берлина. Но и среди рабочих масс Рурского бассейна глубокое брожение. Рабочие угольных шахт и железных копей выходят на историческую сцену, на которой происходит борьба Стиннесов и Лушеров, борьба за то, кто больше пота и крови отнимет у людей угля и железа.

Люди угля и железа создали современную цивилизацию: они добывают из недр земли силу, которая несет поезда через материки, которая двигает корабли через далекие океаны; они выкапывают из подземных недр руду, из которой строятся железные гиганты, сокрушающие, в свою очередь, горы, перебрасывающие мосты через реки, на стальных крыльях реющие в воздухе и пробегающие синее пространство на пути из Лондона в Южную Африку и Северную Америку. Стальные башни пронизывают воздух и перебрасывают за 12 тысяч верст сведения из Науэнской станции в Буэнос-Айрес или в Новую Зеландию. Электрическая волна несет вести кругом земли, а выбрасывает ее маленькая машина из стали, не больше обыкновенного паровоза. Все то, чем мы теперь живем, создали они — рудокопы и углекопы.

Создают они силу человечества в недрах земли, у доменных печей, сами — бессильные рабы тех, кто захватил всю землю,— королей угля и королей железа.

Во всяком обществе, которое будет царством труда, молодых членов общества будут водить в угольные копи, железные шахты, будут опускать их туда, где работают углекоп и рудокоп и будут их учить там работать, дабы они знали, что такое труд человеческий. Как в средние века только после трудного состязания на турнире, после тяжелой борьбы, молодой сын дворянина производился в рыцари, так в будущем обществе только после испытания в руднике и шахте здоровый член социалистического общества получит звание труженика.

Капиталистическое общество не смеет знать правды о труде людей под землей, ибо, как бы оно ни было цинично и лишено человеческих чувств, оно не могло бы торговаться о куске хлеба с людьми, которые проводят день под землей, не видя солнца, и работают, лежа на спине, с тяжелым молотом в руках. Оно не могло бы торговаться с людьми, которым угрожает ежедневно, ежечасно, ежеминутно смерть от взрыва газов, или от скал и камней, готовых обрушиться на голову шахтера.

Эти люди создали современную цивилизацию своей кровью и потом в буквальном смысле этого слова. А мир слышал о них только тогда, когда обрушивалось грозное бедствие, когда сотни из них остались внизу, в земле, в море огня, когда женщины и дети метались с плачем и воплями вокруг угольных шахт. Мир узнавал о них только тогда, когда они выходили из подполья и протягивали ему грозно сжатые кулаки, требуя хлеба. Тогда капиталистическому миру казалось, что земля дрожит под их стопами. Великий поэт, смотревший глазами своими сквозь туман буржуазной тьмы в царство будущего, говорил тогда: Жерминаль — месяц всходов, когда пускает ростки новая жизнь. Но эта новая жизнь растет медленно. До войны эти люди не завоевали даже восьмичасового рабочего дня, хотя каждая четверть часа работы в шахте — это тяжелый крест, это десять шагов на пути к Голгофе.

Пришла война. Их труд снова решал все. Они создавали уголь и железо, из которого делались великаны-пушки. Каждая граната имела своим источником их труд. Без их труда империализм не мог бы разрушать мир. Через две недели после своего начала война остановилась бы из-за недостатка снарядов. Поэтому этих людей оставили в шах-

тах и копях. От них не требовали жертвы крови на поле брани, от них требовали только, чтобы они проливали пот и кровь там, в недрах земли. И приносили они эту жертву молоху войны в размерах, которых не учтет никакая статистика, которых не опишет никакой историк, описывающий великие сражения этой войны.

Когда германский империализм стоял уже перед своим крушением, он прочитал свой приговор смерти в первую очередь на лицах шахтеров. Кайзер собрал их в громадном здании в Эссене и говорил им речь о необходимости защищать отечество,— отечество, которое украло у них солнце, не давая им взамен даже хлеба. Кайзер говорил, но ни одно лицо в многотысячной толпе не дрогнуло. И тогда один из кайзерской свиты записал в своей записной книжке: «Земля дрожит под нашими ногами».

Когда окончилась война, первыми везде восстали шахтеры, и через все шахты и копи шел один крик: не хотим больше работать на капиталистов. Таких жертв, как работа под землей, имеет право требовать только общество, которое взяло в свои руки недра земли и не позволяет кучке угольных и железных королей обогащаться на крови углекопов.

Господа ученые, защитники капитализма, капитулировали перед взрывом, назревшим в угольных шахтах. Во всем мире буржуазная наука признала национализацию угольных копей. В Англии признала ее даже королевская комиссия, назначенная парламентом. Но когда одураченные этими словесными уступками углекопы дали загнать себя снова в шахты и решили работать попрежнему, снова восторжествовал герцог Нортумберландский, восторжествовали Крупны и Стиннесы, восторжествовали Лушеры и Вендели.

За раздел рабов идет теперь война в Рурском бассейне. Война за то, кто получит больше этих рабов, кто захватит большую долю их труда. Именно за это идет борьба. И настолько обнаглели господа железные и угольные короли с медными лбами, настолько позабыли они и войну, и дни революции, и свою тревогу, что призывают своих рабов бороться за выбор хозяина, за выбор того, кто должен их эксплоатировать.

В Саарском бассейне бастует 70 тысяч углекопов. По

шахтам и копям Франции катится волна забастовок. 100 тысяч рабочих вышли из недр земли и ставят в порядок дня вопрос не о том, кто имеет законное право их эксплоатировать, а об уничтожении права на эксплоатацию людей железа и угля.

С глубоким вниманием смотрит рабочий класс на их борьбу. Развернется ли она? Охватит ли она, как огонь, вызванный взрывом газов в шахтах, всех углекопов Франции и Германии? Вот вопрос, который ставим и мы. Вот священная война, в которой примет участие весь мировой пролетариат. Вот факел у порохового погреба мирового капитала. Вот священный месяц Фруктидор, месяц плодов, плодов горьких для капитала и сладких для тех, кто готовится собирать их,— для людей недр, людей железа и угля.

21 февраля 1923 г.

Лекция истории для архиепископа кентерберийского и лекция истории об архиепископах кентерберийских

Английское духовенство, во главе с Фомой Девизеном, архиепископом Кентерберийским, выпустило воззвание «против гонений на религию в России». Доказательством существования этих гонений является для английской духовной братии процесс католического архиепископа Цепляка, предстоящий процесс православного архиепископа Тихона и — о, ужас! — арест гомельского раввина, о котором мы еще ничего не слышали, но о котором трубит вся английская печать, чтобы показать: «если гонят уже и трусливых еврейских раввинов, то какое же может быть сомнение в том, что в России сражается Вельзевул с архангелами».

Когда в Америке запретили производство водки, фабриканты «очищенной» подняли такую кампанию, что даже выступление архиепископа Кентерберийского — лепет ребенка по сравнению с этим.

Оскорбленные в своих лучших чувствах и в своем кармане, фабриканты спиртных напитков выкатили большую пушку «свободы американских граждан», которая, по их убеждению, ущемлена запретом фабрикации спиртных напитков. Фабрикация религиозных крепких напитков не менее прибыльна. Поэтому мы вполне понимаем классовую солидарность английских попов с русскими. Но, несмотря на полное наше сочувствие английским сановным фабрикантам духовного спирта, мы хотим им указать, что они делают целый ряд ошибок в своих утверждениях о гонении на религию в Советской России. Для того, чтобы им по возможности популярно объяснить, что в Совет-

ской России нет и речи о преследовании религий, мы приведем им для пояснения несколько примеров из истории церкви в Англии, а в первую очередь из истории архиепископов Кентерберийских, надеясь, что наши английские товарищи расширят эту лекцию в целый курс, который был бы очень полезен не столько для архиепископа Кентерберийского, сколько для самих английских рабочих.

Как английские короли учили английскую церковь повиноваться государству

Мы, коммунисты,— противники либерального взгляда на историю церкви. Это либеральная буржуазия в свое время огульно отрицала за церковью всякие заслуги. Мы не занимаемся огульным попоедством. В первом периоде средних веков церковь была рассадником не только духовной, но и технической культуры. В ее рядах сохранилось наследство не только Римской империи, но и Востока. Она учила германских варваров, значительная часть которых недавно покинула лесные дебри, земледелию и ремеслам, она создала связь между разными странами Европы. И нет ничего удивительного в том, что церковь поэтому требовала себе первенства над варварскими средневековыми королевствами, что она требовала от королей, чтобы они считались ее подданными. Но как только начали крепнуть феодальные государства, начинается борьба за первенство между королевской властью и церковью.

Английский король Генрих II решил покончить с самостоятельностью церкви. Он потребовал, чтобы попы за уголовные и противоправительственные преступления подвергались наказанию наравне с другими смертными. Для проведения этого в жизнь, он назначил архиепископом Кентерберийским Фому Бекета, одного из наиболее образованных попов своего времени. Но Фома Бекет, сев на архиепископский престол, захотел сам стричь своих овечек без королевского вмешательства. Вступив в конфликт с Генрихом II, он призывал попов и население к борьбе с королевской властью, прикрывая эту борьбу за поповские преимущества криком о свободе религии. Ген-

рих II, хоть и был хорошим католиком, само собой понятно, не мог смотреть равнодушно на эти поповские проделки. Фома Бекет был принужден бежать во Францию и там, пользуясь поддержкой врагов Англии, вел махинации против своего собственного отечества. Папа римский, опасаясь, что чрезмерное усердие Фомы Бекета повредит церкви, приказал ему итти на сделку с королевской властью. Фома Бекет вернулся в Англию, *но был убит королевскими рыцарями*. Разумеется, король публично очень жалел о таком прискорбном событии, но от этого сожаления Фома Бекет не вернулся к жизни.

Но и после смерти Фома Бекет не унывал. Погребенный в Кентерберийском архиепископстве, он стал творить чудеса, что в те времена не воспрещалось. Тысячи людей путешествовали ко гробу Фомы Бекета, и кентерберийские монахи очень много на этом зарабатывали. А так как церковь великолепно понимала, что такое хозяйственный расчет, то она решила повысить свои доходы от мученичества и чудес новоявленного святого. Английский историк Роджерс, профессор экономии в Оксфордском университете, друг Кобдена и Брайта, т. е. человек, принадлежащий не к коммунистическим головорезам, а к очень умеренным либеральным кругам, 40 лет тому назад, в книге своей «Six centuries of world and wagen» описывал подвиги кентерберийских архиепископов на этом торговом поприще следующим образом:

«Бекет умер зимой в такое время года, которое было очень неудобно для путешествий; поэтому кентерберийские монахи просили папу разрешить им перенести день мученичества и чествование святого на лето. Они очень долго и очень энергично торговались друг с другом, ибо папа требовал *половину валовой прибыли от святого*. Но когда монахи заявили, что на этих условиях они этим делом не могут заняться, папа согласился на *половину чистой прибыли*».

Генрих II остался формально победителем, но на деле церковь была еще сильнее его, и уже Иоанн Безземельный должен был, бедняжка, пойти в полную кабалу к римскому папе. Но обстоятельства изменились, когда в самой церкви начались раздоры, а одновременно с этим в Англии окрепла королевская власть. Генрих VIII был счаст-

ливее Генриха II. Он не только подчинил себе вполне церковь, объявив себя в 1531 г. главой церкви, но сам начал стричь церковь по всем законам ведения прибыльного хозяйства. *Годичные доходы церкви оценивались тогда в 320 тысяч фунтов стерлингов, из каковых король взял для себя как раз половину. Он ограбил монастыри, захватив у них все драгоценности,* он закрыл мелкие монастыри и разогнал монахов по всем направлениям ветра. Но он был настолько умен, что не трогал князей церкви и даже делился с ними добычей. В одном памфлете XVII века, т. е. написанном во время английской революции, автор — мы не знаем его фамилии и цитаты заимствуем из прекрасной книги по истории английской революции, написанной Конради — таким образом характеризовал «реформацию» Генриха VIII:

«Генрих VIII, который своим королевским авторитетом вытеснил папу, *не имел намерения облегчить тяжелое положение населения.* Он только заменил иностранное иго (папу римского) отечественными цепями, *деля добычу между собой и своими архиепископами,* которым папа римский был совсем не нужен, если только они могли сохранить свой сан и свои имения».

Среди сановных князей церкви, которые в данном случае забыли кричать о свободе религии, а, наоборот, лежали на животе перед английским деспотом, находился в первом ряду предшественник нашего защитника «свободы религии», архиепископ Кентерберийский Кранмер. Сей святой человек пошел так далеко в своем услужении королю, что расторгнул брак Генриха VIII с Екатериной Аррагонской, освященный самим римским папой. Королю понравилась смазливая девица Анна Болейн, и архиепископ Кентерберийский решил, что все догмы церкви и все решения ее главы, папы римского, могут служить удобной подушкой для похотливого короля. А когда Генриху VIII надоела Анна Болейн, и он решил ее казнить для того, чтобы прибрать к рукам другую девицу, архиепископ Кентерберийский тоже не возражал. Это не противоречило «свободе религии», это была только «свобода любви», освященная за хорошие деньги архиепископом Кентерберийским.

С того времени *английские короли перестали бороться*

с церковью. Наоборот, они защищали ее самым усердным образом. И когда началось движение среди демократических слоев английского общества, которое,— боже, сохрани,— не боролось за уничтожение религии, а только за уничтожение беспримерной власти епископов над душами паствы, король Яков I в 1604 г. обмолвился такими словами перед депутацией пуритан:

«Я, король, хочу быть хозяином этой страны. *Церковная иерархия должна оставаться. Она является лучшей опорой трона.* Я научу этих пуритан подчиняться церкви, а если они не подчинятся, то я их выгоню из страны или сделаю кое-что похуже: *прикажу повесить и — конец*».

Что же удивительного, что с того времени епископы выступали дружно с английскими королями. «*Защищай нас мечом, а мы тебя будем защищать пером*»,— заявляют они в своем воззвании в 1624 г.

Подведем некоторые *итоги* этой первой главы нашей исторической лекции. Церковь пыталась сначала установить свое господство над имущими классами. За это архиепископам Кентерберийским отрезывали головы. Но когда феодальная власть, короли и помещики, согнув в бараний рог церковь, ограбив низшее духовенство, *разделили добычу* с архиепископами и епископами, с князьями церкви, то эти защитники религии не только сделались *слугами всякой королевской прихоти, лакеями помещичьей реакции, но и разрешали королям вмешиваться во все дела религии и церкви и определять, что такое религия.*

Еще один факт. *Значительная часть имущества, принадлежащего теперешней английской аристократии, ведет свое происхождение от грабежа церковного имущества, произведенного Генрихом VIII, который раздал его светским и церковным вельможам.* Если теперь наследники грабителей кричат о «грабеже» церковного имущества и протестуют против этого «святотатства» во имя религии, то всякий сознательный английский рабочий должен им рассмеяться в лицо.

Но,— скажет архиепископ Кентерберийский,— зачем вы, республиканцы, революционеры, подражаете феодальным королям?

Позвольте, милейший, во-первых, *вы никогда не отрекались от этого феодального прошлого, в котором архие-*

пископы Кентерберийские принимали очень живое участие. А ведь вы считаете, что ваше обращение имеет особое значение именно потому, что вы происходите от древнейших архиепископов Англии. Но, отвечая по существу, надо сказать: *то, что делает советская власть, не имеет ничего общего с тем, что вытворяли с церковью феодальные короли и чему ваша церковь подчинялась, когда видела, что королевский кулак силен. Совет народных комиссаров не объявил себя главой церкви, он не хочет назначать епископов и не собирается установлять 31 предписания для церкви, как это сделал Генрих VIII.* Советское правительство предоставляет *всякому гражданину верить в то, во что он хочет*, и вести религиозную пропаганду точно так же, как оно предоставляет неверующим гражданам право вести *антирелигиозную* пропаганду. *Оно не вмешивается во внутренние дела церкви, оно требует только, чтобы попы, как все граждане, подчинялись законам республики.*

Генрих VIII ограбил церковь для того, чтобы делать подарки своими наложницам, архиепископам и дворянам. И церковь английская молчала, когда ее князья получали взятки от короля. Советская же власть приказала изъять церковные ценности для того, *чтобы накормить умирающих с голода.* Цепляки и Тихоны, которые падали ниц перед царизмом, восстали против мероприятий советской власти, стремившейся спасти миллионы людей от голодной смерти. И архиепископ Кентерберийский, который их защищает, является достойным наследником архиепископа Кентерберийского Кранмера, который топтал ногами приказы главы своей церкви, папы римского, в угоду королевской прихоти. Архиепископ Кентерберийский ссылается на «свободу религии». Мы ему напомним тогда еще одну главу из истории архиепископов из Кентербери.

Как архиепископы Кентерберийские защищали свободу религии от восставших крестьян и рабочих

Это было в XIV веке. Английская церковь находилась тогда в состоянии глубочайшего разложения. Монахи от низших до высших бесчинствовали и занимались блудом, грабили население и значительную часть своих доходов

посылали папе, который был орудием французских королей. Против этого началось движение и среди образованных слоев, возглавляемых Виклефом, который сам был попом и профессором университета в Оксфорде. Виклеф требовал отделения английской церкви от Рима и проповедовал, что попы должны жить скромно, как жил, по преданиям, Иисус Христос. Эта проповедь Виклефа встретила сочувствие среди *текстильных рабочих*, которым жилось очень плохо и которым не нравилось, когда их стригли попы. Она нашла сильный отзвук и среди *крестьян*, с которых и попы и помещики драли семь шкур. Началось так называемое *движение лоллардов*, к которому примкнула и часть беднейшего духовенства, с Джоном Боллом во главе. В агитации Болла отражалась борьба против эксплоатации со стороны помещиков. Вот как передает одну из речей этого монаха, Джона Болла, современный ему летописец Иоанн Фруассар:

«Дорогие мои! В Англии положение не улучшится, пока *все не будет общественной собственностью и пока не исчезнут крепостные и дворяне*,— пока не будут *все равны* и не исчезнут баре. Как они с нами обращаются? Почему они держат нас в неволе? Мы все происходим от одних родителей, от Адама и Евы. Чем наши господа могут доказать, что они лучше нас? Может ли таким доказательством служить то, что они съедают то, что мы производим? Они ходят в бархате, шелках и мехах, а у нас грязная льняная одежда. Они пьют вино, едят пирожные, мы же едим отруби и пьем воду. Они бездельничают в прекрасных дворцах, а наш удел — труд, наш удел — работа на поле под дождем и ветром. *Нас называют рабами и бьют* нас, если мы не готовы для всяческих услуг. И нет короля, который бы нас защитил, который бы нам помог».

В этой речи нет ничего против религии. Наоборот, Джон *Болл ссылается на евангелие. Но архиепископ Кентерберийский счел эту речь святотатством, приказал посадить Джона Болла в тюрьму и отлучил его от церкви.* Для Джона Болла дело кончилось еще хорошо, но тысячи лоллардов были *сожжены, и главную роль в гонениях на лоллардов играл архиепископ Кентерберийский Арундель.* О нем пишет упомянутый уже либеральный, умеренный английский профессор Роджерс:

«Он известен, как *автор закона о сожжении на кострах еретиков*, на основании которого власти Кентерберийского графства были обязаны исполнять смертные приговоры епископа. С противным ханжеством заявляя, что они не убивают, князья церкви добились у короля распоряжения, которое обязывало приводить в исполнение то, чего они сами собственноручно не делали.

«Арундель является автором еще и другого закона: под предлогом борьбы против еретических проповедей *запрещено было низшему духовенству читать проповеди без разрешения, за каковое надо было платить мзду*. При помощи этой меры пытались устранить возможность того, чтобы король узнал о недовольствии, вызываемом его режимом».

По истории архиепископов Кентерберийских выходит так: *когда король назначает себя главой церкви, когда он определяет ее учение, и даже когда он ее немножко грабит, то это все «свобода религии», если только ограбленное делится между королем и архиепископом. Но когда верующие, рабочие и крестьяне, ссылаясь на евангелье, добиваются, чтобы попы отказались от роскоши, обжорства и пьянства, чтобы жили с народом, то это святотатство, за которое архиепископ Кентерберийский посылал на смерть тысячи трудовых людей.*

Теперь ясно, что архиепископ Кентерберийский Фома Девизен в 1923 г. после так называемого рождения Христа борется за то же самое, за что и его предшественники в XIV и XVI веках. *Монах Джон Болл, который в неуклюжих словах XIV века провозглашал истину коммунизма, был так же ненавистен архиепископу Кентерберийскому XIV века, как архиепископ Кентерберийский XX века ненавидит «агентов Москвы».* Как же архиепископу Кентерберийскому Фоме Девизену не выступать в защиту Тихона, борца за господство царей, помещиков и капиталистов! Но архиепископ Кентерберийский Фома Девизен руководится не только ненавистью к ожившему в XX веке в далекой России и победившему лоллардскому движению. Он выступает не только из симпатии к русским помещикам и к русским капиталистам. Нашу лекцию истории надо окончить *страничкой из современности.*

Нетленные мощи святого Уркарта

Жил был правоверный англичанин Лесли Андреевич Уркарт. Как в древние века верующие монахи отправлялись в дикие страны, дабы распространять между людьми, не знавшими ни штанов, ни рубашки, веру в бессмертие души и происхождение ее от бога, хотя бы ничем не была прикрыта ее нагота,— так монах церкви капитала Уркарт отправился в дикую страну россиян, дабы здесь делом распространять веру в могущество бога-капитала. И как все жрецы, Лесли Андреевич Уркарт кормился в стране нашей так хорошо, что не может о ней теперь говорить иначе, как о потерянном рае. Сего святого мужа русские дикари обидели. Взбунтовавшись против царя, помещиков и бога-капитала, прогнали они и Уркарта с его фабрик и заводов.

Не все святые отличаются терпением. Многие из древних святых брали в руки мечи и дрались не хуже простых рубак. Святой Уркарт не из терпеливых. Он побежал к Колчаку и пытался сначала силой вырвать у нас из рук захваченные у него народные богатства. Он стоял во главе крестового похода против Советской России. Его дух окрылял всех писак капиталистической Англии, которые призывали к уничтожению гнезда разбойников и врагов бога. Но когда Советская Россия победила, святой Уркарт решил, что для того он и святой, чтобы прощать. И решил пойти с нами на сделку. Поделил он старую добычу с дьяволом и обещал ему служить искренно и честно. Но советский чорт, прочитав договор, нашел, что его надули и отказался от него. Святой муж сидит в своей келье на бирже в Лондоне и ждет, когда исправятся злодеи-большевики. Сто раз обещал он ждать терпеливо, но когда по поводу процесса Цепляка и расстрела Буткевича началась буча, святой муж не выдержал. Он собрал обиженных английских кредиторов в России и *предложил им требовать разрыва сношений с Советской Россией* не только в виду гонения на церковь, но в виду того... что торговля с Россией дает мало прибыли. Из-за такой маленькой прибыли не стоит иметь дела с большевистским дьяволом.

Лесли Андреевич Уркарт — муж, как мы говорили, святой и умеет творить чудеса. Когда ему грустно, нам посы-

лает телеграммы вождь лейбористской партии Клайнс и просит советское правительство не обижать посланника бога-капитала. Когда Уркарт думает, что нажимом можно ускорить уступки советского правительства, то архиепископ Кентерберийский плачет по поводу попранных прав католической, еврейской и православной религий.

Совет святому Уркарту

Господин Уркарт, не суйте пальцев меж дверей, ибо вам их снова прищемят. И придется вам, как после падения Колчака, снова менять религию. Ждите. Сердце человеческое не из камня, и терпение находит свою награду.

Совет архиепископу Кентерберийскому

Многоуважаемый Фома Девизен. Лекцию по истории прочел вам я, человек некомпетентный в церковных делах. Если будете чересчур много врать, то Коммунистический Интернационал посадит двух специалистов, и они напишут такую *историю Кентерберийского архиепископства*, что вам плохо придется от этого. Так как теперь в Англии за такие дела людей нельзя жечь на кострах, то негодяи английские коммунисты напечатают всю эту историю, в которой расскажут о всех грехах ваших и ваших предшественников, не щадя даже их незаконных детей, и напечатают все в миллионе экземпляров. Зачем вам все это? Сидите себе спокойно дома, кушайте пуддинг, пейте портер, читайте английские романы, если вам это не скучно, и оставьте в покое Советскую Россию.

15 апреля 1923 г.

СПЯЩАЯ ЦАРЕВНА И КРАСНЫЙ ВИТЯЗЬ

Спят в недрах русской земли неслыханные богатства. Века ждут в недрах земли железо и уголь, золото и олово, чтобы высвободила их рука человека, чтобы добыла их из глубин земли, дабы они, выйдя на свет божий, переменили лицо русской земли. И тянулись жадно к недрам русской земли руки пауков, руки иностранных капиталистов. И их манил металл русской земли. Добыть его хотели не для того, чтобы связать великую страну рельсами железных дорог, чтобы приблизить друг к другу племена, живущие на огромных пространствах бывшей царской империи. Добыть его хотели не для того, чтобы деревянную Россию перестроить в Россию железо-бетонную, чтобы осветить ее из конца в конец ярким лучом электричества. Они хотели ворваться в недра русской земли, чтобы превратить их в золотую монету, в прибыль, перед которой на коленях должен находиться трудовой русский народ, нося на руках и ногах железные цепи рабства.

Русским помещикам, царскому правительству даже для этих целей не хотелось взяться за тяжелую работу раскрепощения недр земли. Им достаточно было заставлять крестьянина вспахивать их земли, им достаточно было превращать пот крестьянина в золото. Они боялись, что рабы, увидев, какие создают богатства, как богата их земля, не захотят дольше быть рабами, захотят освободить богатства земли для себя.

Многие десятилетия известно было ученым России, что в Курской губернии магнитная стрелка проявляет своеобразные движения, десятки лет предполагали ученые, что это является признаком наличия громадных залежей же-

лезной руды. Царизм расходовал миллиарды на армию, на флот, на войны, но царизм не давал ни одной копейки для того, чтобы установить, чем богата русская земля, чтобы установить, находятся ли в руках русского народа могучие средства прогресса, могучие средства перестройки всей жизни. Русская буржуазия проявляла не больше интереса к вопросу, который беспокоил и волновал русских геологов. Она видела на поверхности России достаточно предметов для грабежа и хищничества. Зачем ей еще было слушать голоса, идущие из недр земли?

Царизм был разбит. Русская буржуазия была скинута. Отрочески молодой, неуклюжий, неопытный, но полный сил, стал у власти русский пролетариат, один из самых молодых братьев в великой всемирной семье пролетариев. Он окинул глазами великую русскую равнину, он с Уральского хребта смотрел далеко в тундры и степи Азии, он с кавказских гор охватил орлиным взором богатую страну золотого руна. И он посмотрел на одетые в лохмотья трудовые массы России, и он увидел, как копают они землю средневековыми лопатами и плугами, как в киргизских степях, как в горах Дагестана живут люди без одежды, как в черном городе — Баку — живут рабочие в домах без печей, и он сказал себе: «Я пришел не для того, чтобы съесть то, что есть, я пришел для того, чтобы создать новое». И слушал пролетариат, какие голоса несутся из глубин Алтая, и прислушивался, не зовет ли его Урал, и прислушивался к голосу земли в Эмбе и услышал голос из недр курской земли: «Я сплю здесь, царица жизни, сплю здесь — железная руда, которая поможет тебе построить великую, сильную Россию».

Это было летом 1919 г. Из Москвы двигались эшелоны красноармейцев — защищать землю, взятую у помещиков, и фабрики, отобранные у капиталистов. Недалеко от Курска шла линия фронта. Но одновременно с эшелонами солдат революции, которые шли грудью защищать завоеванную пролетариатом землю, шла экспедиция русских геологов, посланная советской властью на завоевание новой земли для русского, для мирового пролетариата. И когда у Курска гремели орудия, одновременно ученый, посланный советской властью, прикладывал ухо к земле и спрашивал ее, не скрывает ли она волшебных средств,

которые позволят этой нищей стране сделаться страной полной радости людей, когда кончится гражданская война.

О русской революции, о советской власти, о коммунистической партии, о Ленине, ее вожде, грядущие поколения будут читать истории, звучащие как сказки, и будут говорить о героях русской революции, как об образцах мужества и веры, двигающей горами, но никто не найдет памятника веры революционной, который был бы выше решения советской власти, решения Ленина, летом 1919 г. начать геологические работы на линии фронта для того, чтобы найти путь к спящим богатствам недр русской земли. В эти дни один из руководителей советской власти записал в своем календаре слова Владимира Ильича: «Только чудо может нас спасти». Ленин смотрел открытыми глазами на смертельную опасность, грозящую нам, если замкнется вокруг нас железное кольцо, если объединятся войска Юденича, Колчака и Деникина. И в те же самые дни, когда советское правительство бросало сотню тысяч за сотней тысяч лучших сыновей русской земли навстречу вражеским штыкам, чтобы разорвать замыкающуюся вокруг Советской России железную цепь, в эти же самые дни великий вождь революции думал великую думу о великом труде, который начнется, когда замолчат пушки.

Когда некоторые товарищи относились скептически к живейшему интересу, который Ленин проявил в самые тяжелые дни к вопросам электрификации, к вопросам новых методов добывания торфа, к геологическим исследованиям, тогда Ленин говорил: «Мы можем быть разбиты, и наша работа может быть прервана до следующей победы, но если мы хотим строить новую жизнь, мы должны в самые тяжелые моменты, когда боремся за существование, когда боремся за жизнь, думать о смысле этой жизни и находить силу начинать работу, хотя бы она могла быть оконченной только через десятилетия. Каждый шаг вперед, самый маленький шаг вперед, теперь сделанный,— он оплатится в сто раз. Такую отсталую страну, как Россия, и такую богатую и такую обильную, пролетариат может вывести из нищеты только тогда, если мысль его соединится с мыслью передовых ученых, если он у них возьмет самые современные методы добывания богатств, которые

у нас есть, но которые спят». И с холодной улыбкой для неверующих подымал Ленин в самое тяжелое время вопросы технических изобретений, вопросы геологичееких исследований, вырывая из нищих наших запасов скудные сотни тысяч и миллионы золотых рублей для того, чтобы хотя бы на шаг двинуть дело вперед. Он находил время ездить для наблюдения над опытами новых методов добывания торфа, он находил время читать толстые книги о состоянии мировой электрической промышленности, он находил время продумывать геологические вопросы. Он находил силу в мозгу и сердце для того, чтобы думать о будущем, ибо в нем жила та великая вера в красного витязя, который разбудит спящую царевну, та вера, которая позволяла ему слышать голос недр земли.

Смысл победы пролетариата, роль пролетариата, как творца новой жизни, роль пролетариата, как освободителя спящих, связанных сил природы нашла в Ленине, нашла в коммунистической партии России свое высшее выражение. И день, когда великие ученые сказали Советскому правительству: «Там, в курской земле, кроются самые громадные запасы железа, которые знает мир»,— этот день — день великого триумфа не только русской науки, не только русского народа, который услышал весть о великом своем обогащении, это — *день великого триумфа русского пролетариата и коммунистической партии России. Это — день великого триумфа нашего великого вождя, лежащего на одре болезни.*

Из недр земли слышен громкий голос: «Освободи меня, а я тебя освобожу от нищеты, от беды, я тебя сделаю настоящим владыкой шестой части мира, которую ты построишь по своему образцу, сильной и светлой». И русский пролетариат, слыша этот голос, отвечает: «Я разбил цепи капитала, я разобью скорлупу земли, чтобы освободить тебя, орудие моего величия, орудие счастья будущих поколений!» Мы еще бедны, мы знаем, сколько труда должны мы положить, пока заработают машины около Курска, пока начнет стекаться туда один десяток тысяч рабочих за другим, чтобы сделать Курскую губернию железной осью Европы. Мы знаем, что минуют еще годы, пока мы сможем праздновать величайший праздник от-

крытия шахт в Курской губернии. Но мы знаем одновременно: голос недр земли будет услышан русским трудовым народом. Красный витязь отзовется на голос спящей царевны. Он ее освободит, через какие бы затруднения ни пришлось ему пробивать себе путь. По всей России, во всех Союзных республиках пойдет клич: копи копейку, собирай крошки хлеба, чтобы мы могли взяться за великий труд, который завершит дело Октябрьской революции. На весь мир, к рабочим всех стран, пойдет наш клич: хотя вы сами голодны и бедны, собирайте последнюю свободную копейку для того, чтобы ускорить день, когда первое пролетарское государство мира будет первым железным государством мира.

Покой духа земли нарушали, его сну мешали для того, чтобы отнять у него волшебную силу, которая позволяла создавать презренный, желтый металл, из которого делаются боги наживы, боги эксплоатации, боги капитала. В первый раз возьмется пролетариат за великое дело раскрепощения и освобождения сил земли, чтобы запречь их в плуг, который пашет землю для труженика, чтобы они удесятерили мощь молота, который разбивает цепи неволи. В первый раз наука объединится с трудом для освобождения трудящихся миллионов. И поэтому этот первый день мая должен быть днем великой радости, великой надежды трудовых миллионов всей России, крестьян и рабочих, надежды на то, что начинается новое время нового труда и новых побед. Голос недр, который дошел до нас, русских рабочих, мы передали всему миру трудящихся, дабы он звал их к нам на помощь, дабы он звал их от рурских бассейнов разрушения к русским бассейнам великого созидания, дабы он говорил им, как гром: «Разбей свои цепи, освободи меня, а я тебя сделаю царем жизни!»

1 мая 1923 г.

НА ТЕРРАСЕ ДВОРЦА В ЧЕКЕРСЕ

Действие происходит в воскресенье, 28 июля 1924 г. в десятую годовщину австрийского ультиматума.

Веранда летней резиденции премьера его величества короля Англии, вождя II Интернационала, Рамзея Макдональда. Из столовой долетают оживленные голоса. Видно, встают от обеда. Высокий лакей, гладко выбритый, с бакенбардами, расставляет по столам бутылки портвейна и ликеры. Другие лакеи приготовляют кофе. Старший лакей уходит с веранды и вывешивает у входа в парк вывеску: «Призракам вход воспрещается» (хихикает). Гости медленно переходят из столовой на веранду. Макдональд... Около него, не отступая ни на шаг, сэр Вальтер Тирель, хранитель традиций английского министерства иностранных дел. За улыбающимся и демократически-круглым Эррио, Перетти де ла Рокка, правая рука Пуанкаре, знаток и наследник всех дипломатических козней — от приготовления отрав времен Борджиа до захвата Рура. Орава представителей малых союзных держав — от Италии до Румынии включительно. Свободно размещаются американцы, в середине некоронованный король Соединенных Штатов Америки и разъединенных штатов Европы Пьерпонт Морган. Американский посол Келлог вытянулся за ним. Английские лакеи смотрят на него с завистью: вот у кого настоящий хозяин, а не шушера.

Перетти де ла Рокка *(подбрасывает себе к глазу монокль и указывает на старшего лакея)*. Смотрите, как он похож на Франца-Иосифа I. Ха-ха-ха!

Сэр Тирель. Да, действительно, но нашли вы, о ком вспомнить *сегодня*...

Перетти де ла Рокка. Почему сегодня?

Сэр Тирель. Сегодня десятая годовщина австрийского ультиматума Сербии.

(Старший лакей вытягивается торжественно. Все молчат.)

Рамзей Макдональд *(он антиалкоголик, но пьет портвейн во имя преемственности английской внешней политики — Питт Младший тоже пил портвейн)*. Да, тяжелая годовщина. Это был вызов, брошенный совести мира.

(Американцы глотают вино и издают странные звуки.)

Макдональд *(смотрит на них укоризненно)*. Моя страна не хотела войны. Мы только-что сговорились с Германией насчет совместной эксплоатации... (сэр Тирель Хм-хм!) насчет совместной цивилизационной работы в Турции. Мы бы и так не вмешивались, хотя нам жаль было маленькую несчастную Сербию, но когда они набросились на другую несчастную маленькую страну — на Бельгию...

Перетти де ла Рокка. Да, еще наш Наполеон говорил: — кто держит в руках Бельгию, тот приставил револьвер к груди Великобритании.

Макдональд *(не смущаясь)*. Тогда не выдержало сердце почтенного лорда Грея оф Фалостон. Вы его не знаете, он немножко чудаковат; с момента, когда умерла его жена, он ни с кем не разговаривал, только удил рыбу.

Перетти де ла Рокка *(к Эррио тихо)*. В мутной воде...

(Эррио смотрит на него с укоризной.)

Макдональд *(продолжает задумчиво)*. Но за холодной внешностью лорда Грея скрывается нежное сердце. Он не мог перенести, чтобы на его глазах совершилось детоубийство *(запинается)*... Я не хочу этим сказать, что лорд Грей хотел мировой войны — боже меня сохрани! Я голосовал против вступления Англии в войну. *(Тирель смотрит на него твердым, холодным взглядом)*. Но я убежден, что он войны не хотел. Оплошность его состоит в том, что он недостаточно твердо угрожал войной в Берлине и недостаточно твердо удерживал от войны в Петербурге и...

Перетти де ла Рокка. И?..

(Старший лакей ставит кофе и ликер на столик по правую руку от Макдональда, за которым никто не сидит,— все смотрят на этот столик.)

Макдональд. И... Между прочим, вы читали докла-

ды Извольского (*все смотрят на пустой столик*) о его разговорах с Пуанкаре?..

Перетти дела Рокка. Пуанкаре — война! Пуанкаре — война! Никогда не было более пошлой легенды. Вы знаете, что я был всегда за мир (*Эррио смотрит ему умиленно в глаза*). Я хорошо знаю сердце моего бывшего шефа. Пуанкаре юрист, даже когда делает,— извините,— гадость, а это случается в нашем ремесле,— ему надо в этом помочь,— другой должен сделать свинство, а господин Пуанкаре после два дня трудится, чтобы найти юридическое обоснование. Он чистый человек. Но что же было делать? Надо было защищаться! Быть может, Петербург немножко форсировал. Царь хотел отвлечь внимание народа (*все смотрят на пустой столик*), но Франция невиновна в этой пролитой крови.

Макдональд. Когда я шел на заседание кабинета, который должен был решать, вступит ли Англия в войну или нет, меня встретил старик наш, лорд Морлей. Он спросил меня, войду ли я в кабинет. Я ответил отрицательно. Он спросил: считаете ли вы, что эта война будет непопулярной? Я ответил ему: самой популярной в истории Англии! Ллойд-Джордж спросил меня: почему же вы не хотите войти в правительство? (*самодовольно*). Я ответил ему: *с этой войны начнется новая эпоха. (Сэр Тирель и Перетти де ла Рокка не скрывают удовольствия).*

Морган (*чистит себе зубы щеточкой и полощет рот. Американский посол Келлог держит ему чашку. Сербский посол смотрит с глубочайшим удивлением на незнакомый инструмент в руках Моргана*). Что начнется? Что начнется, вы сказали?

Макдональд. Новая эпоха!

(Старший лакей делает торжественное лицо и наливает ему новую рюмку портвейна.)

Морган (*с удовольствием вытягивает ноги с толстыми подошвами на стул, на котором сидит Эррио*). И началась! В 1914 г. нам приходилось действовать за кулисами, а дело решили какие-то дурацкие чиновники в министерствах иностранных дел (*все дипломаты и старший лакей смотрят обиженно*). Когда кайзер принимал у себя американского

банкира, то все газеты об этом писали, как будто бы это была величайшая честь. Теперь достаточно надеть американские сапоги, чтобы получить аудиенцию у ваших коронованных шефов, господа *(смеется)*. Прогресс есть. Чтобы обеспечить себе прибыли от... как вы это сказали, господин Макдональд, — цивилизации в Турции? — Германский банк должен был льстить этому болвану Вильгельму. Пришлось эксплоатировать труп эрцгерцога Фердинанда *(старший лакей незаметно крестится)*. А теперь я приказываю вам, господа, даже не лично, а прислав вам маленького... ха-ха-ха... генерала Дауэса и вот этого моего Ламонта *(треплет покровительственно по животу директора Ламонта. Все дипломаты смотрят на него без укоризны, с умилением)*. Ну и что ж? Даешь Европу? Даете, господа? А это не — Турция. Ничего, Хорошо вам устроим. Будете есть чикагские консервы, пить американское конденсированное молоко. У нас хорошая фирма съестных припасов «Вильсон и К°». Это не мой старый Вильсон 1917 г., который помог мне спасти человечество от германских гуннов. Он, бедняжка, выдохся. А это действительно хорошая фирма. Не хотите Вильсона,— получите молоко от «Свифт и К ». И эту фирму мы контролируем. Будет порядок и мир *(щекочет Перетти де ла Рокка)*. Да, мир, голубчик! Вы ведь даже грабить порядочно не умеете. Ну, скажите же, сколько вы заработали на Руре? Это смехотворно. Вы очень хорошо сказали, господин Макдональд, про новую эпоху. Вы молодчина. Я во время войны работал совместно с вашим Самом Гомперсом. Я — за сотрудничество труда и капитала.

Макдональд (*кланяется, польщенный, но говорит с достоинством*). Сотрудничество с вами, господин Морган, буду считать большой честью. Это — основа программы всего II Интернационала. Да. Мир... А вы читали, что пишет южно-американская печать о революции в Бразилии? Она утверждает, что эта революция затеяна вами, чтобы сбросить доктора Бернадеса, который заключил договор о займе в Англии.

(Все смотрят с опаской на Макдональда и потихоньку отодвигаются от него.)

Морган (*добродушно*). Ну, что ж. Я ведь не член II Интернационала! Я принципиально не против револю-

ции. Можно и революцию, если понадобится. На войне я заработал в два года больше, чем мой старик за всю жизнь. Можно и революцию... можно и войну.

Старший лакей *(волнуется, спокойствие исчезает с его лица. Он проталкивается между господ-дипломатов, становится перед Морганом, протягивает руку и говорит)*. Дайте комиссионные.

Все *(удивлены)*. С ума сошел! Кто ты такой?

Старший лакей. Я граф Мусулин.

Ламонт, директор Моргана. Мосуль? Это вы, старина, ошиблись, мы нефтью не интересуемся, обратитесь к Рокфеллеру. Но что же вы сделали в Мосуле?

Старший лакей, граф Мусулин. Какой Мосуль! Я никогда не был в Мосуле. Я граф Мусулин из австрийского министерства иностранных дел. Вы обо мне не слышали? Проклятая тайная дипломатия! Если бы не она, я был бы самым известным писателем в мире.

Все. Это сумасшедший!

Старший лакей, граф Мусулин. Я автор австрийского ультиматума Сербии. Меня читал весь мир. Мое произведение убило 10 миллионов людей. Дайте комиссионные!

Морган *(куря невозмутимо трубку)*. За что же я вам должен уплачивать, милейший граф из нафталина, за то, что вы затеяли дурацкую войну?

Перетти де ла Рокка, сэр Вальтер Тирель и все другие. Ведь вас надо заключить в тюрьму, как преступника, или в дом сумасшедших, как дурака.

Старший лакей, граф Мусулин *(плаксивым голосом)*. Господа, вы так хорошо говорили о моих коллегах — лорде Грее и господине Пуанкаре. Они не хотели войны,— я ее тоже не хотел! Они ошибались, и я тоже ошибся. Я думал, что мы напугаем Сербию и что она сама даст себя съесть без единого выстрела. *(Энергично)*. Будьте же справедливы! И притом, почему бы вам, господин Морган, не быть справедливым, какая вам разница, кто из нас, дипломатов, был большим дураком, раз вы заработали за два года войны больше, чем ваш папенька за всю жизнь! Будьте же справедливы! Это есть основа мирового хозяйства. Везде дают комиссионные. Вы платите комисси-

онные за революцию, заплатите же комиссионные и за мировую войну. Не надо рвать с традициями Уолстрит и Сити!

Морган *(вынимает из кармана бумажник и дает старшему лакею, графу Мусулину, чек)*. Правильно!

Старший лакей, граф Мусулин *(кланяется низко)*.

Перетти де ла Рокка *(кладет руку на спину Эррио)*. Смотрите, начинается новая эпоха.

(Стемнело. Все поднимаются, чтобы уйти с веранды. Закуривают папиросы, сигары, трубки. Вдруг слышен выстрел. На небе видна рассыпающаяся ракета, из которой вдруг подымается *красная звезда*. Все смотрят с удивлением.)

Макдональд *(с злобным выражением на лице)*. Эти дураки коммунисты пускают ракеты. Пужают красной звездой...

Морган. Ничего... И это уладим. В Америке мы их порядочно закатали. И в Европе уложим на наковальню.

Перетти де ла Рокка. Смотрите, чтобы из-под молота не брызнули искры. От них легко вспыхивают пожары.

27 июля 1924 г.

МИСТЕР ПИКВИК О КОММУНИЗМЕ

ВЕЛИКОЛЕПНАЯ САТИРА БЕРНАРДА ШОУ НА АНГЛИЙСКИЙ „СОЦИАЛИЗМ"

Редакция «Известий» обратилась к Бернарду Шоу с просьбой высказаться по поводу англо-советских отношений после падения лейбористского правительства. Редакция «Известий» обратилась к Бернарду Шоу, как в искреннему другу Советской России, очевидно, упустив из виду, что он одновременно является одним из лучших сатириков мира. Итак, получился ответ[1], одинаково ценный и с политической, и с литературной стороны. Бернард Шоу — первоклассный сатирик не только тогда, когда он направляет свои стрелы против филистерства и ханжества английской буржуазии. Он оказался прекрасным сатириком, когда он в своем ответе дал великолепную картину убожества мысли, филистерства, национальной ограниченности лучших людей английской мелкой буржуазии.

Помещая свою сатиру в «Дейли Геральд», органе английской лейбористской партии, и желая ее вполне замаскировать, Бернард Шоу высказал опасение, что «Известия» не решатся перепечатать его «статьи». Редакция «Дейли Геральд», давая ее полностью, доказала, что автор великолепно умеет мистифицировать читателей; но мы убеждены, что этот номер «Дейли Геральда», попавший в руки более интеллигентных читателей, сразу разоблачил умысел блестящего сатирика и заставил публику сердечно посмеяться над г-ном Гамильтоном Файф, редактором «Геральда». Новая сатира г-на Бернарда Шоу стоит в десять раз выше «Святой Иоанны», ибо она берет своим предметом не религиозные предрассудки средневековья, а жи-

[1] См. приложение № 1, стр. 323.

вотрепещущие вопросы действительности. Говорят, что Бернарду Шоу очень не понравилась постановка «Святой Иоанны» в Камерном театре. Надеюсь, что я лучше схватил его идею, чем режиссер Таиров.

Бернард Шоу о комедии рабочего правительства Макдональда в Англии

Бернард Шоу начинает свою сатиру с утешения по адресу Советской России: «Не бойтесь Болдуина и Чемберлена, не бойтесь консервативного правительства, это — деловые ребята, Макдональд не решился даже посмотреть через забор, деляга Болдуин и лошадь украдет. Макдональд не решился дать Советской России займа, не решился действительно договориться с ней; если на Болдуина нажмут экономические факты, то он окажется достаточным «марксистом», чтобы сделать все политические выводы; укрепляйте только экономические сношения Советской России с остальным миром. Подождите, и Магомет сам придет к горе».

Разве можно себе представить более остроумную сатиру на английское лейбористское правительство, чем та, которая вышла из-под пера Бернарда Шоу? Представьте себе — Бернард Шоу, член рабочей партии, друг Макдональда, и он выходит и говорит английским рабочим: сближение с Советской Россией является одним из центральных вопросов мира, одним из центральных вопросов международного пролетариата. К счастью, экономические интересы английской буржуазии требуют укрепления сношений с Союзом Советских Республик. Макдональд и рабочее правительство могли принять бой по этому вопросу, если бы только имели смелость. И что же — они растерялись, струсили перед каморрой чиновников министерства иностранных дел и профессиональных отравителей общественного мнения из желтой печати. Болдуин, может быть, и посмеет украсть лошадь,— но эти трусы не смели даже взглянуть через забор, как же они могут вести вас на бой за освобождение от ига капитализма? Ведь тогда придется не только смотреть через забор, но и через баррикады.

По первому удару можно узнать гениального сатирика.

Про Моисея, Маркса, Уэллса и английских чудаков

Показав одним движением бровей, куда он собирается направлять свои стрелы, г-н Бернард Шоу пытается дать нам картину мировоззрения английской, с позволения сказать, социалистической интеллигенции. Он говорит нам: если вы хотите понять, откуда у нас берутся Макдональды, то посмотрите, откуда эти господа черпают свое мировоззрение.

«Вот вы, русские большевики, вы воспитывались на Марксе и Энгельсе. Маркс и Энгельс жили в Англии еще в эпоху до-империалистическую, когда английская империя не была так велика, как сегодня, когда капитализм делал свои первые шаги. Бедняга Маркс, не имея денег на почтовые марки, не имея денег на покупку газет, изучил в Британском музее всю историю капитализма, всю историю Англии, всю историю английской внешней политики; не было такого английского экономиста. которого бы он не знал, не было такого английского философа, которого бы он не изучал, не было такой тайны английской иностранной политики, в которую бы он не проник; у него были рваные штаны, он не мог ходить на файв-о-клоки к свободомыслящим бабам обоего пола английского общества, но в тишине своего кабинета он разузнавал все тайны капитализма и первой капиталистической державы. А Энгельс, принужденный заниматься коммерцией, изучил не только биологию, но и анатомию капиталистической Англии, и помогал своему великому другу в изучении всех подробностей механизма — великого аппарата эксплоатации мира — английской империи. А что поняла из Маркса и Энгельса английская, так называемая социалистическая так называемая интеллигенция? Хайдмэн пытался сделать из великого учения Маркса какой-то сборник мертвых рецептов, поваренную книгу революции, но не сумел связаться с живой работой массы. А Макдональды и Сноудены? Они нащупали живую струю английского рабочего движения,— но что же они могли внести в нее, кроме буржуазной мути? Имея за собой труд жизни Маркса, они учились экономике у Маршала и Джона Стюарта Милля, который рассказывал, что конкуренция убьет мо-

нополию; они учились социологии у Спенсера, последнего потомка Робинзона Крузо, а философией начитывались у попов,— что же из этого получилось? Сегодня г-н Уэллс считается у этих людей великим мыслителем, потому что состряпал историю человечества от Питекантропус Эрректус до Макдональда. Большой том, в нем есть все —и про каменный век, и про великого Могола, и про королеву Викторию. Но какую же науку дает человечеству этот историк, состряпавший великолепную мешанину из селедки, сбитых сливок и шотландского виски? «Маленький» Коммунистический Манифест на 20 страничках дал историю человечества, не только ту, которая была, но и ту, которая будет, дал клич человечеству, осветил прожектором всю будущую его историю. И вы, большевики, держа в руках факел Маркса, сумели увидеть, как конкуренция рождает монополию, как обостряются классовые противоречия, как они приводят к мировой войне и к мировой революции. А все эти Макдональды и Сноудены, вооружившись книгами Уэллса, со своими руководствами «конструктивного социализма» и крохоборческими тетрадками фабианцев под мышкой, ожидали смягчения классовых противоречий, врастания капитализма в социализм, эры мира, проникновения либерализма социализмом. Когда пришла мировая война, они испугались грохота орудий, проливали слезы над пролитой кровью, не умея научить рабочих, как скинуть ярмо класса, который бросил английский и мировой пролетариат в пасть войны, который гнал уэльских углекопов к пустыням Кут-эль-Амара, к могилам Галлиполи, к лесам Архангельска и к тундрам Сибири. Часть их, напуганная войной, еще более проливала слезы, другая, еще больше испугавшись революции, бросилась на колени перед Молохом и сама приносила ему жертвы. Я, Бернард Шоу, Маркса не изучал, но вы помните, как я разоблачал войну в моих «Героях»? Если вы думаете, что я писал только про болгаро-сербскую войну, то прочтите мои статьи в начале войны «О британском льве над пропастью», или мой памфлет перед версальской конференцией. А они ничего не поняли! Смеются над Марксом, как над чудаком эпохи королевы Виктории, и не понимают, что смеются над собой. Г-н Уэллс написал книгу «Мистер Бритлинг и война», а он мог ведь написать еще луч-

шую — «Мистер Пиквик, социализм и война»; и эти чудаки, эти трусы мысли и герои фразы, они смеются над вами, смеются над молодыми английскими коммунистами, которые хотят овладеть единственным оружием, которым можно убить английскую буржуазию,—и называют их русскими курсантами! Ослы, которые не понимают, что всю жизнь были только учениками воскресных школ английской буржуазии».

Все это говорит Бернард Шоу с неподражаемым искусством. Автор делает из себя самого героя мещанско-социалистической комедии ошибок, он говорит от имени интеллигентского английского филистера, чтобы высказать последнюю его мысль так ярко, как никогда не сможет ее формулировать никакой Макдональд, Сноуден, Вэбб и Уэллс, которые трусят даже тогда, когда высказывают свои трусливые мысли.

Факты, которые существуют и которые не должны существовать

После этой искрящейся брильянтами юмора сатиры на мировоззрение «социалистической» интеллигенции Англии, Бернард Шоу дает в новой постановке картину, которая часто развертывается в его сатирах. Бернард Шоу — ирландец, и поэтому он лучше, чем кто либо другой в Англии, знает и высмеивает английский эго-центризм, иными словами английскую способность считать себя пупом вселенной, не иметь никакого отношения к внешнему миру и требовать, чтобы внешний мир имел только одно отношение к Англии, а именно — отношение поклонника и раба. В одной из своих драм Бернард Шоу выводит молодого англичанина из хорошей семьи, который после окончания университета отправляется путешествовать по Европе. Как известно, молодой англичанин из хорошей семьи надел бы фрак к столу, даже если бы попал не необитаемый остров и обедал один. На на корабле, садясь за обед с немцами, он садится в пиджачке. На вопрос своего гувернера, почему он не придерживается добрых английских обычаев, молодой человек заявляет: «ведь я буду обедать с иностранцами». Остроум-

нейший австрийский писатель и политик Перперсдорфер рассказывает, что однажды на Дунае встретил молодую англичанку и, как галантный человек, предложил ей свои услуги, мотивируя это тем, что она, как иностранка, наверное нуждается в помощи. Бойкая английская мисс ответила ему: «я — иностранка? Нет, это вы — иностранец». Раз Англия есть пуп и средоточие мира, то значит, все прочие, к ней не принадлежащие, являются иностранцами. Но англичанин — нигде и никогда не бывает иностранцем. Однажды меня навестил молодой, но очень толковый английский дипломат, который долго жил в России и вообще бывал за границей; он удивлялся тому, что надо брать пропуск для того, чтобы попасть в Кремль, а Кремль, как известно, местопребывание нашего правительства. Когда я спросил его, смогу ли я попасть в Букингэмский дворец или на Даунинг-стрит прямо с улицы, без всякого разрешения, он посмотрел на меня непонимающими глазами: как можно сравнивать то, что полагается в королевском дворце в Англии или в здании английского правительства, с тем, что требуется в Кремле? Для англичан существует два рода фактов: те, которые существуют в Англии, и те, о которых известно, что они существуют где-то в других странах. Перед английскими фактами, будь это хотя бы дурацкий парик председателя палаты, надо преклоняться, а все прочие факты надо считать несуществующими, и если они хотят существовать, то пусть падут на колени перед многоуважаемыми английскими фактами, и тогда, может быть, будут милостиво замечены. И вот Бернард Шоу всю жизнь бичевал и высмеивал этот английский рабовладельческий нрав, воспитанный веками. В своем письме в «Известия» он хочет доказать, что и английская так называемая социалистическая интеллигенция так же, как и вся английская буржуазия, заражена великодержавной высокомерностью и тупостью. Как интересно он ее разоблачает!

Шоу от ее имени говорит по адресу Советского Союза и Коммунистического Интернационала: «Господа русские коммунисты, бросьте вы Коминтерн, ведь это — вздор из кинематографа. Какая вообще возможна мировая революция?

Вы сделали революцию в громаднейшей стране, но этот

факт весит меньше того неудовольствия, которое ваша революция возбуждает в английских лордах! Как же вы хотите жить, если наши лорды не соблаговолят на это согласиться. В интервенции сплоховали, не задушили вас. Но не убили пулей, так убьют фунтом. Не рыпайтесь, смиритесь, подчинитесь. Перестаньте путаться с разными Коминтернами и держитесь как приличные люди. Что? Вы говорите, что Коминтерн не имеет ничего общего с Советским правительством? Ну, хорошо, кто в этом разберется,— но зачем вам даже частным порядком путаться с Коминтерном, ведь это не серьезное дело — мировая революция... бросьте рассказы из старых романтических памфлетов или сенсационных кино. Вы говорите о революции в Китае, говорите, что 400 миллионов людей выходят на широкий исторический путь, потрясают мир; да, об этом болтал даже наш ученый Бертран Рессель и наш умница Уэллс, но писатель пописывает, читатель почитывает. Но наши лорды, кроме некоторых выродков, ничего не читают, поэтому их мировая революция не касается. Разве мы не держим в повиновении 300 миллионов индусов? Придет время — запретим и китайскую революцию. Вот — египтяне затеяли штуку, хотели доказать английскому империализму, что существует египетская революция. Чем это кончилось? За одного английского офицера им пришлось уплатить 5 миллионов рублей, хотя офицер этот даже не был лордом. Вдобавок, потеряли Судан,— вот что им досталось от революции. Существуют только английские факты, факт английского могущества, все прочее — чепуха, романтика и кинематограф. Реальный политик не считается с романтическими бреднями, но ползает на брюхе перед английским империализмом».

Читатель подумает, что тут сатирик Бернард Шоу несколько преувеличил? Ничуть не преувеличил. Вся английская так называемая «социалистическая» интеллигенция воспитана в преклонении перед английским империализмом. Она чтит его даже тогда, когда думает, что с ним борется. Мне приходилось воевать с приятелем г-на Бернарда Шоу, г-ном Макдональдом, на известной конференции трех Интернационалов. Когда он выдвинул там программу освобождения русских окраин, как социалистическую программу, и я его спросил, почему он забыл Египет

и Индию, он публично ничего не ответил, но за обедом признался, что англичанину очень трудно освободиться от мысли, что то, что лежит в английском животе, лежит хорошо. Придя к власти, г-н Макдональд начал умножать пищу для английского живота, забрасывая удочку в Южную Персию и подготовляя интервенцию в Китае. Нет, Бернард Шоу совсем не преувеличил. Его сатира бьет прямо в глаз эти круги английской социалистической интеллигенции, воспитывающей английский пролетариат в глубочайшем почтении к английскому империализму.

Коммунизм для миллионеров

Бернард Шоу написал когда-то памфлет под заглавием «Социализм для миллионеров», теперь он его повторяет в своем остроумнейшем ответе «Известиям», выступая от имени английской социалистической интеллигенции: или русская революция преклонится перед английским империализмом и отвернется от мировой революции, или... русская революция будет иметь такое влияние на своих «западно-европейских друзей», какое имеет Мадагаскар на русскую революцию. Пусть читатель присмотрится, как великолепно Бернард Шоу подражает всему ханжеству английской буржуазии; когда в английском парламенте один депутат хочет сказать другому, что тот стащил серебряные ложки и дал себя подкупить, то всегда начинает свою речь с обращения к своему «многоуважаемому другу». Г-н Бернард Шоу приказывает своим Макдональдам и Сноуденам выступать в качестве друзей Советской России, хотя великолепно знает, что они больше ненавидят Совстскую Россию, чем капитализм. А чего стоит его сатирическая идея коммунизма для миллионеров, идея, что можно создать такой коммунизм и такую Советскую Россию, которая была бы приятна г-ну Керзону? Тут Бернард Шоу поднимается до высоты великого Свифта. Помните его «Письма суконщика»? В его время в Ирландии миллионы детей погибали от голода. Как им помочь? Если бы Свифт просто закричал: «Спасите ирландских детей!», то его воззвание прочли бы, быть может, только несколько сентиментальных английских дам. Но гениальный сатирик

Свифт написал памфлет, в котором доказывал, что очень убыточно позволять гибнуть миллионам детей! Он высчитал, сколько будет стоить подкормить их до семи лет, потом зарезать и вывезти их мясо в соленом виде. Еще сегодня, когда читаешь его памфлет, дрожь пробегает по телу. Бернард Шоу не мог сказать своим тупоумным мещанам: русские рабочие и крестьяне сделали первый шаг к царству труда, к великой новой исторической эпохе, на них нажимает английский империализм, но во всем мире медленно, постоянно растут силы рабочего класса; передовые рабочие неуклюже учатся по русским шпаргалкам азбуке своего освобождения. Ничего,— они сначала подражают русской революции, потом научатся делать ее сами. Английский империализм — твердыня мирового капитализма — трещит по всем швам, даже народы Азии и Африки охвачены движением. Пусть русские коммунисты считаются с реальностями сегодняшнего дня, но пусть уповают на реальности завтрашнего. Английский империализм хочет их задушить, мы им поможем, для этого надо бороться с предательством, тупоумием и лакейством Макдональдов, Сноуденов, Уэббов... Шоу не мог говорить таким языком — его воззвания не напечатал бы «Дейли Геральд». Поэтому он, как Свифт, прибег к сатире, и в своем лице дал облик тупоумного английского интеллигентного социализма, чтобы сказать: смотрите, вот как выглядят те, которые хотят выступать в качестве вождей английского пролетариата!

Пост-скриптум. Социал-демократическая печать всех стран, забыв, что имеет дело с гениальным сатириком, приняла всерьез то, что Шоу говорит от своего имени. Я в это не верю ни на один момент. Но если бы это было так, то это бы только увеличило художественную ценность произведения Бернарда Шоу. Самые лучшие шутки — невольные шутки, самая гениальная сатира — это авто-сатира, когда сам автор не понимает, что пишет страшную сатиру. Такие случаи редки в литературе, но они — самое ценное изображение эпохи. Нам было бы жаль политика Шоу, если бы утверждение социал-демократической печати отвечало действительности, но как сатирический документ его письмо от этого только бы выиграло.

25 декабря 1924 г.

Уроки марксизма для господина Л. А. УРКАРТА

Многоуважаемый господин Уркарт!

Прочитав ваше письмо[1] в редакцию «Известий», я почувствовал всю тяжесть нашей вины перед вами. До чего же довели мы вас нашим оттягиванием договора с вами!

Чтобы Лесли Андреевич Уркарт взялся за Маркса, изучал его по английским и русским переводам!

И после этого удивляемся, что вся английская печать кричит об ужасах большевистского террора!

Капиталисты всего мира эксплоатируют рабочих в продолжение сотен лет, но ни одному из них еще не пришлось в наказание изучать Маркса. А вы, чтобы открыть себе путь на Киштым, должны заниматься таким ужасным чтением. Но чувство вины перед вами все-таки не освобождает меня от обязанности сказать вам, что вы сделали не больше успехов в изучении марксизма, чем я — в изучении английского языка. Сколько раз я ни пытался разговориться в Лондоне по-английски с вашим бобби,— он всегда указывал мне на второго полицейского, говорящего... по-французски. Но раз вы взялись за уроки марксизма, то продолжайте эту работу, может быть, она даст лучшие результаты, чем ваши переговоры с советским правительством. Я, со своей стороны, попытаюсь указать вам, в чем состоят ваши ошибки в первых ваших шагах на поприще марксизма.

Вы исходите из несомненно марксистского положения, что политическое устройство данной страны в данную эпоху определяется преобладающими способами производ-

См. приложение № 2, стр. 326

ства и обмена и вытекающим отсюда социальным строем. Из этого вы делаете вывод, что никакое правительство не может навязать избравшей его стране такое соглашение, которое противоречит существующему в этой стране социальному строю. Оба эти положения правильны. Но какие вы из них делаете выводы? Первый вывод состоит в том, что заключенный лейбористским правительством Англии с советским правительством договор, который гарантировал займы, предоставленные Союзу Советских Республик английскими банками на случай, если эти последние договорились бы с советским правительством насчет долгов и возмещений убытков, противоречит социальному строю Англии и поэтому не мог быть проведен в жизнь. Ваш вывод вы совсем не пытаетесь обосновать; ибо ваше замечание, что деньгами в Англии распоряжается не правительство, а капиталисты, совсем не доказательство вашего утверждения о противоположности между социальным строем Англии и договором. Ведь договор не обязывал английских капиталистов давать нам деньги. Вам незачем напоминать господину Макдональду, что завладеть стульями на Даунинг-стрите еще далеко не то же самое, что завладеть сейфами в Сити. Пропагандой этой мысли заняты английские коммунисты, и незачем вам соперничать с ними. Договор просто облегчал банкам заем в случае, если бы было достигнуто соглашение по другим спорным вопросам. С какого это времени облегчение деятельности банкиров английским правительством противоречит социальному строю Англии? Если английские капиталисты опрокинули рабочее правительство Англии, то не потому, что боялись, что договор потрясает основы социального строя в Англии, а потому, что думали, что рабочее правительство, зависящее от рабочих масс, недостаточно решительно будет потрясать социальными основами других стран, в первую очередь СССР, Китая и колониальных народов. Ибо и вы, несмотря на пройденный вами геройски курс марксизма, и другие ваши собратья, которые марксизма не изучали, только по отношению к Англии считаете, что никакое правительство, как бы оно ни было сильно, не в состоянии навязать своей стране внешней политики, противоречащей основам ее социального строя. По отношению, например, к России, вы не придер-

живаетесь этого марксистского принципа. Вы заявляете, что «советскому правительству, если оно серьезно намерено привлечь иностранный капитал в Россию, по необходимости придется сообразоваться с этими, ему хорошо известными условиями (которых добивается международны капитал), хотя бы и ценой отказа от тех или других принципов, которые лежат сейчас в основе социального устройства России». Вы, таким образом, из марксистского положения — внешняя политика всякой страны связана с ее социальным строем — делаете исключение для России. Вы, очевидно, считаете, что советское правительство так сильно, что оно все может,— даже отменять законы марксизма. Это нелогично, господин Уркарт. Но вы ответите, что это противоречит только формальной логике, а ведь мы, марксисты, т. е. вы и мы, стоим не на почве формальной логики, а на почве диалектики? Посмотрим на ваши диалектические доводы в пользу изъятия СССР из-под влияния законов марксизма, вами признаваемых.

Вы цитируете место из «Коммунистического Манифеста», в котором наш общий великий учитель говорит о стремлении капитала создать мир по своему образу и подобию. Вы указываете, что буржуазия разбивает дешевизной своих товаров все китайские стены отсталости, привлекает варварские народы в лоно цивилизации, что «точно так же, как она поставила деревню в зависимость от города, она поставила нецивилизованные и полуцивилизованные страны в зависимость от цивилизованных наций, крестьянские — от наций городских, Восток — от Запада». Этот марксистский закон безусловно правильно представляет тенденции мировой буржуазии и капиталистического строя к эксплоатации мира. Но, чтобы быть диалектиком (а вы претендуете на это), надо знать не только те тенденции, которые мог видеть гениальным своим взором Маркс в 1848 г., но и те, которые без гениальности, простыми глазами, можете увидеть теперь и вы, не выходя даже из стен банков в Сити. Разве вы не заметили за последние несколько десятков лет, во время которых вы имели столько дела с презренным нецивилизованным или полуцивилизованным Востоком, что не только капитализм стремится завладеть Востоком, но и Восток стремится освободиться от господства западно-европей-

ского капитализма. Я думал, что, по крайней мере, русско-японская война 1904 г. должна была открыть глаза всем западно-европейским капиталистам на этот факт. Но после этой войны мир пережил русскую революцию 1905 г., турецкую и персидскую революции 1908 г., китайскую революцию 1912 г., громадный ряд колониальных восстаний, русскую революцию 1917 г. и новую полосу революционных потрясений от Тихого океана до Средиземного моря. И в первую очередь вам, английским капиталистам, Восток вдалбливает, как бы дубиной, в голову науку об этой тенденции мирового развития.

Ваш марксизм, господин Уркарт, марксизм начетчика, который зубрит цитаты, но не умеет при помощи марксистского метода изучать живую действительность. Это явление окостенения марксизма очень часто наблюдается в Англии. Благодаря тому, что в вашей стране с XVI века, когда вы так хорошо отрезывали головы королям, что наш батюшка Иван Грозный должен был обидеться и прогнать посланника такой неблагородной нации,— вы никаких революций не делали, и практический мозг англичанина поэтому сделался неспособным к гибким обобщениям. Он или тонет в практическом крохоборстве, или хватается за общие формы, делает из них, этих орудий мышления, закостенелые формы. Примером практического крохоборства могут служить только что справедливо устраненные вами министры господина Рамзея Макдональда — господин Сноуден и господин Вебб. Примером же начетчиков может служить старик Хайндман. Чтобы избежать крохоборства Веббов, вы сделались учеником чудака Хайндмана. Не умеете вы пользоваться орудием марксизма для изучения новой жизни. Эта методологическая ошибка не позволяет вам осмыслить даже собственный опыт.

Руководствуясь марксовой идеей о том, что капиталистический строй подчиняет себе страны полуцивилизованные, что Запад стремится к господству над Востоком, вы подготовляли это подчинение при помощи архангельской экспедиции, при помощи Колчака и Деникина. Вы применили при этом весь старый ваш опыт, приобретенный в Индии, который так интересно описывает профессор Силли в своей поучительнейшей для русских книге об экспансии Англии. На вопрос, как случилось чудо, что ма-

ленькая горсточка англичан завоевала необъятный индийский континент, профессор Силли отвечает, что Англия это сделала, используя разобщенность Индии, различия интересов между махараджами и низкими райя. В 1918 г. вы попытались завладеть Россией, убеждая русских махараджей, что делаете это для восстановления их, а не английского господства. Чем же кончилось дело? Презренный райя, русский крестьянин, под руководством рабочих, прогнал белых, а вы не имели достаточно сил, чтобы бросить на Россию миллионы собственных солдат. Вы обанкротились, господин Уркарт, предоставили Колчака своей собственной участи и вернулись в Англию ни с чем. Банкрот, который понимает причины своего банкротства, еще не погибший человек. Действительное банкротство начинается только там, где банкрот начинает фантазировать, ищет утешения в сладкой иллюзии о чуде, которое его спасет и вернет ему потерянные позиции. Ведь для того, чтобы сделать Советскую Россию колонией, надо ее завоевать или штыком, или петлей голода, или петлей золота. Штыков у вас нет, с голодом мы справляемся, а ваша золотая петля не так уж длинна, чтобы вам удалось набросить ее на шею Советской России.

Вы с большим удовольствием цитируете место из Карла Маркса, в котором он называет Англию деспотом мирового рынка. Удивительно, как вам, гражданину свободной демократической Англии, понравилось название «деспота» да еще международного рынка! Но, извините, господин Уркарт, за мою неделикатность, вспоминая это названис Маркса, которым он совсем не хотел польстить капиталистической Англии, вы уподобляетесь старой даме, которая с большим удовольствием вспоминает комплименты, которые когда-то пели ей на ушко кавалеры. Если эта Пиковая дама со вздохом вспоминает увядшие любезности, как вспоминает хорошее прошлое, то это есть дань слабости человеческого сердца; но если эта дама захочет на основании старых комплиментов предпринять решительные шаги по отношению к молодым людям, то это будет нелепость, которая может больно ударить по сердцу сентиментальной дамы и привести к неприятным практическим последствиям. Я знаю, что вы, как глава «Russian Asiatik» и как член английского капиталистического об-

щества, находитесь в незавидном положении. Я бы не хотел ранить ваше сердце, но долг человека, взявшего на себя задачу исправлять ваши немарксистские уклоны, принуждает меня сказать, увы! (не для мира — для вас, господин Уркарт), что Англия уже не деспот мирового рынка. Это было давным-давно, в вашей манчестерской юности, когда на небосклоне светили звезды Брайта и Кобдена и когда хлопчатобумажные фабриканты Англии считали себя мастерской всего мира, а весь мир—своим поставщиком сырья. Эти времена давным-давно миновали. Ведь вы бросились в войну с Германией, чтобы устранить молодую соперницу, вы ей выцарапали глаза, но ваша дочка, Соединенные Штаты Америки, так выросла, что вам нельзя с ней показаться в обществе без того, чтобы даже самые слепые не сообразили, насколько перезрела ваша красота. Говоря без поэтических сравнений, которые я сделал только для того, чтобы позолотить вам горькую пилюлю, вы дьявольски отстаете, господа английские капиталисты. Капиталистический организм Англии болен во всех частях: вас душит астма, у вас болит и индийский живот, и спинные нервы Суэца; у вас расстройство всей нервной системы, поэтому-то ваши канадские и австралийские конечности делают самопроизвольные движения, и только ваш рот попрежнему остался прожорливым и руки протягиваются к новой пище, но не в состоянии донести ее до рта. Вам надо лечиться, консервироваться, но не надо думать о новых завоеваниях на Востоке. Даже если бы вам удалось проглотить какой-нибудь крупный кусок, вы подавились бы им, или у вас его вырвала бы одна из собак покрепче и помоложе. Изучение марксизма могло бы иметь большое гигиеническое значение,— чтобы не говорить о медицинском — для вашего господствующего класса.

Но я не хочу у вас оставлять сомнений насчет одного пункта, поднятого вами: в последней части вашего письма вы указываете нам на цитату из Маркса, в которой он говорит, что французская революция 1848 г. не могла победить в национальных рамках, без революционной войны, ибо Англия господствовала на мировом рынке. Из этого вы делаете вывод, что Советская Россия должна признать, что если мировая революция не победила в первые годы

после войны, то надо пересмотреть основы советской политики, не полагаться больше на помощь революционного Запада, а итти на капитуляцию перед капиталистической Европой. Я знаю, что вы очень прилежный читатель «Известий» и «Правды». Поэтому надеюсь, что уже после написания своего письма вы со вниманием, которое подобает молодым студентам, изучающим марксизм, читали большую дискуссию о перманентной революции, которая ведется в наших партийных органах. Эта дискуссия должна была объяснить вам, что мы, изучая опыт семи лет существования Советской России и мирового развития, пришли к убеждению, что многие из нас не по-марксистски упрощали действительность. Да, мировая революция не победила еще, но она достаточно расшатала мировой капитализм, чтобы не позволить ему итти на нас войной. Это дает нам очень большую передышку. Мы, например, читаем теперь грозные речи вашей консервативной печати, мы слышим даже, что господин Чемберлен подбивает побряка Эррио на создание Священного Союза против нас. Мы из осторожности будем принимать контрмеры, но я по секрету извещу вас, что хоть и страшен сон, да милостив бог,— и мы, по немецкой пословице, думаем, что «никто не ест суп таким горячим, как его варят». Вы нас несколько шантажируете, т. е. не вы, господин Уркарт, лояльнейший друг Советской России, который с нами ссорится только из непонимания марксизма,— но консервативное правительство Англии и стоящие за ним промышленные и финансовые круги. Но мы народ не очень пугливый. Страна у нас громадная, обильная, только порядка в ней нет,— говорили когда-то наши поэты. Но ведь мы порядок вводим, варягов не ждем,—и если бы они явились без приглашения, встретили бы их, как следует,— и надеемся доказать, что можно даже при медленно развивающихся силах мировой революции,— а она развивается,— зря вы впадаете в каутскианство и прикрашиваете в капиталистическом смысле мировую картину,— не только удержать власть в руках рабочего класса, но и использовать эту власть для медленного, но постоянного развития социализма. Когда-то идеологи молодого английского капитализма были убеждены, что достаточно одинокому английчанину с секирой и бочкой пороха попасть на необита-

емый остров, чтобы там своими двумя голыми руками создать порядочное капиталистическое хозяйство. Вы, наверно, читали «Робинзона Крузо» — не в пересказах для детей, а в оригинале, как его писал гениальный Дефо. Помните, как Робинзон, только что захватив Пятницу, научил его называть себя лордом, и какое великолепное хозяйство он завел. Я очень часто перечитываю прекрасное сочинение Дефо, ибо оно есть образчик бодрости духа молодого класса, создающего новый строй. Я не хочу сказать, что мы наших Пятниц будем учить называть нас лордами,— мы их научим смотреть на нас, как на товарищей, но будьте уверены, что от этого развитие их работоспособности не пострадает. Ведь все ваши великие экономисты, начиная от Адама Смита и кончая Джоном Стюартом Миллем, учили нас, что рабство является самой плохой производственной системой. Но вы, быть может, скажете, что мы живем не на необитаемом острове, что нам не позволят медленно, но постоянно строить социализм наши кровожадные соседи. Вы забыли Дефо! Ведь и Робинзона хотели не только покорить, но скушать в буквальном смысле этого слова! Хотя вы, англичане, и островитяне, но я надеюсь, что вы более гуманны, чем людоеды диких Карибских островов, и кушать нас не собираетесь. А если бы вы нам сказали, что вы хотите еще раз попробовать русского блюда, то вы бы только напомнили нам одну мисс, которая однажды хвастливо заявила в обществе, что «она хотела бы еще раз побывать в Ницце». Когда же ее спросили, была ли она там прежде, мисс ответила: «нет, я только уже один раз хотела»! Вы хотели, господин Уркарт, но не советуем вам хотеть в другой раз, зубы у вас ослабели от первого хотения.

Лекция сделалась чересчур продолжительной, это плохо с педагогической точки зрения. Я ее прерываю в надежде, что вы будете продолжать ваше штудирование марксизма. Очень советую, если вы мне это позволите, читать не только Маркса, но и Ленина, ибо марксизм в эпоху империализма и мировой революции, обогащенный опытом и новыми явлениями, принял форму ленинизма. Люди, которые в эпоху империализма и мировой революции хотят остановиться на Марксе, делаются каутскианцами, каутскианство же является формой промежуточной, на нем

нельзя удержаться, и каутскианцы, обыкновенно, скатываются к вульгарному либерализму. О вас же знаю, что вы никогда либералом не были, и нет никакого смысла вам возвращаться к этим отжившим свой век идеям. Если вы будете продолжать ваше изучение марксизма и поймете, что нельзя из Советской России сделать колонию, то мы когда-нибудь договоримся и будем очень рады увидеть в вас своего красного директора, объединяющего марксистское и ленинское образование с большим хозяйственным стажем.

Если же, не преодолев мелкобуржуазного индивидуализма, вы захотите работать в России в качестве концессионера, то я охотно побеседую с вами на тему о модусе вивенди социалистического и частного хозяйства. Это могло бы составить вторую часть уроков прикладного марксизма. Но нельзя на втором уроке все возвращаться к уже пройденным вопросам, например: о колониях, об экспансии капиталистического Запада, варварском Востоке и т. п. Такие повторения необходимы только при уроках с очень малоразвитыми детьми.

С глубочайшим почтением преданный вам

Карл Радек.

P. S. Если вам понадобится помощь при изучении марксизма-ленинизма, я со своей стороны изъявляю готовность в любое время приехать в Англию в качестве вашего гувернера.

Надеюсь, что консервативное правительство, которое ровно два года назад отказало мне в разрешении на въезд, теперь визу даст. Ведь вы не боитесь больше мировой революции!

К. Р.

1 января 1925 г.

ГЕРОИ МЕДНОГО ЛБА

Героя я ищу... Не странно ль это,
Когда у нас что месяц, то герой!
Его возносит каждая газета;
Затем, увы! является другой,
Чтоб доказать непостоянство света.

Байрон («Дон-Жуан»).

Годы и годы ищем мы с фонарем в руках во всем буржуазном мире героя. Ищем его не из потребности в героях, а потому, что нельзя поверить, чтобы возможен был социальный строй, который не имеет ни одной идеи и ни одного олицетворяющего ее человека. А мы, борцы против капитализма, наученные жизнью, наученные великим нашим учителем не зарываться, все говорим себе — капиталистический мир еще не погиб, капиталистический мир будет преодолен только в долгой, тяжелой борьбе; и с осторожностью, необходимой борцам, из боязни преувеличить шансы и темп победы, мы все еще говорим себе: надо еще считаться с капиталистическим строем, хотя он подорван и потрясен... Но где же его герой? Герой не на час, герой не на месяц газетной шумихи, а человек, олицетворяющий хотя бы борьбу капиталистического строя против новой жизни, которая рождается в его недрах. Но все попадаются нам герои, которых не успеешь почувствовать, как они уже лежат в клоаке истории.

Кто вспомнит сейчас о Клемансо иначе как с пожатием плеч: железный чудак с бредовой идеей. Кто вспоминает Вильсона, не припоминая одновременно со смехом его пасторские проповеди и грабительские дела? Кто, вспоми-

ная лису Ллойд-Джорджа, может выдумать хотя бы один принцип, которому он служит? И, наконец, мы нашли героя! Его родила самая сильная из капиталистических держав Европы — Англия. Он воспитывался в семье, в которой с детских лет прислушивался к мыслям о завоевании мира. Он рос в кругу величайших идей, которые способен был выдвинуть капиталистический мир на своем закате, идей о создании великой империи соединенным гением английских предпринимателей, он рос в тени человека, имя которого записано в книгах современной капиталистической истории, если не золотыми, то во всяком случае кровавыми буквами. Читатель еще не догадывается, о ком идет речь? Речь идет о теперешнем министре иностранных дел, о г. Чемберлене. Что сделало его нашим героем? Даже внимательный читатель знает о нем только то, что он получил от своего отца в наследство, кроме банковских чеков, монокль и любовь к хризантемам; кроме того, был много раз неудачным министром. В чем же дело? О его подвигах говорит в своем интервью т. Чичерин[1]. Тов. Чичерин в качестве комиссара иностранных дел должен сдерживать узду своего литературного таланта. Он обязан говорить сдержанным, сухим языком о подвигах г-на Чемберлена. Но мы можем ударить в литавры. Г-н Чемберлен безусловно герой.

Он герой медного лба.

Подумайте только! Г-н Чемберлен — один из вождей партии, руководящей величайшей империей мира. Для того, чтобы пробраться к власти, эта партия подделывает документ. При помощи этой подделки она поднимает на ноги все отсталые элементы в стране и въезжает в ворота власти на краденом коне. Подлог обнаружен. Когда маленький офицер французского генерального штаба Эстергази, чтобы погубить Дрейфуса, состряпал подложные документы и был в этом обличен, он перерезал себе бритвой горло.

Но в жилах г-на Чемберлена течет римская кровь. Ему ничто не страшно. Он назначает комиссию для расследования подлога собственной партии. Он не в состоянии представить этой комиссии ни оригиналов документа, ни

[1] См. газету «Правда» от 4 января 1925 г.

фотографических снимков, ни даже указать того, кто видел эти оригиналы. Ничего. Г-н Чемберлен — мужественный потомок англо-саксонских владык; ему не страшен бой с правдой. Он заявляет в парламенте спокойно, ясно, отчетливо, с лицом джентльмена, что о поддельности документа не может быть и речи. Советское правительство предлагает английскому джентльмену арбитражный суд. «Хотя вы и сильны, но все-таки непристойно портить отношения двух великих держав подлогом. Вам подлог этот послужил, многоуважаемый джентльмен, теперь можете от него отказаться. Выйдет даже красиво, что вы признаете, что были введены в заблуждение». Но г-н Чемберлен имеет геройское мужество.Он переходит в наступление, он не может итти на арбитражный суд, ибо кровожадные большевики убьют его свидетеля. «Слушайте, слушайте! (на скамьях английской палаты), как благородна Англия! Есть, наконец, случаи в истории, когда английский империализм соглашается навлечь на себя обвинение в наглом подлоге, только бы спасти жизнь человека!» Советское правительство идет наперерез неожиданному благородству г-на Чемберлена. Оно гарантирует неприкосновенность его свидетелей. Но г-н Чемберлен берет наскоком Эверест мужества и заявляет: нет!

Мы перелистали книги по истории дипломатии и сказали себе: вот это герой. Буржуазная дипломатия жила не только ложью, но и убийством из-за угла. Английская дипломатия имеет в этой области прекрасные странички. Вспомните только почтенного представителя Англии в Норвегии, который во время войны подготовлял убийство ирландского вождя сэра Роджера Кезмента... Но никогда это не делалось с таким цинизмом, с такой наглостью, с таким отрицанием даже ханжества, этой единственной добродетели английской буржуазии! Г-н Чемберлен побил рекорд. Мы склоняем голову с признанием. Никто не посмеет теперь утверждать, что Великая Британия не имеет своего героя.

Но наши читатели, воспитанные не на карлейлевом почитании героев, а на марксовом историческом материализме, скажут: какой это героизм, какой герой, просто мошенник! Мы отвечаем в защиту нашего героя: это герой их времени. Всякая эпоха имеет героя, которого заслуживает. Английская буржуазия перестала быть классом, созда-

ющим что-то новое. Она лежит на своих мешках золота и дрожит. Ее главный импульс — это боязнь. Нельзя мобилизовать полмира во имя того, что дрожишь за награбленное. Поэтому они говорят о защите цивилизации. Но их цивилизация такая, что нельзя ее защищать иначе, чем ложью, наглой, беззастенчивой ложью, и поэтому вся их антибольшевистская пропаганда построена на лжи — на лжи о национализации женщин, на лжи о распаде России, на лжи о большевистской тирании. Г-н Чемберлен этот принцип и метод защиты английской буржуазии довел до геройства. Может быть, в частной жизни он совсем не врет, но это только увеличивает его героизм как государственного человека. Он возложил на алтарь английского империализма даже свою честь.

Морской волк Нельсон, прекрасный памятник которого украшает Трафальгар-сквер, был мастером вранья. Г-ну Чемберлену должны заживо поставить памятник настолько выше колонны Нельсона, насколько концентрированная, сознательная государственная ложь Чемберлена выше обыкновенного вранья морского волка.

4 января 1925 г.

В ЗАЩИТУ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Мутная, желтая вода клеветы бьется о стены социал-демократической твердыни. Она пробует смыть вал из восьми миллионов рабочих избирателей, возведенный кропотливой работой вождей германской социал-демократии для защиты германского капитализма. Мы говорим об использовании дела польско-еврейско-голландско-германских спекулянтов братьев Барматов, в целях опозорения таких борцов международной социал-демократии, как президент республики Эберт, бывший рейхс-канцлер и вождь профсоюзов Бауэр, председатель германской социал-демократии и член исполкома II Интернационала Вельс, председатель социал-демократической фракции прусского ландтага Гайльман. Они познакомились во время войны с руководителями торговой фирмы Бармат в Голландии, куда ездили на заседания бюро II Интернационала. Но братья Бармат были членами голландской социал-демократической партии, в их доме помещалось бюро Камилла Гюисманса, секретаря II Интернационала. II Интернационал представляет собой федералистическую организацию. Как же могли главари германской партии заниматься расследованием: жулики ли все четыре брата Бармат, или просто честные рядовые члены голландской социал-демократической партии, занимающиеся, между прочим, и коммерцией. Убедившись в коммерческом таланте братьев Бармат, Вельс, Бауэр и другие помогали им получить, несмотря на разницу вероисповеданий, большие заказы на поставки свиного сала для изголодавшейся во время войны Германии. Но разве социализм требует, чтобы дело снабжения народа было вверено обязательно тупоумному бюрократическому аппа-

рату, унаследованному германской республикой от кайзера? Да, прусский министр, социал-демократ Зеверинг и начальник секретариата Эберта социал-демократ Крюгер помогали братьям Бармат перенести центр своей деятельности и самим перебраться в Германию. Но разве Германии, которая не хотела социализировать нищету по примеру большевиков, не нужны были крупные коммерческие таланты для развития производительных сил страны, без которых нет социализма? Да, Гайльман и Бауэр приняли посты членов контрольных комиссий в акционерных предприятиях Бармата. Но разве изучение тайн торговли и промышленности вождями пролетариата не является предварительным условием планомерной социализации в будущем? Да, они не сразу проникли в эти тайны, не заметили мошеннических проделок Барматов,— но разве сам Ленин не говорил, что пролетариат учится на своих ошибках? Да, они широко пользовались гостеприимством дома господ Барматов,— но разве социализм есть аскетическое учение об отказе от доброго жаркого, от хороших вин и тонких сигар? Да, президент берлинской полиции, социал-демократ Рихтер, вместе с женой и сыном Бармата поднес спекулянту Бармату золотой портсигар, украшенный прочувствованной дружеской надписью. Но эта папиросница, во-первых, была куплена на деньги самого Бармата; во-вторых, Рихтер выразил этим подарком всю свою благодарность за взятые заимообразно пять тысяч марок, употребленные на постройку скромной пролетарской хижины. Наконец, разве великий философ не сказал: ничто человеческое мне не чуждо...

Зачем копаться во всех этих мелочах? К чему объяснять простые, человеческие, дружеские отношения низкими, своекорыстными побуждениями?

Это делает консервативная печать. Это делает печать тяжелой промышленности для того, чтобы подорвать веру народных масс в бескорыстие вождей германской социал-демократии — этой непоколебимой основы республики.

Сановники старого режима, которые в свое время торговали императорскими орденами, как говядиной, Штреземаны, издающие свои газеты на деньги русско-еврейского спекулянта Литвина — вот вам судьи чести Эберта, Бауэра и Вельса.

Германская коммунистическая печать тоже попалась на эту удочку. Она забыла, что еще древне-греческий знаток демократии объяснил, почему демократия судит своих героев не за измену ее идеалам и интересам, но за кражу серебряных ложек или казенного окорока. Широкую массу можно обмануть в программных вопросах разными побрякушками. Но самый простой человек возмущен, когда узнает, что его герой съел незаконное количество ветчины.

Но мы, издали наблюдающие и привыкшие оценивать вещи с высоты исторической каланчи, обязаны взять слово в защиту германской социал-демократии.

Мы знаем, что Эберт потерял на войне трех сыновей, и отцовская боль ни на минуту не ослабила энергии, с которой он защищал империалистическое отечество и гнал на его защиту миллионы рабочих. Мы всегда считали Эберта Катоном германской буржуазии. Кто в этом посмеет сомневаться после магдебургского процесса, на котором... вождь германского рабочего класса добровольно взял на себя имя Иуды своего класса, лишь бы остаться на службе буржуазии, службе, при помощи которой он, по своему глубокому убеждению, наилучшим образом соблюдает интересы пролетариата.

Мы знаем, что Филипп Шейдеман во время войны голодал, если случайно не был гостем германской ставки. В книгах истории записано, что, узнав об этой самоотверженности, один из вождей аграриев анонимно послал ему мешок картошки.

Эрнст Гайльман, первый герольд защиты отечества, был тяжело ранен под Нарвой, но это ни на минуту не охладило его патриотического пыла.

Носке знал, что его окрестят кровавым псом германского пролетариата, и он, зная, что без кровавой бани не удержать рабочих от большевистских экспериментов, заявил со спокойною решимостью: «Кто-нибудь должен стать кровавой собакой...».

Кто посмеет после этого сказать, что эти люди спасали капитализм для того, чтобы получить награду из рук Бармата — в виде жаркого с компотом? Кто возьмется это утверждать, тот не слышит шелеста великих крыльев истории. Они, вожди германской социал-демократии, решили итти своим тернистым путем после тяжелой внутренней

борьбы. Ведь когда еще только надвигалась война, Герман Мюллер, член правления германской социал-демократии, отправился в Париж, чтобы вместе с французскими социал-демократами установить линию борьбы против войны. Надо было грянуть громам 1914 г., чтобы в этих засоренных марксизмом головах проснулся инстинкт верности капиталу. Они эту верность пронесли неприкосновенной через все море крови и все терзания совести. В некоторых из них временно победили книжные соображения: они основали германскую независимую социал-демократию, которая во время войны осмелилась думать о классовой борьбе. Но подлинная их природа взяла верх: сегодня независимец Брейтшейд смывает все барматовские пятна со своей партии. Он знает, что партия пролетариата не может спасти капитализм и пройти через эту грязную жизнь чистой как Антигона.

За все время своего существования капитализм истекал кровью и грязью. Если германская социал-демократия нашла в себе мужество выкупаться в крови пролетариата, то незачем шельмовать ее за то, что она при этом запачкалась в грязи Барматов.

Германские социал-демократы спасали капитализм не для того, чтобы жрать и пить у Барматов, но потому, что не могут себе представить, чтобы пролетариат был способен найти себе корм не в стойле капитализма.

Если бы дело было только в том, что сотня социал-демократических вождей развратилась за обильным столом капиталистов, каким бы легким было дело революции. Надо бы было только свалить эту загнившую верхушку. Но дело в том, что за нею идут миллионные массы рабочих, питающихся хлебом и селедкой.

В Люцерне, в Швейцарии, воздвигнут памятник швейцарским наемникам, мужественно погибшим за Людовика XVI. Они получали жратву из королевской кухни, но сражались против революции не за паек, но за страх и за совесть. Когда германская революция повесит Шейдеманов и всю барматовскую социал-демократическую братию, то она не будет подсчитывать костей, перепавших им со стола буржуазии,— она высечет из мрамора собаку, которая бескорыстно лижет плеть своего хозяина.

20 января 1925 г.

ПОЛЬША— СТРАЖ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В польской повоенной литературе царит полное отсутствие идей. Начиная со времени великих романтиков, польская литература выражала одну тоску: тоску по независимости разорванной на клочки страны. Величайших из ее поэтов, имеющих мало себе равных в мировой литературе, нельзя переводить на иностранные языки, так как они наводят на иностранцев скуку беспрерывным повторением одной и той же молитвы: «боже, спаси Польшу!» И вот она спасена — не богом, не чортом, а скрещением мировых империалистических интересов, из которого родилась независимая Польша. И глубочайшая скука охватила теперь уже самих польских писателей. Нельзя писать радостных стихов о том, что в вагонах по-польски написано: «Просят не плевать на пол», или о том, что в охранке шпики говорят на языке Мицкевича и Словацкого.

Польская буржуазия не имеет никакой идеологии. Революции, олицетворенной СССР, она боится как заразы. Она боится ее больше, чем буржуазия всякой другой страны, ибо польский рабочий связан с русским рабочим старыми традициями совместной борьбы; ибо польская буржуазия и ее государственный аппарат слабее и неорганизованнее западно-европейских. А что будет, если вдобавок еще победит революция в Германии? Как удержаться слабой плотинке польской буржуазии против бьющих в нее с двух сторон волн революции? Ну, а как обстоит дело с контрреволюцией? Ее победа в Германии или в России равносильна новому разделу Польши.

Потрясаемая страхом революции и контрреволюции, польская буржуазия сделалась похожей на мешок, из кото-

рого вытряхнуто все содержимое. Понятно, это не мешает спекулянтам спекулировать, купцам торговать, фабрикантам производить текстильные изделия; но польская идеология выглядит как воронье пугало, стоящее в поле. Роман Жеромского «Перед весною» лучше всего изображает это состояние. Конечно, Жеромский прав, защищаясь против какого-то коммуниста, признавшего в нем чуть ли не единомышленника. Картина русской революции, данная в его романе, разоблачает этого великого когда-то писателя как маленького филистера с птичьим мозгом. Но ненавидящий русскую революцию Жеромский принужден был показать, как молодой польский интеллигент, бежавший из Советской России с ужасом в душе, в Польше делается коммунистом, спасаясь в коммунистической партии от идейной пустоты «независимой» Польши. Да, для людей, ищущих какой бы то ни было пищи для души, Жеромский находит в Польше только красивых, горячих молодых вдовиц из дворянских гнезд (что касается этого жанра, то у г. Жеромского не наблюдается ни малейшего ослабления таланта) или спекуляцию в городах. Герой Жеромского один выступает из рядов демонстрирующей толпы и твердым шагом идет на штыки солдат, окружающих замок, где когда-то правил русский сатрап — генерал Скалон, а ныне царствует бывший польский социал-патриот и нынешний представитель буржуазной Польши — президент Войцеховский.

Польша — отсталая страна буржуазной культуры. Польша — страна клерикализма,— эта Польша вдруг сделалась самой передовой капиталистической державой. Историки польской культуры хвастаются тем, что Польша знала ренессанс уже в конце XV века, что передовые течения реформации находили себе приют в XVI и XVII веках у польских вельмож; что даже якобинизм нашел отклик в падающей Польше! Но что все это значит по сравнению с известием, напечатанным в наших газетах, о громадном техническом прогрессе, позволившем Польше стать сразу первой среди капиталистических держав и всех их оставить далеко позади себя? Если после этого не только Англия, но и Америка не согласятся гарантировать границ Польши, то в самом деле нет справедливости при капиталистическом строе, и он достоин крушения. Читатель, быть может, не знает, о чем же собственно идет речь?

В Домбровском угольном бассейне убит рабочими-ком мунистами провокатор. Провокатор, как известно, принадлежит к инвентарю всякого порядочного капиталистического государства. Ничего поэтому нет удивительного в том, что полиция двинула свои силы для поимки людей, дерзнувших поднять руку на основы польской независимости. Но рабочие, которые знали, как пытают в застенках польской полиции решили не сдаваться живыми и открыли пальбу по жандармам. Тогда был вызван отряд войск, и совершилось новое чудо, если не над Вислой, то над речкой Бялой. Польша много раз спасалась чудом. Но на этот раз это чудо особенно чудесно. Не полагаясь на божью матерь,— хотя Ченстохов недалеко от Домброва,— польские солдаты провели резиновые кишки в рабочие квартиры и удушили ядовитыми газами бунтующих рабочих.

Этим шагом польское правительство, в лице своих полицейских властей, завоевало для Польши право на звание передового бастиона цивилизации. (Нельзя повторить старого названия przedmurza христианства, ибо современная цивилизация объединяет как необрезанных, так и обрезанных капиталистов.) Этим шагом польское правительство доказало, что оно является чемпионом капиталистического мира. Вопрос о применении газов в войне породил целую литературу, и не только техническую, но, как бы смешно это ни звучало, и юридическую, и этическую. Еще на днях английский министр воздухоплавания приводил в своей речи в парламенте цитаты из книги адвоката Спайфа, который советует сбрасывать газовые бомбы только ночью, когда честные люди лежат уже в кроватях. Из речи английского министра нельзя было узнать, какими собственно мотивами руководствовался английский человеколюбец? Тем ли, что бомбы не пробивают крыш домов, или тем, что всякому гражданину приятно помереть в собственной постели. Известный английский химик Ж. Б. С. Эльден тоже на этих днях издал трактат под заглавием: «Каллиникус, защита химической войны». Каллиникус, это — фамилия мифического сирийца, который двенадцать веков тому назад изобрел жидкий огонь. Профессор Эльден, который в свободное от химических занятий время занимается всяким философским и историческим онанизмом,

научно и длинно доказывает выгодность убийства людей химическим путем. Но то, что для каких-то английских чудаков является спорным вопросом, а именно: можно ли, хотя бы во внешней войне, применять газы,— это для молодцов из польского правительства не представляет ни малейших сомнений даже по отношению к войне гражданской. Да и можно ли в данном случае говорить о гражданской войне? В Польше пока что 5000 коммунистов сидят по тюрьмам. Польский пролетариат прибит к земле бешеным правительственным террором, обессилен безработицей, расколот социал-предателями и не в состоянии сейчас вести гражданскую войну. Польская буржуазия дает ему пример, как надо беспощадно бороться за свои интересы.

Вот сильная тема для польских поэтов. Они когда-то писали «мечты о мощи». Теперь они имеют перед собой тему для воспевания мощи, голой мощи без идеи. Разве она не вызывает дрожь восторга среди поклонников силы? После удушения восстания 1863 г. пророк молодой польской буржуазии Александр Свентоховский выдвинул, как знамя новой Польши, слова Декарта: «Cogito, ergo, sum» думаю, значит, существую. Старик Свентоховский еще жив, и перо его к услугам самой оголтелой польской реакции. Мы ему советуем переменить старый лозунг Декарта на новый: «У меня есть удушливые газы, поэтому я существую».

Мы же говорим польским рабочим: учитесь быть беспощадными!

11 марта 1925 г.

О «СВОБОДНОЙ» ПЕЧАТИ В «СВОБОДНЫХ» СТРАНАХ

Что такое газета свободных капиталистических стран? Предлагаем нашему читателю зайти в редакцию «Правды», взять в руки воскресный номер нью-иоркского «Таймса» и внимательно к нему присмотреться. Перед этим его надо положить на весы и взвесить. Он весит от четырех до шести фунтов. Если подсчитать материал, помещенный в таком номере, то он даст книгу в 500—600 страниц, величиной приблизительно с первый том «Капитала». Стоит такой номер только несколько копеек, в то время как бумага эта, проданная на вес, стоит в несколько раз больше. Газета имеет прекраснейшие иллюстрированные приложения, с материалом из всех областей науки. Она содержит великолепно оплачиваемых корреспондентов во всех странах. Корреспондентам приказано не стесняться в расходах, а телеграфировать все, что представляет интерес для читателя. 9 апреля 1924 г. газета получила по кабелю и напечатала весь «доклад экспертов». Это — книга больше чем в сто страниц, которая в Германии и у нас стоит не менее одного рубля. Понятно, что не все капиталистические газеты имеют размеры нью-йоркского «Таймса», не все имеют штат в пять тысяч человек (наборщиков, редакторов, репортеров и т. д.). Помещение далеко не всякой газеты представляет собой, как резиденция нью-йоркского «Таймса», целый городок, с особой станцией железной дороги, госпиталями, банями, парикмахерскими и т. д. и т. д. Таких газет найдется в мире, наверное, не больше десятка. Но ни одна капиталистическая газета не окупается деньгами, получаемыми от читателей. Любая капиталистическая газета наших дней представляет собой капиталисти-

ческое предприятие, построенное на доходах совершенно другого рода. Каким образом финансируются капиталистические газеты? Можно насчитать три главных типа, которые представляют собой три ступени развития «свободы печати». Мы эти типы разберем особо, взяв каждый тип «в чистом виде», хотя в действительности они в большинстве случаев комбинируются.

Первый тип, это — газета, которая финансируется объявлениями и разного рода взятками. Коммерческие предприятия, фабрики, банки, большие магазины дают газетам объявления. За эти объявления они уплачивают громадные деньги. Объявление — на один раз или на весь год. Газета сдает в наймы часть своих страниц для того, чтобы распространять славу «патентованного» средства для рощения волос, славу каких-нибудь шпал или мостов. Читатель, может быть, покупает средство для выращивания усов, но, наверно, не покупает мостов. Зачем же железный трест, строящий мосты, расходует сотни тысяч на объявления? Он этим *покупает газету*. Газета зависит от металлургического треста, и не смеет в своих статьях печатать ничего идущего против интересов треста; иначе она потеряет его поддержку. Попытка создания капиталистической газеты, независимой от объявлений, тщетна. Поэтому нет во Франции, например, массовых демократических газет, которые могли бы конкурировать с газетами крупного капитала. «Левый блок» попытался создать ежедневную газету «Котидьен» как «независимую» газету. Как же она может находиться в зависимости, если она должна бороться за налоговое обложение капиталистов? Но эта газета не могла конкурировать с такими газетами, как «Матэн», «Журналь», «Пти Паризьен», которые продаются спереди и сзади, ибо у нее не было денег на содержание корреспондентов. Тогда она продала свои объявления фирме «Энеси». Она теперь выросла, имеет 200000 покупателей, ибо имеет сравнительно хорошо поставленный репортаж, но она теперь уже зависимая газета. Зависимость от объявлений, это — самая невинная форма зависимости капиталистической печати: ибо объявление есть объявление; читатель знает, что хотя в газете и напечатано: «Пейте какао Ван-Гутена», но он все-таки не обязан по политическим соображениям пить это какао

Ван-Гутена. Однако, все эти газеты не могут довольствоваться такими субсидиями со стороны капитала. Поэтому они берут взятки за сведения, которые помещают в редакционной части, в первую очередь, в экономическом отделе газеты. Вдруг появляются, например, сведения об урожае в Сербии. На завтра идет статья «о богатствах сербских недр»: послезавтра — о том, какой хороший бюджет в Сербии; через несколько дней идет только известие о займе, выпускаемом Сербией на парижской бирже. Читатель уже подготовлен, а редакция уже получила деньги за популяризацию сербского займа. Если пересмотреть все буржуазные газеты за этот период, то окажется, что все они в известное время переболели интересом к сербской природе, истории и экономике. Как такой интерес возникает, мы можем теперь очень точно установить на основании архивов русского министерства финансов: министр финансов дает поручение своему представителю в Париже или в другом городе, где выпускается заем; финансовый агент запрашивает биржевого агента, поддерживающего связь с газетами, сколько эта подготовка будет стоить. А этот уже сговаривается с газетами. Аналогично обстоит дело и с политической обработкой газет. Во время процесса Кайо выяснилось, что редактор «Фигаро», одного из влиятельнейших консервативных парижских органов, брал деньги от графа Тиссы, венгерского премьер-министра, за восхваление режима венгерских помещиков. Граф Тисса был столпом австрийской политики, направленной против Сербии, ибо, как известно, венгерские помещики боялись конкуренции сербских свиней. Через десяток промежуточных звеньев, о которых здесь не приходится говорить, граф Тисса оказывался, таким образом, столпом политики австро-венгерского и германского союза, направленной против России и Франции; редактор «Фигаро» был большой французский патриот. Но деньги от графа Тиссы он брал. Этот случай ведет от простой «зависимости» капиталистической газеты к подкупу газетчиков, ибо не только капиталистической газете нужны крупные деньги, чтобы давать прибыль, но они нужны и ее руководителям, чтобы хорошо жить. Во всех больших капиталистических газетах можно купить ту или другую группу журналистов, которые обделывают хорошенькие делишки. Если внима-

тельно читать какую-нибудь большую капиталистическую газету и найти в ней, что она помещает известные статьи, противоречащие ее общей линии, то можно быть уверенным, что влиятельная группа в этой газете получила взятку от заинтересованной стороны. А разве другие сотрудники не читают своей газеты, разве они этого не замечают? Само собой понятно, что замечают. Но кто хочет жить, должен давать и другим жить, или, иначе говоря, «рука руку моет, и обе остаются грязными».

Первый тип газеты, это — газета, продающаяся на фунты, когда платят поштучно. Второй тип газеты, это — газета-содержанка одного капиталиста. Три четверти всей английской печати принадлежит лорду Нордклифу, который, раньше чем быть произведенным в лорды, назывался Альфредом Хармсфорсом. Он начал, будучи 18 лет, маленьким журналистом. Человек он был, что называется, с носом. Промышленное развитие в Англии втянуло в общественную жизнь десятки миллионов людей, которые раньше газет не читали. В то время, когда Диккенс писал свои романы из английской жизни, рабочая масса не читала газет: она работала двенадцать часов, и ей некогда было читать газеты. Борьба чартистов, борьба профессиональных союзов улучшила положение рабочего класса. Чтобы его подкупить, буржуазия создала целую сеть вечерних и воскресных школ, в которых развитой рабочий учился химии, читал сочинения Дарвина, изучал политическую экономию Милля. Но такие развитые рабочие представляли меньшинство рабочего класса. Некоторые издатели пытались создать для этого стремящегося к культуре рабочего новый тип газеты. Но Хармсфорс обратил внимание не на читателя, представляющего незначительное меньшинство, а на массового читателя. Он спросил себя, чем этот читатель интересуется, и пришел к убеждению, что этот читатель интересуется велосипедом, игрой в футбол, гонками, судебными процессами, что ему, живущему в узких рамках мелкобуржуазной жизни, интересно прочесть, как лорд выдает замуж свою дочь, сколько приданого эта дочь получает, сколько стоят ее платья и т. д. и т. д. Хармсфорс начал создавать соответствующую печать. Он начал с маленького журнальчика под заглавием: «Ответы». В этом журнальчике он отвечал на вопросы, ко-

торые ставили читатели. После он начал издавать журнальчики, обслуживающие конкретные интересы конкретных читателей: например, модные журнальчики — с советами, как хорошо «сшить платье», где купить материал, какой формы нужно иметь платье для женщины из народа. Кто в воскресенье занимался в огороде, сеял редьку или лук, тот мог купить за несколько копеек соответствующую газету Хармсфорса; кто удил рыбу, для тех Хармсфорс издавал дешевенькую газетку о ловле рыбы. Разбогатевши, Хормсфорс начал издавать самую дешевую иллюстрированную газету. Сядешь утром в поезд, чтобы ехать на работу, и купишь за три копейки газету, которую тебе читать не приходится — там все рассказано в картинках: железнодорожное несчастье, поезд летит с моста в реку — прямо радость; человек убил тещу; на картинке теща с усами, такая, что страх берет, и все твои симпатии на стороне несчастного человека, освободившегося от семейного бремени; король осматривает пожарную стражу; «Дэйли Миррор» («Ежедневное зеркало») покажет тебе симпатичного короля и пожарную стражу в блестящих на солнце шлемах. Ничего не приходится при этом думать. «Все ясно, как апельсин»,— как говорит т. Бухарин. Следующий этап. Это — «Дэйли Мэйль», ежедневная газета, рассчитанная на низкие инстинкты массового любопытства, но уже газета политическая. Если «Дэйли Миррор» представляла паразита, выросшего на низких инстинктах мелкобуржуазных масс, то «Дэйли Мэйль» воспитывала эти низкие инстинкты в политике. «Дэйли Мэйль» была органом травли против всякого противника империалистической Англии. Уже задолго перед войною она воспитывала английские массы в убеждении, что если немцы не едят детей, то только потому, что свинина дешевле. Во время войны «Дэйли Мэйль» убеждала массы, что немцы действительно едят детей, ибо, как известно, в Германии оказалось чрезвычайно мало свинины. Когда Хармсфорс нажил на этом бесконечном количестве газет, которые распространял в десятках миллионов экземпляров, десятки миллионов рублей; когда Хармсфорс купил себе герцогскую резиденцию на Сен-Джемской площади, где живет только первейшая знать Англии, он завершил свое дело покупкой «Таймса». Наш читатель подумает, что «Таймс» была газета,

как все другие газеты? Нет. «Таймс» это — настоящее государственное учреждение, это — газета, голос которой был голосом буржуазии Англии. Статья в «Таймсе» имела решающее значение часто не только для английской политики и английских финансов, но и для политики и финансов всякой другой страны. Газета принадлежала с XVIII века, с момента своего основания, одной семье — Вальтеров. Но старомодная капиталистическая семья не сумела приспособиться к бешеным условиям рынка, и тогда Хармсфорс купил ее газету. Это произвело такое впечатление, как если бы спичечный трест купил английского короля. Хармсфорс был в зените своей славы, его произвели в лорды. Во время войны он сделался начальником английской военной пропаганды и был очень удивлен, когда Ллойд-Джордж посмел его не назначить членом мирной делегации; он создал особую мирную делегацию в Париже во время Версальской конференции, которая следила за политикой Ллойд-Джорджа, подхлестывала его так, что бедняга принужден был прыгать выше, чем ему разрешал его разум. Кампания глубоко обиженного Нордклифа была одной из причин падения кабинета Ллойд-Джорджа. Весь громадный газетный трест Нордклифа был его частной собственностью. В зависимости от того, с какими интересами Нордклиф связывался, он бросал на чашку весов всю свою печать. Когда он решился поддерживать стремление Чемберлена к переходу от свободной торговли к покровительственным тарифам, в двадцать четыре часа все его сотрудники должны были изменить свои взгляды. Ежедневно в роскошном кабинете Нордклифа секретарь представлял ему сводку тиража газет. Если Нордклиф замечал падение тиража, секретарь передавал по телефону ответственному редактору газеты: вы имеете три дня времени на то, чтобы поднять тираж на 50 тысяч. Один из редакторов газеты, вызванный Хармсфорсом, низко поклонился мальчику, обслуживающему подъемную машину.

«Почему вы ему кланяетесь?»— спросил его секретарь Нордклифа.—«Чорт его знает, меня вызвал Нордклиф: может, когда я выйду из кабинета, этот молодой человек будет назначен редактором газеты, а мне придется занять его пост. Надо быть предусмотрительным»,— был ответ.

Третий тип зависимости газет от капитализма создал германский трестовый король Стиннес. Германская печать до этого времени состояла в главном из газет, зависящих от одного капиталиста или от группы капиталистов. Так, например, «Берлинер Тагеблат» принадлежит фирме Мосse, старой газетной фирме, которая прибыль свою выколачивает из печатания демократических газет. «Франкфуртер Цейтунг» принадлежала демократическому банкиру Леопольду Зоннеману, «Фоссише Цейтунг» — торговому дому Ульштейна. Все эти газеты выросли из маленьких газет, и вместе с их ростом рос и капиталист, издающий эти газеты. За последние десятилетия начинается концентрация газет в руках капиталистических концернов. Известные капиталистические круги, как, например, Гугенберг, скупают ряд газет, обслуживают их одной сетью корреспондентов, дают им одну политическую линию, те же самые объявления, создают для них бюро печати, обслуживающее их из столицы сведениями. Стиннес, который покупал и продавал все: гостиницы, рудники, леса, фабрики бумаги, курорты, фабрики сигар,— начал покупать также и газеты. По этому поводу так называемая «независимая» демократическая печать, т.-е. печать, зависящая от одного капиталиста, подняла большой шум: «Тяжелая промышленность порабощает печать!» Она указывала на то, что большая разница, зависит ли газета от капиталиста, который занимается только изданием одной или нескольких газет, но не имеет других капиталистических интересов, или от капиталиста, который заставляет газету защищать свою политику в угольном или железном тресте, свои интересы в податных вопросах и т. д. и т. д. В первом случае капиталист может защищать в своей газете общие интересы страны, т.-е. на деле интересы капитализма в целом, в другом случае он использует газету для обслуживания конкретных интересов конкретной капиталистической группы. В биографии Стиннеса, изданной при его жизни Брикмайером, этот певец династии Стиннесов дал великолепный ответ на это обвинение, ответ, который содержит последнюю форму развития «свободной» печати в «свободных» странах. «Господин Стиннес,— говорит автор с невинной миной,— имеет рудники и сталелитейные заводы. Ему нужно для этого производ-

ства леса — он покупает леса; леса дают много целлюлозы — он создает фабрики бумаги; главным покупателем бумаги является печать, поэтому Стиннес покупает газеты». Само собою понятно, что утверждение, будто бы Стиннес при покупке газет не преследовал политических целей, т.-е. не создавал из газет органа для обслуживания своих общих интересов, неверно. Но не подлежит сомнению, что газеты играют в концерне Стиннеса и роль экономических звеньев. Стиннес производит общественное мнение, но одновременно производит ходкий товар при помощи самых незначительных расходов, ибо он — глава концерна, который продает все и покупает все: железную руду, уголь, древесину, адмирала Умана, социал-демократа Ленча — все, что нужно для производства, от первого до последнего звена.

Вот картина «свободной» печати в «свободной» стране. Кто после этого удивится, что старый германский консерватор, профессор философии, сказал мне после длинного спора о большевизме: «В одном вы правы, и в одном пункте вам могут завидовать все страны — вы убили эту свободную печать».

5 мая 1925 г

Военный совет австрийского христианского правительства

(Зал заседания правительства. Заседание еще не началось. Министры, биржевые маклеры продают друг другу франки, фунты, марки и балканскую валюту. Входит премьер-министр.)

Премьер-министр. Господа, кончайте вашу биржу. Надо заняться государственными делами.

Голос. Увы!

Премьер-министр. Положение наше не важно. Деньги, которые получили от Лиги Наций, проели. Новые дадут не скоро. Что делать?

(Министры и спекулянты молчат. Один подталкивает другого. Все смотрят на министра иностранных дел Матайя, который что-то высчитывает в процентах в записной книжке. Один из министров посвистывает:

Министр Матайя,
Губой свисая,
На облаках сидит, сидит, сидит...).

Премьер-министр. Господин Матайя, может быть, вы перестанете считать свои проценты? Мы вас сделали министром иностранных дел потому, что считали вас еврейской головой. Вы ездили даже от еврейской спекулянтской фирмы Интаг в Москву заключать концессии. На это хватило у вас ума. А теперь сидите и молчите.

Министр иностранных дел Матайя. Ну, что ж! И теперь могу ехать в Москву.

Спекулянт из Интага. Если теперь получите так же деньги в Москве, как вы получили концессию, то не очень-то поживимся. И за что же они должны давать вам деньги?

(Открываются двери. Входит единственный служащий министерства иностранных дел и приносит большой портфель с одной телеграммой. Вручает его Матайе. Тот вынимает телеграмму и не читая откладывает ее.)

Премьер-министр. Зачем вы расходуете деньги на эти идиотские телеграммы? Кому они нужны? *(Берет телеграмму и читает):* «Ртсиним Ских». Тьфу, какая чертовщина! Зачем вы еще дурака валяете с какими-то шифрами!

Матайя *(хитро улыбаясь).* Какие там шифры. Республика ввела простоту в дипломатии. Мы пишем по-еврейски, наоборот. Прочтите: «Министр Хикс». Никто не догадается, что самое христианское правительство в мире телеграфирует по-еврейски. Наши шифры обеспечены.

Все министры. Какой умница!

(На лице Матайи появляется, всем очевидно, мысль.)

Все *(кричат).* Матайя что-то выдумывает! Ну, говори!

Министр Матайя. Вы знаете, кто такой министр Хикс?

Премьер-министр. Чорт его знает. Теперь столько евреев наплодилось, нельзя всех знать.

Матайя. Это не еврей, это английский консервативный министр внутренних дел. Наш посол доносит из Лондона, что Хикс задумывает крестовый поход против большевиков.

Министр и спекулянты *(оживают).* Крестовый поход? На этом можно заработать! На крестовых походах еврей великолепно зарабатывает. Но вопрос — как?

Премьер-министр. Прикажите нашему послу в Москве затеять заговор против большевиков. Это нас прославит во всем мире как зачинщиков крестового похода. Ему должно быть это легко. У него, кажется, хорошие отношения с большевиками.

Матайя. Из этого ничего не выйдет. Если англичане и французы провалились со своими контрреволюционными заговорами,— что же сделает наш посланник с нашими хилыми австрийскими кронами? Но подождите, у меня есть идея. Зачем нам заговоры против большевиков? Мы заработаем на большевистских заговорах! Почему Антанта давала нам деньги? Потому, что во время венгер-

ской советской революции Бауэр все угрожал, что если не дадут денег, то народ сделает революцию.

Премьер-министр. Ну, выдумал! Кто вам, Матайя, поверит, что сделаете революцию? Теперь даже Бауэру не верят.

Матайя. Подождите, в этом деле верят только большевикам. Надо закричать на весь мир, что большевики избрали Вену центром своих заговоров, что нужны большие деньги на борьбу с большевистскими заговорами.

Премьер-министр. Но если мы сами будем заявлять, что в Вене большевики делают заговор, то нам скажут: если вы знаете, кто и где делает заговоры, почему вы не арестуете заговорщиков?

Матайя. Именно так надо сделать, чтобы не мы обвиняли самих себя, а чтобы нас обвиняли. Надо купить болгарских и сербских журналистов. Пусть кричат на весь мир: караул, в Вене большевистские заговоры! А мы будем опровергать. Но нас заставят бороться с этими заговорами, и тогда потребуем денег.

Премьер-министр. Смотрите, чтобы снова не просчитались. На подкуп журналистов уйдет больше денег, чем получим от Антанты.

Матайя. Не бойтесь, мы — христианское государство, мы больше как десять крон за совесть не платим.

Все *(в восторге)*. Что же будет дальше? Что вы сделаете, когда появятся статьи о заговоре в Вене?

Матайя. Я выступлю с большой речью. Будьте уверены, я не испорчу отношений с большевиками. Я скажу, что с ними торговать можно, я их буду обвинять только в том, что они сами признают,— что в бога не верят. Я не скажу ничего плохого про их посла, ибо что же мне сказать? Но я скажу вообще, что через Вену идут поезда на север и на юг, на восток и на запад, и что в этих поездах могут,— согласитесь,— могут же ездить большевистские заговорщики.

Премьер-министр. Прямо Меттерних и Генц в одном лице! Но ведь ваших речей никто не читает.

Матайя. Ничего! Пошлем с посыльным каждому посланнику стенограмму речи.

Премьер-министр. Бросят в корзину! Кто станет читать ваши речи?

Матайя. Я сопровожу речь личным письмом всякому послу: «Многоуважаемый господин посол! Будьте любезны и прочтите мою речь про большевистские заговоры в Вене». Наверно, прочтут.

(Все поднимаются и поют в честь Матайи песнь хора из «Олоферна» Нестроя, поэта пресловутой австрийской глупости:

Ах, Матайя — он герой!
Перед ним людишек рой,
Каждый в мире индивид
И трепещет, и дрожит!
По мере сил натужась, тужась, тужась,
Он на врагов наводит ужас, ужас, ужас.
Подобен молнии Матайи лик, лик, лик.
Громам его подобен рык, рык, рык!
Его должны мы славить каждый час,
Не то — в бараний рог согнет он нас.)

25 мая 1925 г.

КУКИРОЛЬ И ГАРАНТИЙНЫЙ ДОГОВОР

(ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

Читатель, наверно, задумывался над тем, от чего, от каких опасностей должна Германия гарантировать Францию? Ведь Германия вполне разоружена. Читатель, наверно, недоумевал над тем, как может гарантировать Германию от французского империализма кусок бумаги, названный гарантийным договором? Эти недоумения и я разделял перед своей поездкой в Германию. Глубокий смысл гарантийного договора сделался для меня ясным только тогда, когда я в Германии познакомился с Кукиролем.

Читатель спросит: кто такой Кукироль? Товарищ министра иностранных дел Германии, или, быть-может, какой-либо выдающийся писатель, которому удалось просветить меня? Ничего подобного. Кукироль — это просто средство против мозолей. Я считаю одним из доказательств нашей великой культурной отсталости, что мне приходится объяснять это читателю. Много пишут в газетах о стабилизации капитализма, разбирают вопрос о восстановлении валют, промышленности. Но лучшего символа этой стабилизации, как триумфальный поход Кукироля, я не знаю. Если послевоенные годы глубочайшего кризиса стояли во всем мире под знаком джазбанда, то Германия нашла теперь в Кукироле символ успокоительных тенденций. Джазбанд — это была дикая музыка, в которой самые шумные инструменты оглушали слушателя самыми неслыханными звуками. Буржуа, боявшийся завтрашнего дня, под оглушительные звуки джазбанда терял способность думать об угрожающей ему революции. Теперь буржуа считает, что опасность революции миновала.

И он отдается лечению мозолей. Нет страны, в которой пропаганда была бы так плохо поставлена, как в Германии. Но пропаганда Кукироля поставлена превосходно. Похвала Кукиролю взывает буквально из всех газет к читателю. Тут и шутка, и уговоры, и приказания: лечи свои мозоли Кукиролем! Кукироль — необыкновенное средство против мозолей! Кто запасется Кукиролем — тому не придется освобождаться от мозолей ни при помощи щипцов, ни при помощи бритвы: он может избавиться от них безболезненно и бескровно. Да здравствует доктор Унблютиг,— ревет реклама,— доктор Бескровный, который освободит мир от мозолей, не причиняя никому никакой боли. Реклама эта так внушительна, что я, который двадцать лет в хорошие и плохие годы был собственником мозолей, поддался ей и избавился бескровно и без боли от этой моей собственности. И когда я наслаждался отсутствием мозолей, я понял, что Кукироль не только необыкновенное средство против мозолей, но что он представляет собой глубокий символ, который подсказал Германии и ее министру иностранных дел способ избавиться от французских мозолей в Рейнской области и всех прочих тягостных последствий Версальского договора.

Доктор Густав Штреземан, германский министр иностранных дел, принадлежит к тем людям, которые понимают глубокие символы жизни. Не подлежит сомнению, что идея гарантийного договора выросла в его душе, когда он купал свои мозоли в растворе Кукироля. Подумайте, все считали, что восемьсот тысяч французских штыков, направленных в грудь Германии, можно удалить только противопоставленными штыками, что французские мозоли в Прирейнской области можно устранить только при помощи очень продолжительной и болезненной операции. Но когда доктор Штреземан почувствовал благодетельное влияние раствора Кукироля, он подумал: ведь было время, когда всякий ковырял кухонным ножом в своих мозолях, причиняя себе и им боль. А теперь... Берешь два литра горячей воды, всыплешь Кукироль и чувствуешь как все, что было твердым на твоих ногах, мякнет. Разве нельзя взять раствор из признания справедливости Версальского договора и мочить в нем все затвердения на германском теле, вызванные нажимом Версальского договора? Когда размякнут мозоли,

На следующий день берешь кусок кукиролевого пластыря, накладываешь его на мозоли и после двадцати четырех часов — в крайнем случае сорока восьми — мозоли сходят бескровно, безболезненно. Действительно сходят. Берешь кусок бумаги,— думал доктор Штреземан,— и пишешь на нем гарантийный договор, кладешь его на размягченные мозоли Германии — и французы уходят из Прирейнской зоны. Через несколько лет, быть-может немножко позже, но наверно уйдут. Эта мысль овладела доктором Штреземаном. Он сумел придать ей конкретный характер предложения. И все врачи международной дипломатии, которые до того времени занимались производством ядов или сыпали соль на раны Германии, занялись созданием кукиродевого раствора и кукиролевых пластырей. Если это не удастся до осени, то врачебный совет Лиги Наций соберется на особой сессии, и Кукироль победит, ибо Кукироль — это есть знамение времени. Кто же не хочет лечиться Кукиролем, тот заслуживает, чтобы ему оттаптывали мозоли.

В Берлине существует Аллея Победы. Сто разных герцогов, князей и королей стоят вытянувшись по обеим сторонам Аллеи. Их очень легко отличить друг от друга. Если один выставил правую ногу вперед, то следующий выставляет левую. Все они собрались там. Даже такие, которых история окрестила малопочтенным прозвищем — Ленивый. Революция задержалась перед этой Аллеей, она отбила у одного и у другого исторического героя нос, но в общем оставила их во всей красоте на своем месте, с правой или с левой вытянутой вперед ногой. Эту Аллею надо удлинить. Германский народ это сделает. Он построит там памятник д-ру Штреземану, памятник с надписью: «д-р мозольного искусства Штреземан-Бескровный».

22 июля 1925 г.

МЕЖДУ ФОРДОМ И ГОТТЕНТОТАМИ

Вся мировая печать полна сведений о процессе, который, происходит в городе Дейтон, штата Тенесси, в Соединенных штатах Северной Америки. Как известно из телеграмм, предметом судебного разбирательства является вопрос, допустимо ли преподавание в школах теории эволюции. Пятнадцать из сорока восьми штатов Северной Америки запрещают преподавание теории эволюции, как противоречащей священному писанию, по которому бог сразу создал мир, а человека — по своему подобию.

Мы не будем здесь подробно описывать всей обстановки процесса. Маленький городок, который стал сразу в центре мирового внимания, и процесс, в нем происходящий, стоят того, чтобы быть предметом не только фельетона. Против клерикального мракобесия мелкой буржуазии, которая во главе с бывшим вице-президентом самой могущественной державы мира—Брайаном оспаривает все результаты развития современной науки, с большим пафосом выступают во имя науки и ее свободы адвокаты, нанятые организациями интеллигенции. Мы хотели бы спросить, где были эти адвокаты и эти организации интеллигенции, когда американские университеты превращались в мастерские, поставляющие буржуазии чиновников и дельцов, защищающих основы частной собственности? Господа адвокаты и общественное мнение так называемых интеллигентных кругов зашевелились только тогда, когда темная мелкая буржуазия маленького городишки посмела отрицать достижения естествознания, компрометируя Америку процессом против Дарвина. Процессы против коммунистов и других борцов за рабочее дело, изгнание из университетов всякого,

утверждающего, что директора нефтяных трестов не являются последним воплощением развития человечества, не обеспокоили общественного мнения буржуазии.

Европейская буржуазия в своей печати ужасно высмеивает провинциализм Америки и заявляет, что процесс, подобный тому, который происходит теперь в Америке, в Европе был бы невозможен. Во-первых, это утверждение неверно. Мелкая буржуазия в Европе, и не только в захолустье, в громадном большинстве представляет собою мир невежества; она даже с Коперником примирилась лишь постольку, поскольку вообще никто не поднимает вопроса о том, совместимо ли учение Коперника с библией. Мало того. Рост клерикализма за последние годы доказывает, что никакой уровень формального образования не защищает даже крупную буржуазию от возврата к религиозным суевериям. Почему плохо и смешно ссылаться на библию против Дарвина, а хорошо предаваться разным мистическим настроениям и создавать самые сногсшибательные мистические учения? Война и революция вызвали усиление мистицизма среди буржуазии, т.-е. рост антинаучных тенденций даже в естествознании. Что стоило, скажем, польской буржуазии, находящейся в полном плену у католицизма, устроить такой же процесс, какой теперь происходит в Америке? Кто не помнит бешеной травли, которую вела печать образованной Англии, с «Морнинг Пост» во главе, против СССР за антирелигиозную пропаганду и издание «Безбожника»; многоуважаемые английские буржуа прямо тряслись от возмущения по поводу нашей «аморальности». Разница между взбесившимися мелкими буржуа из Дейтона и образованными европейскими буржуа состоит в том, что эти последние держат в одном кармане бога, а в другом — теорию эволюции и современное естествознание. Бог нужен им для борьбы с народными массами, а естествознание — как база современной техники.

Таким образом, буржуазия примирилась с теорией развития в области природы. Но поскольку вопрос идет о развитии человеческих отношении, мировая буржуазия представляет собою лагерь тупоумных защитников невежества. Она допускает, что человек происходит от обезьяны; она не может скрыть того факта, что человек не всегда носил цилиндр и стриг купоны; ее наука собрала целые

библиотеки материалов о развитии человечества от пещерного быта до теперешних гигантских капиталистических городов. Но тут история должна остановиться, и на директоре Стандарт-Ойль и директоре крупповского концерна развитие человечества должно задержаться. Буржуазия избегает всякого изучения тенденций исторического развития, не хочет знать того, что рождается в недрах капиталистического общества и когда это общество окрепнет, взорвет его изнутри и заставит шагнуть вперед к социалистическому обществу. Самый умный буржуа, когда его спросят: как вы представляете себе дальнейшее развитие,— не в состоянии дать никакого членораздельного ответа. Теория развития общественных форм представляется всей буржуазии такой же ненормальной, как теория Дарвина, и является низвержением всех моральных устоев для мелких буржуа Америки.

Поэтому международный пролетариат может сказать европейской печати, смеющейся над американским процессом: врачу, исцелися сам. Но европейский буржуазный врач вряд ли излечится. Он не может встать на почву теории развития общества, ибо это развитие ведет к падению буржуазного общества, стремится поднять к власти новый класс и создать новое, социалистическое общество. Поэтому действительным очагом теории развития является только СССР. Это единственная страна, дающая полный простор работе научной мысли, не ставящая ей никаких преград. Лассалевский идеал науки, объединяющейся с пролетариатом, найдет в Союзе советских республик полное свое осуществление. Разбив цепи не только религиозного рабства, этого спутника рабства социального, но отбросив преграды, которые капиталистические интересы ставят современной науке, СССР сделается притягательным центром для всех искренних работников научной мысли. И только СССР имеет право с пренебрежением смотреть на средневековую сцену, разыгрывающуюся в самой прогрессивной капиталистической стране мира. Это является гарантией, что хотя мы теперь еще страна технически и культурно очень отсталая, но мы не только наверстаем упущенное, но скоро опередим все капиталистические страны и широко раскроем двери для развития науки.

26 июля 1925 г.

ПОЯС ЦЕЛОМУДРИЯ И ГОСПОДИН БРИАН

(ИЗ ПУТЕВЫХ РАЗМЫШЛЕНИЙ)

В Нюренберге находится музей. Музей, как музей. В нем собрано всякое старинное тряпье, от которого люди с удовольствием когда-то освободились и на которое мы теперь должны смотреть с трепетом. Но попадаются и интересные вещи. Есть, например, комната, в которой собраны пояса целомудрия. В наше мало целомудренное время читатель и читательница спросят, что это такое. Ну, вот. Когда средневековые рыцари покидали родной дом, чтобы сражаться за католическую веру или своего сеньора, то они надевали женам пояса, которые должны были им гарантировать супружескую верность. Мы все читали очень много про средневековую любовь, про трубадуров и всякие прочие ужасные страсти. Но средневековые рыцари, видимо, не читали наших сказок про средние века, и считали, что человек есть человек и, как говорит Илья Эренбург, законам природы не любит сопротивляться. Они сами не любили им сопротивляться. Рыцари считали, что раз они не ангелы, то пусть будут ангелами хотя бы их жены. Если человек создал и бога, и ангела по своему образцу, то должен же существовать на грешной земле какой-то субстрат ангела. Быть ангелом — трудновато и скучно. И поэтому понадобилось выдумать оные пояса целомудрия, которые, будучи заперты на крепкий замок, принуждали женщин вопреки их воле отказываться на время отсутствия законного супруга от телесных дел и заниматься игрой на гитаре и другими вещами, более подобающими ангелам женского рода.

Я стоял очень долго перед этими орудиями пыток, с

грустью думая об участи средневековых женщин. Пусть т. С. Н. Смидович на меня не посетует; я не намеревался, вернувшись в Россию, заняться проповедью «сбрасывания цепей целомудрия», как вдохновенно выразилась одна комсомолка в ответ на статью т. Смидович. Но я думал о том, как фальсифицировали историю и как недостойно было положение женщины, которую принуждали «ангельничать» при помощи замка. Вдруг подошел ко мне старичок — музейный сторож. Я, указывая на пояса, сказал: «Вот бедные женщины!» Но старичок, у которого исторического образования и житейского опыта больше, чем у меня, покачав головой, сказал мне успокоительно: «Где есть замок, там найдется и ключ. Не бойтесь, они не давали себя обижать, и мужья оставались в дураках».

Вспомнил я это все, читая в газетах, что Бриан обмолвился насчет того, что против Советской России и ее пропаганды нужно создать международный пояс безопасности. Мне стало жаль г. Бриана. Я считал, что этот Улисс больше понимает и в истории, и в поясах. Предшественник его, г. Клемансо, хотел оградить так называемый цивилизованный мир от советской пропаганды при помощи колючей проволоки. Мы эту проволоку прорвали. Теперь г. Бриан преподносит нам пояс. Господин Бриан, будучи молодым адвокатом, судился, если мне не изменяет память, за попытки преждевременного снимания поясов. И вдруг он пытается пугать нас такой невинной вещью. Колючую проволоку прорвали, а пояса целомудрия испугаемся! И притом, г. Бриан должен знать, что мы не институтки, а парни здоровенные.

Видно, исторические знания и жизненный опыт, которым отличался старичок в нюренбергском музее, недоступны даже таким опытным государственным людям, как г. Бриан. Ну, что же. Тем хуже для них.

28 июля 1925 г.

СЕДЬМОЕ И ДЕВЯТОЕ НОЯБРЯ

Ленин и подготовка к революции

Начальник германского генерального штаба фон-Шлифен написал когда-то статью, в которой рассматривает вопрос о душевных качествах полководца. Историю Октябрьского восстания мы анализировали до сих пор с точки зрения объективных условий, сделавших это восстание возможным, с точки зрения организации партии, повед-шей пролетариат к восстанию, с точки зрения принципов, которые сделали из большевистской партии руководитель-ницу восстания. Но надо когда-нибудь продумать и разра-ботать вопрос о полководце рабочей революции, о тех душевных качествах, которые должны быть собраны воеди-но, чтобы дать великую фигуру пролетарского полково-дца, фигуру, которая будет выступать перед междуна-родным пролетариатом до последнего его победоносного боя. Я не могу взяться за эту задачу сейчас, но я думаю, что стоит и без научного аппарата попытаться охватить в не-скольких штрихах эту сторону вопроса. Даже такая по-пытка кое-что выяснит.

Ленин был марксистом. Опошленное название. Каут-ский тоже был марксистом, он писал всю жизнь марксист-ские статьи, брошюры, и если бы их собрать воедино, то они заняли бы, по крайней мере, в пять раз больше места, чем 20 томов сочинений нашего учителя, вмещающихся на одной полке. Можно сказать иначе: Ленин был *истин-ным* марксистом. Но что такое истинный марксизм? Каут-ский был даже в лучшие свои дни представителем раз-бавленного водою марксизма. В каком смысле? Герман-ский коммунист Витфогель написал очень плохую книгу

об истории классовой борьбы и ее отражении в литературе. Но в этой книге есть очень интересная мысль об исторических сочинениях Каутского, которые по сегодняшний день являются лучшим из всего, что от него останется. Витфогель обратил внимание на то, что Каутский занимался всю свою жизнь сооружением памятников *побежденным революциям*. Он изучал условия их возникновения и условия гибели, и всякую из его исторических работ мы откладываем с тяжелым чувством. Да, эта революция должна была погибнуть. Отношение Каутского к прошлым революциям полно меланхолии. В его книгах не видна даже глубокая борозда, оставленная жизнью, борьбой целых поколений революционеров. Он не дал нигде большой картины победоносной, хотя бы буржуазной революции, не показал, какие пласты земли она подняла, какие глубокие следы она после себя оставила. Поскольку же Каутскому приходилось применять марксистский метод для объяснения борьбы классов, развертывающейся на наших глазах, весь анализ его служил для объяснения, *почему еще невозможна революция*. Революция вообще витала перед его взором, как маяк в далеком будущем. Между ним и ею не было никакой прямой связи. Она существовала для него как выдуманная любовница, игрушка фантазии, «гомункулюс», созданный в научной реторте, а не как живое существо, к которому идешь, для которого трудишься, к которому стремишься. И поэтому как тот поэт, который годами мечтал о возлюбленной королеве с телом из слоновой кости и который отвернулся от нее, когда она пришла к нему, вызванная его тоской, его мольбами,— ибо о чем же было мечтать поэту, раз возлюбленная уже явилась? — совершенно так же и Каутский испугался, когда ворвалась в его тихий кабинет растрепанная, жестокая революция.

Ленин-юноша в 1894 г. написал свои зеленые тетрадки «*Что такое друзья народа*». В этих тетрадках он мыслью расчистил путь революции в России и, изучив его, написал: «Когда передовые представители его (рабочего класса *К. Р.*) усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю раз-

розненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский р а б о ч и й, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и проведет р у с с к и й п р о л е т а р и а т (рядом с пролетариатом в с е х стран) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* п о б е д о н о с н о й к о м м у н и с т и ч е с к о й р е в о л ю ц и и». И вырезав, как на граните, эту программу борьбы, Ленин работал десятки лет в одном направлении. Вся мысль его была сосредоточена *на теоретической и практической подготовке к революции.* В борьбе с народничеством он выделил рабочий класс из общей массы народа как самостоятельную силу, в борьбе с экономизмом он приготовлял его для роли гегемона народной массы, в борьбе с меньшевиками он связал его с крестьянством. Одновременно он строил партию — железный авангард пролетариата. Он указал ей задачу постройки профессиональных союзов, объединяющих рабочую массу под руководством ее авангарда, он указал на роль советов, как на средство, связывающее рабочий класс со всей борющейся народной массой. Ни на один момент не забывая о ближайших задачах, о задачах демократической диктатуры, разрушающей твердыню царизма, он указал путь к великой задаче завтрашнего дня, к пролетарской диктатуре, разбивающей цепи капитализма. День за днем, шаг за шагом, мысль за мыслью, через все изгибы истории — неуклонный путь к одной цели, к *социалистической революции.* И только потому, что строил окоп за окопом, выдвигая каждый последующий дальше предыдущего в стан врагов, он имел ежедневную проверку своей правоты, правоты своей партии, правоты марксизма. Марксизм был для самых лучших западно-европейских марксистов только схемой, непроверенной *рабочей гипотезой.* Для Ленина он был проверенным, ежедневно проверяемым, безошибочным путем, стальным орудием борьбы. И поэтому, когда империализм развязал все противоречия капиталистического строя в одну великую симфонию разрывающихся шрапнелей, в дикую музыку самоуничтожения человечества, Ленин не ныл, не плакал у могил, не мечтал о днях мира, хотя бы плохонького капиталистического мира, под прикрытием которого снова можно будет начать пропагандистскую и агитационную работу, а сказал себе: *вот пришел великий*

день классовых боев, день, когда загремят орудия пролетариата, когда классовая борьба перейдет в гражданскую войну. Близится день революции, будь готов!

Будь готов? Не лучше ли ждать? Может ли самый слабый отряд мирового пролетариата, может ли русский пролетариат, находящийся еще под гнетом царизма, не имеющий достаточной подготовки ни на парламентском поприще, ни в профессиональных организациях, взять на себя тяжелое бремя революционного почина? Не будет ли он задавлен отсталостью, некультурностью страны, не погибнет ли он в бою, не добившись социализма? Нет,— ответил Ленин,— партия большевиков *должна взять на себя этот великий почин*, ибо в России буржуазия слабее, хуже организована, пролетариат имеет союзника в крестьянстве. Быть может, мы будем разбиты, но эти условия, более благоприятные для начала революции, накладывают на партию большевиков великое обязательство: разорвать кольцо империалистической войны, пробить брешь, в которую должны броситься рабочие отряды других стран. А если они не подоспеют так скоро, чтобы позволить нам довести дело до конца, если мы не сможем передать более сильным пролетарским отрядам своего знамени, чтобы они донесли его дело до конца, то и тогда наше дело не погибнет. Та борозда, которую мы выроем плугом революции, останется. Никто не нашел еще средства, чтобы аннулировать дело действительной народной революции. Пролетарии других стран начнут свою борьбу, используя уже проделанный нами опыт. Их борьба найдет в нас опору, даже если кости наши будут белеть на полях сражения. Ленин не имел в кармане гарантии победы, но он решил начать борьбу, потому что *был интернационалистом*. Интернационалистами были и они все. Ведь мы встречались с ними на всех международных конгрессах, и нельзя думать, что в продолжение десятков лет они ломали комедию. Но подобно тому, как вера в революцию выковывается только в борьбе за революцию, а не в научном кабинете, в котором часы научной мысли показывают ход истории, приближение стрелки к двенадцатому часу, так и интернационализм рождается и крепнет только в борьбе. *Интернационализм* дела мы противопоставили во время войны интернационализму чувств

и слов, и ни у кого этот интернационализм дела не был делом до такой степени, как у Ленина. Поэтому в бессонные ночи — Ленин страдал бессонницей с самого начала войны — он тысячу раз, думая о революции, продумывал *обязанности интернационалиста*. Во время войны я написал для международного союза молодежи статью или листовку под заглавием: «Что означает отрицание защиты отечества». Ленин критиковал ту или иную постановку вопроса в статье, но очень приветствовал попытку сказать точно и ясно, конкретно, что же вытекает из того, что мы — интернационалисты, что мы должны делать для того, чтобы быть интернационалистами. И он был интернационалистом с головы до ног. Подобно тому, как не было в нем никаких колебаний насчет того, что партия должна подготовлять революцию, так не было у него никаких колебаний насчет того, что интернационализм не состоит в поджидании более сильных отрядов пролетариата, а в использовании всех условий для международного революционного почина.

Решение начать международную социалистическую революцию было самым великим решением, которое созрело в мозгу и в сердце современного человека, ибо никто не видел еще пролетариата у власти в великой стране. Помню великолепно сентябрь месяц 1917 г. Я был абсолютно убежден в правильности ленинской линии, но я сидел в Стокгольме и должен был черпать свои сведения о том, что происходит в России, из десяти буржуазных газет. «Правда» доходила редко и давала недостаточное количество материала для того, чтобы почувствовалось дыхание революционной массы, ее борьба, ее движения. И часто, читая материал о хозяйственном распаде, о состоянии железных дорог в России, о расстройстве продовольственного дела, я чувствовал, как волосы поднимаются на моей голове от страха: «как справимся мы с этими громадными задачами, с которыми не могут справиться лучшие организаторы буржуазии»? Прочтите бессмертное сочинение Ленина: «*Удержат ли большевики государственную власть*»,— самый глубокий, самый потрясающий документ социалистической мысли, написанный за день до революции, тогда вы поймете, откуда взялось бесстрашие Ленина. Ленин изучал целые библиотеки, он про-

пустил через свой мозг все, что дала буржуазия, и все, что дала социалистическая наука. Но не из книг почерпнул Ленин свою веру в народную массу. Он почерпнул ее из своей работы среди молодого потроградского пролетариата, из своих охотничьих скитаний по сибирским тундрам, из своих разговоров с крестьянами, из того творческого труда пролетариата, который он видел за границей, из разговоров с беззаветно храбрыми рабочими-революционерами, у которых он так много умел выпытать и выспросить при встречах с ними. Он имел глубочайшую веру в практический разум самой забитой бедноты, в ее геройство, когда она двинется на защиту своих человеческих прав. Полуменьшевистская, полукадетская газета «Дни», издававшаяся в Петрограде еще после Октябрьской революции, поместила статью меньшевика Заславского об этой брошюре Ленина. Заславский, в те времена злостный враг большевизма, написал о ней, что она является самой красивой демократической утопией, что она полна веры в народные массы. Он не понимал, что он этим говорит о самом себе и о так называемых «демократических социалистах», боровшихся против большевистского переворота, против пролетарской диктатуры, якобы во имя демократии. Демократ-меньшевик Заславский, сам того не подозревая, говорил, что они, демократы, враги диктатуры, не верят в творческие силы народной массы, освобожденной от гнета эксплоататоров, а он, Ленин, верит, что рабочая масса может повести страну к развитию всех лучших душевных качеств, которые богато вознаграждают за отсутствие опыта и науки, этого пути, который буржуазия закрыла для народных масс. В своей книге «Ренегат Каутский» Ленин постоянно говорит *о диктатуре пролетариата как о пролетарской демократии*. Многие думали, что это только защитная полемическая формулировка. Это была суть, основа убеждений Ленина, уверенного в том, что диктатура пролетариата является спасением, ибо соберет в один мощный кулак все силы народной массы и опустит его железным ударом на череп врага.

Марксист, интернационалист, пролетарский демократ,— вот те три основных силы, которые, объединенные в целое, создали мировую личность вождя пролетарской революции. Марксизм, интернационализм, пролетарский де-

мократизм,— на этих трех китах он построил победоносную большевистскую партию. С Клементием Ворошиловым мне пришлось после окончания гражданской войны ехать из Ростова-на-Дону в Москву. Мы смотрели в пасмурный день через окна вагона на станции рабочих поселков, и Ворошилов начал разговор о том, почему мы победили и почему нашим врагам не удалось нас скинуть. То, что он сказал, благодаря своей образности, врезалось мне в память с величайшей силой. «*Мы сумели под царизмом сговориться, а они под нашей диктатурой не сумели сговориться*». Я долго думал об этих словах, как бы рукой ощупывая их, во всей их конкретности. Почему всякий член нашей партии, выросший в великой школе Ленина, даже не имея связи с Центральным комитетом, умел в основном, в самых сложных положениях, найти тот путь, который указали бы ему Ленин и Центральный комитет? Потому, что наш сговор состоял в воспитании на этих трех основных идеях. Что они означали? Они означали веру в великую задачу русского рабочего класса и его способность руководить народными массами, веру в его революционный долг перед всем рабочим классом мира. Воспитывая в этих идеях большевистскую партию, Ленин передал ей те качества, которые сделали его вождем мировой революции. Можно эту мысль повернуть и сказать, что, нащупав эти качества в русском рабочем классе, рожденном в буре и огне, концентрировав их в своей груди титана, Ленин сделался вождем мировой революции.

Эберт и подготовка контрреволюции

Вещи лучше всего выясняются путем противоставления. 7 ноября 1917 г. под руководством Ленина победил русский пролетариат, 9 ноября 1918 г., вопреки воле руководителей громадного большинства германского пролетариата, вспыхнула германская революция. 10 ноября вождь большинства германских рабочих, вождь германской социал-демократии Эберт, ни одного дня своей жизни не посвятивший подготовке революции, взялся за организацию контрреволюции. Мы, коммунисты, это пред-

оказывали германским рабочим во время войны, и 11 ноября 1918 г. в радиотелеграмме, которую пришлось мне писать,— я был тогда руководителем отдела международной пропаганды ВЦИК,— мы говорили, что Эберт и Шейдеман продадут германских рабочих германскому и иностранному капиталу. Эберт «обиделся» и приказал вольфовскому телеграфному агентству протестовать против этого «вмешательства Советского правительства во внутренние дела Германии». «Freiheit» — орган независимой социал-демократии — напечатал нашу телеграмму и заявил, что она доказывает, что мы в Москве плохо осведомлены о ходе германской революции. Теперь есть налицо документы, факты, ужасающие по своему содержанию и своей наглядности.

В Мюнхене происходит процесс контрреволюционного журнала «Süddeutsche Monatshefte», который обвинял социал-демократию в том, что она ударом кинжала в спину убила императорскую армию. Против этой «клеветы» выступил на суде ряд социал-демократических свидетелей, доказывавших, каким верным слугою империализма была германская социал-демократия во время войны. Эти заявления не принесли ничего нового. Но вдруг в защиту исторической правды предстал перед судом *генерал Гренер, последний военный министр Вильгельма.* Мы имеем перед собой его судебные показания от 29 октября, напечатанные в буржуазной газете «Vossische Zeitung». *Никакой драматург, который хотел бы дать международному пролетариату картину предательства социал-демократии, не мог бы выдумать подобной азефовщины, подобной картины мирового предательства дела рабочего класса.* Больше, чем все томы исторических исследований, говорят эти *показания генерала Гренера.*

«10 ноября главному командованию предстояло решить, что делать. Я (генерал Гренер) посоветовал маршалу (Гинденбургу) не бороться против революции с оружием в руках, ибо войска не находились в соответствующем настроении. Я предложил ему заключить *союз с социал-демократами большинства* (шейдемановцами). Ведь правые партии совершенно исчезли. Это решение не было приятно маршалу, но он понимал его необходимость и согласился. Нашей целью было, во-первых, вывести вой-

ска из атмосферы революции. Ежедневно *от 11 до 1 часа ночи мы из ставки вели переговоры с канцелярией правительства по телефону* при помощи особого тайного провода, который так был устроен, что никто не мог подслушивать. *С 10 ноября нашей ближайшей целью было вырвать власть из рук рабочих и солдатских депутатов.* Поэтому мы решились *ввести в Берлин несколько дивизий.* Независимые социал-демократические члены правительства народных комиссаров и, если я не ошибаюсь, совет рабочих и солдатских депутатов требовали, чтобы войска вошли без боевых патронов. *Эберт добился, чтобы войскам было разрешено войти с боевыми патронами* (я перебиваю себя, но *я говорю под присягой*, я долго об этом молчал). Мы выработали *конкретную военную программу* для входа в Берлин, *определили, каким дивизиям и в какие дни должно разоружить те или другие части Берлина. Все было подробнейшим образом условлено с Эбертом.* Не хочу говорить о подробностях.

«Присяжный поверенный граф Пестало цци. Дело идет о самом важном показании на процессе — полправды хуже, чем отсутствие правды.

«Генерал Гренер. Совместная цель Эберта и моя была — создание крепкого правительства.

«Присяжный поверенный Песталоцци. О чем условились вы и не живущий больше президент республики Эберт?

«Генерал Гренер. *Мы условились о твердой программе очищения Берлина.* Войска генерала Леки, которого мне для этой цели рекомедовали, размещены в предместьях Берлина в частных домах. Вход войск в Берлин совершился с сохранением внешнего достоинства, но войска проявили неожиданное стремление вернуться домой, *так что мы не были в состоянии провести нашу программу.* Настало 23 декабря. Мы располагали только остатками 10-й дивизии, около 2 тысяч человек. 23 декабря, в 9 часов вечера, Эберт известил нас *по тайному проводу* из имперской канцелярии в Вильгельмсхöе (ставка), что он арестован матросами. Счастливый случай, что он был заперт в своем кабинете. Центральный телефон был занят матросами, но матросы не знали, понятно,

что он имеет тайный телефон. Мы обратились к генералу Леки и приказали освободить Эберта. После этого мы имели очень характерный разговор с ним. Войска хотели покончить с матросами. Эберт вмешался и воспротивился этому. Он не хотел пролития крови из-за себя. Я по этому поводу делал ему упреки и сказал: «Господин Эберт, *мы заключили союз*, войска, которые вас освободили, должны иметь возможность расправиться с противником на основе военных и полевых законов. Если вы еще раз вмешаетесь, то нам придется разойтись». Эберт ответил мне, что *он не хочет слабости и мягкосердечия*, он только хотел избежать пролития крови на Вильгельмштрассе (местопребывание правительства). *Я предложил нападение на матросскую дивизию, захватившую императорский дворец и манеж. В половине третьего ночи Эберт дал мне свое согласие.* Перед восходом солнца 24 декабря 1918 г. мы начали наступление, но безрезультатно, ибо после обеда фельдфебеля заявили: «Сегодня Рождество. Мы хотим итти домой, к женам и детям». Они заключили перемирие с матросами. Такая вещь возможна только в Германии. После этих опытов мы начали собирать вокруг Берлина *добровольческие войска*, ибо нам нечего было делать с регулярными войсками. Мы выдвинули лозунг «за правительство Эберта и Гаазе». Само собой понятно, что эта вывеска *имела для нас только внешнее и временное значение.* 24 декабря Эберт сказал мне по телефону: «Перед 28 или 29 нельзя ожидать прибытия добровольческих войск; до этого времени посмотрим, как пробьемся». Эберт, который не терял юмора даже в тяжелые минуты, сказал: «Знаете что, я уйду из правительственного здания и на три дня лягу спать. Это мне очень нужно. Я оставлю в государственной канцелярии только дворника. Если Либкнехт захочет взять власть, ему все равно никто не может помешать. Но если нас не будет в помещении правительства, его удар будет ударом в воздух. Мы поместим правительство в Потсдаме или Цоссене (пригороды Берлина)». Я пригласил его приехать в Кассель (Вильгелмсхöе, где находилась ставка, недалеко от Касселя). Он ответил, что ложится спать. Эберт вызвал Носке, и 29 прибыли добровольческие отряды. *Политической целью, о которой мы усло-*

вились с Эбертом, было — выжить независимцев из временного правительства и обеспечить созыв учредительного собрания. Я должен сказать, что это было проделано Эбертом с ловкостью, которая оставляет далеко позади все, что сделали все германские канцлеры во время войны и что принудило нас иметь громадное уважение к политическому гению Эберта».

Генерал Гренер не сказал, в чем проявился в дальнейшем гений Эберта. Он состоял в том, что, зная, что берлинские революционные рабочие, взяв в свои руки берлинскую полицию и поставив во главе ее недавно умершего нашего товарища депутата Эйхгорна, будут защищать эту единственную реальную позицию, Эберт *провел смещение Эйхгорна*, и когда берлинские рабочие отказались подчиниться этому решению, он *ввел войска*, организованные генералом Гренером под вывеской Носке, войска, состоящие из ударных батальонов офицеров и студенчества, и начал обстрел берлинских рабочих. Коммунистической партии как организованной силы тогда еще не было. Таким образом, не было никакого руководства, рабочие были разбиты в пух и прах. В Александровской казарме расстреливали их пачками, несмотря на то, что они сдались. Роза Люксембург и Либкнехт были убиты. Вот как проявился гений Эберта. Под защитой автоброневиков в Берлине, залитом кровью, происходили выборы в учредительное собрание. Во всей стране Носке начал организовывать офицерские отряды. Конрад Гениш — министр просвещения — в особом воззвании призывал студентов вступать в эти отряды. В продолжение всего 1919 г. они очищали один город за другим от революционных сил, разгоняя везде рабочие и солдатские советы. 15 тысяч трупов легло, по официальным сведениям, на мостовых пролетарских центров Германии. Германская буржуазия была спасена.

Почему же Эберт сделался вождем буржуазной контрреволюции? Он сделался *им из-за отсутствия в германской социал-демократии тех качеств, которые сделали большевистскую партию руководительницей мировой революции.*

Ленин и большевистская партия стали на почву революционного марксизма, стали на почву развертывающе-

гося революционного движения и стремились к его победе. Германская социал-демократия в лице ее руководящего слоя, ее партийной и профессиональной бюрократии, *потеряла всякие революционные перспективы* еще задолго до мировой войны. Узколобый практицизм партийной и профессиональной бюрократии не видел обострения классовых противоречий, которые должны были привести к войне и революции. Он их прямо отрицал. Ведь в этом было содержание *ревизионизма.* Социал-демократия была убеждена, что капиталисты не решатся на войну, и ни один момент не верила в способность пролетариата противодействовать войне революционными средствами. Ведь против революции буржуазия имеет штыки и тюрьмы. Практическая цель партии — не подготовка революции, а *борьба за реформы.* Но реформы в буржуазном строе — никчемные, маленькие уступки буржуазии только части пролетариата, только его верхушке, только его *аристократии.* Германская социал-демократия, несмотря на свой массовый характер, была, по существу, партией верхних слоев городского пролетариата. Она не проникла к батракам, она не сумела сойти в самые низы народных масс, она ввела культ «организованного рабочего», но не как вождя низших слоев пролетариата, а как привилегированной части пролетариата, смотрящей сверху вниз на черный люд. Это имело последствием полную потерю веры в способность широких народных масс вести победоносную борьбу против капитала. Ленин глубоко верил в творческие силы народных масс. *Вожди германской социал-демократии верили только в творческие силы своего канцелярского делопроизводства.* Партийное руководство у них имело своей задачей не развязывание энергии масс, а связывание ее. Каждый раз, когда эти массы пытались вызвать революционную борьбу, появлялась немедленно пожарная стража партийной бюрократии, предсказывая все бедствия, которые могут быть последствием революционного движения, гася искры раньше, чем они разгорались в пожар. Отсутствие веры в революционные силы пролетариата должно было привести к полному отмиранию веры в международную солидарность пролетариата. Если каждый отряд пролетариата в отдельности не способен к революционной борьбе, то как же они могут

быть способны к ней все вместе, в международном масштабе? А если дело обстоит так, то что же делать «организованным, просвещенным слоям» пролетариата? Им остается только путем *союза с просвещенными слоями буржуазии* бороться против непросвещенных слоев буржуазии, создающих опасность войны. Но раз война началась и не может повести к революции, остается только возможность победы или поражения «своей буржуазии». А хозяин, который обанкротится, не сможет предоставлять никаких благ своим людям. Поэтому, раз война началась, надо работать на победу хозяина. Война кончилась поражением, поражение означает разорение. Что же может делать «трезвый, ответственный» рабочий вождь? Он должен всеми силами работать для водворения порядка, спокойствия, ибо без них нет воссоздания страны, воссоздания хозяйства. Безрассудные массы делают революцию. Какая это может быть революция? Разве можно «социализировать» поражение, несчастье, беду? Надо рабочих взять на цепь, отнять у них оружие, как у сумасшедшего бритву. Надо создать твердое правительство. Само собой понятно, что этого нельзя сделать с ведома этих масс. Необходимо тайком связаться с теми, которые умеют усмирять, которые научились усмирять. Рабочие массы, даже социал-демократические, бредят о социализме, о социалистической революции. Они создали сумасбродный совет рабочих и солдатских депутатов, они одели его, умного Эберта, в мундир народного комиссара, назвали старое имперское правительство правительством народных уполномоченных. Ничего, их усмирят. Есть еще ставка, к ней ведет тайный провод. Армия разбежалась,— можно создать добровольческие офицерские отряды. Только спокойствие, только уменье,— все придет своим чередом. *Эберт и германская социал-демократия сделались предателями рабочего класса, ибо они не были ни революционными марксистами, ни интернационалистами, ни пролетарскими демократами.*

Понятно, что факт руководства мировой революцией партией большевиков и подготовки контрреволюции вождями германской социал-демократии имел свои глубочайшие причины, заложенные в исторических различиях между обеими странами. Партии и их вожди не делаются

произвольно ни революционными, ни контрреволюционными. Но если защитники германской социал-демократии делают из этого вывод, что история ответственна за их политику, а не они сами, что это была единственно-возможная политика, то они уподобляются той «исторической школе», которая, по словам Маркса, целовала кнут потому, что он «создан историей». Сами, будучи результатом исторического развития к концу XIX века, они сделались участниками этого контрреволюционного развития, они душили все революционные тенденции. Не история за них отвечает, а они за историю. Политика реформизма всегда была политикой, носящей в себе все семена предательства. Она расцвела махровым цветом и реализовала это великое историческое предательство рабочего класса именно в тот момент, когда для Германии и германского пролетариата открылся путь революционного развития, когда германский пролетариат мог, совместно с русским, взять в свои руки дело социалистической революции в Европе.

Русский пролетариат празднует восьмую годовщину своей победы, празднует в бодрости и в глубокой вере в правильность революционного пути. Германский пролетариат, смотря на семь лет поражений, на пути реформизма, перешедшего на прямую службу контрреволюции, празднует эту годовщину без всяких надежд на улучшение своего положения, в глубоком унынии и безверии. Только те, кто поднял знамя восстания против германской социал-демократии, кто порвал с ней, кто пошел по стопам русских рабочих, имеют перед собою будущее. *Пусть они изучают не только историю 7 ноября, но и историю 9 ноября.* Без понимания того, почему Эберт стал организатором контрреволюции, они никогда не смогут организовать и подготовить победу германского пролетариата. Показания генерала Гренера должны войти в черную книгу документов истории рабочего класса, на них должны учиться сотни тысяч рабочих той великой правде, *что социалистическую революцию можно повести в Германии к победе только через борьбу на жизнь и на смерть с вождями социал-демократии и всеми, кто не изжил до конца идей, породивших предательства Эберта.* Только по мере своего отхода от социал-домократии рабочие социал-де-

мократы могут, совместно с рабочими-коммунистами, создать единый фронт пролетариата, который победит буржуазию.

Ленин, в глубоком подполье подготовляющий пролетарскую революцию, Эберт, подготовляющий с генералом Гренером контрреволюцию,— вот картина двух лагерей: лагеря коммунизма и лагеря международной социал-демократии. Пусть эти две картины глубоко врежутся в память международного пролетариата.

7 ноября 1925 г.

ОБЪЕДИНЕНИЕ ОБЪЕДЕННОЙ ЕВРОПЫ

Наша печать не запечатлела сцен, разыгравшихся в Лондоне при подписании локарнского договора. А было на что посмотреть, было что предать вечности.

В золотом зале министерства иностранных дел, где висит картина «Britania pacifica», т. е. лев, питающийся травой и овощами, за столами, взятыми по этому случаю напрокат у одного из самых богатых английских герцогов, собрались... кино-операторы. В 5 часов 11 минут постучал в двери своим старинным жезлом напудренный церемониймейстер. Двери широко распахнулись, и «бесформенной толпой вошли все мужи, которым народы главных стран Европы вручили свои судьбы», как рассказывают об этом летописцы буржуазной печати. Они расселись согласно международной табели о рангах, и, в доказательство того, что подписывался мирный договор не после какой-нибудь тридцатилетней войны, кроме кино-операторов, конференцию обслуживал наш почтенный товарищ по II Интернационалу Эмиль Вандервельде, представитель одновременно и бельгийского короля, и международного рабочего Интернационала, восседающий за столом наравне с Чемберленом, Брианом и Лютером. Зал был освещен розово-синим цветом для облегчения работы кинематографа, и мы, при скорости, с которой советское кино дает европейские новинки, всего через какой-нибудь годик (раньше культура распространялась по России еще медленнее) сможем насладиться великой картиной мира, заключенного в Локарно. Чем Локарно хуже «Багдадского вора», а Бриан — несравненного плясуна на канате Фербенкса?

Но пока Фома-неверный — советский гражданин, в про-

стоте душевной полагающий, что капиталистическая дипломатия так же неспособна создать мир, как зонтик разразиться громами небесными, убедится в своей неправоте, мы считаем своим долгом сообщить новые мысли, великие мысли, поднимающиеся из недр лондонского собрания, подобно туманам, которые подымаются с поверхности воды в горячий солнечный день. По правде говоря, виновник всего происшествия — главный сват — г. Чемберлен воздержался от чрезмерных расходов. Потрясенный смертью матери короля и радостью по поводу получения ордена подвязки, он ограничился тем, что промычал приветствие, высказав уверенность, что сей договор, наконец, означает конец войны. Иначе поступил даровитый министр иностранных дел германской республики г. Штреземан. Он заявил, что Локарно является выражением «*европейской идеи*». «Мы имеем право говорить об европейской идее, ибо на долю Европы выпали самые большие жертвы в мировой войне, она находится под угрозой потери, в результате войны, того положения, которое она завоевала себе в процессе исторического развития. Часто измеряют военные потери Европы материальными опустошениями, последовавшими за войной. Но величайшая потеря состоит в том, что погибло целое поколение, о котором мы не знаем, сколько сил и возможностей, сколько гения, сколько воли и дел оно бы развернуло, если бы не погибло. Все это создало общность судьбы, которая нас объединяет. Если погибнем, то погибнем совместно. Если же мы хотим еще раз подняться, то этого мы не достигнем в борьбе друг с другом...». Так пел «песнь Европы» г. Штреземан. Ему ответил пастушок Бриан рассказом о женщине из народа, которая приветствовала Локарно, уверенная, что теперь сможет смотреть на своих детей, не опасаясь за их будущее. «Подписывая договор, мы высказываемся за мир. Этот договор кладет конец разобщенности наших стран. Он или должен уничтожить тяжелое воспоминание о прошлом, или вообще не имеет никакого значения. Этот договор должен сделаться конституцией для *европейской семьи* — Лиги Наций. Иначе он не будет иметь значения и лишь породит разочарование. Наши народы стояли друг против друга на полях сражений в продолжение столетий. Они проливали кровь и уничтожали цвет своей молодежи.

Договор в Локарно будет иметь значение, если сделает невозможным в будущем подобные события».

Европейская семья, европейская идея, общность судеб Европы,— как это хорошо звучит в устах г. Штреземана, которые перед войной прославляли империализм и вооружения, которые во время войны гремели: «до победного конца». О Европе говорит г. Бриан,— перебежчик из лагеря рабочего класса в лагерь буржуазии, т. е. из лагеря мира в лагерь войны, который служил и готов служить всем буржуазным режимам, одинаково красноречиво прославляя национализм национального блока и робкие попытки международного соглашения левого блока. С объективностью историков или мошенников оба великих мужа буржуазии рассказывают о том, что их предвоенная и военная политика стоила жизни целому поколению, тела которого гниют теперь на всех полях сражений мира. Они говорят об этой политике как о политике народов. Они клевещут на миллионы убитых, чтобы устранить естественный вопрос: как же доверить постройку новой Европы вам, виновникам войны? В золотом зале министерства иностранных дел в Лондоне никто не мог задать этого вопроса нашим новым европейским пай-мальчикам, ибо духи убитых не являются на кинематографические съемки, а те, которым предназначено быть жертвами будущих проявлений дипломатического искусства представителей буржуазии, не приглашаются на подобные торжества. «Представитель социалистического пролетариата» Эмиль Вандервельде предпочел выступить в качестве представителя короля Альберта.

Господин Штреземан указал на опасности, угрожающие разрушенной, обнищалой, разрозненной и обглоданной Европе в результате последствий войны. Эта гуманная фраза означает, что Соединенные штаты Америки подчиняют себе капиталистическую Европу, угрожают ей участью колоний. Если есть какой-нибудь смысл в фразах Штреземанов и Брианов об объединении Европы, если эти фразы выражают какую-нибудь политическую тенденцию, то именно ту, что гг. Брианы и Штреземаны начинают задумываться над вопросом об облегчении тяжести американского ярма. Но эти их мысли — праздная игра фантазии. Они — Штреземаны и Брианы — не занимаются ни-

чем другим, кроме подчинения Европы Америке. Война уничтожила жизнь целого поколения. Но из миллионов гробов должна расти прибыль для военных поставщиков. Капиталистическая Европа, защищающая святость частной собственности и во имя ее уплачивающая проценты по военным долгам, должна с каждым днем все больше подпадать под кабалу Америки. Европа сумеет защитить себя от американской эксплоатации только в том случае, если она сбросит ярмо хотя бы внутреннего европейского государственного долга, если она направит все свои усилия для восстановления своего хозяйства. Но для этого надо было бы предварительно уничтожить таможенные границы между европейскими державами. Пусть г. Бриан попытается склонить Comité de Forge (комитет тяжелой промышленности), а г. Штреземан — стальной синдикат или прусских юнкеров на отказ от стены таможенных пошлин. Это было бы очень интересное зрелище!

Ни г. Штреземан, ни г. Бриан не в состоянии провести никакого объединения Европы даже на буржуазных началах. Если бы им удалось осуществить эту идею, которую уже до войны защищали всевозможные буржуазные идеологи, то из этого получилось бы все, кроме мира, о котором они теперь так красиво поют. Объединение Европы означало бы создание громадного капиталистического блока против Соединенных штатов Северной Америки с бешеной конкуренцией и с величайшей мировой войной. В конце концов Соединенные штаты Северной Америки не очень боятся этой перспективы, ибо пока-что они держат кошелек в руках,— кошелек, являющийся предметом мечтаний Брианов и Штреземанов.

Как проф. Павлов устанавливает связь между воспоминанием об обеде и выделением слюны у собаки, так же точно политический рефлексолог может сказать: пацифистские слюни гг. Штреземана и Бриана текут при мысли об американских займах. Как же им объединиться против американского мешка? «Journal of Commerce», орган нью-йоркской биржи, отнесся поэтому очень добродушно к толкам об европейском объединении. Хоть бы лысин друг другу не царапали, и то хорошо,— заметил он, упоминая о широковещательных разговорах по поводу объединения Европы.

Но все-таки в этих воздыханиях и намеках есть крупица факта. Чемберлен наверно поигрывал своим моноклем, слушая патетическую декламацию о судьбе Европы. Все европейские державы ведут переговоры с Америкой о долгах. Американские капиталисты нажимают. Платить тяжело, и английская дипломатия не прочь попугать Соединенные штаты объединением Европы, созданием хотя бы «профессионального союза правительств», добивающихся лучших условий для уплаты долгов. Как это полагается, первым застрельщиком выступил г. Штреземан. Германия не имеет никаких долговых обязательств по отношению к Америке. Она, наоборот, желала бы оказаться в положении должника Америки. Но, как известно, немец изобрел обезьяну, немцу должно принадлежать первенство изобретения любой новой идеи. Шпенглер выдумал закат Европы, Штреземан притворяется, что выдумал идею объединения закатившейся Европы. За эту честь он готов таскать из огня каштаны для англичан и французов.

Но идея-то не плоха, только в несколько ином контексте. Таможенные стены совместно с династиями и конкуренцией трестов рухнут в ходе европейской пролетарской революции. Объединение Европы будет объединением, направленным не только против американских капиталистов, но и против хозяев гг. Бриана и Штреземана, которые так же годятся в объединители, как г. Бриан в руководители пансиона благородных девиц, а г. Штреземан — в партнеры английских дипломатов за доской мировой политики.

13 декабря 1925 г.

БЕЗДОМНЫЕ ЛЮДИ

Мы потеряли в этом году двух крупных художников-коммунистов. Они умерли, полные сил и веры в жизнь, в ценность своего творчества для нее. Их потеря — один из обыкновенных ударов судьбы-природы. Такая смерть кажется бессмысленной игрой враждебных нам, непонятных сил. И, не будучи в состоянии понять их закономерности, мы не можем осмыслить этих потерь. Но тот же самый год вырвал из рядов русской литературы двух художников, которые добровольно повернулись спиною к жизни, добровольно ушли туда, откуда нет возврата. Есенин и Соболь — разные величины, как писатели и люди. В смерти и того и другого есть много индивидуального. Но есть и совместное, *общее*, над чем должны задуматься и мы, и советские художники.

Есенин умер, ибо ему не для чего было жить. Он вышел из деревни, потерял с ней связь, но не пустил никаких корней в городе. Нельзя пускать корни в асфальт. А он в городе не знал ничего другого, кроме асфальта и кабака. Он пел, как поет птица. Связи с обществом у него не было, он пел не для него. Он пел потому, что ему хотелось радовать себя, ловить самок. И когда, наконец, это ему надоело, он перестал петь.

Соболь принимал в молодости участие в общественной жизни как эс-эр, но потерял стержень жизни во время войны и стал оборонцем. Потом пытался найти новую ось жизни. Видимо, не нашел. И ему казалось бесцельным кружиться в жизни, присматриваться к ней.

Много писателей находятся в положении или Есенина, или Соболя. Не всякий решится на самоубийство, но это еще не означает, что он будет жить. Ибо *жить* — это зна-

чит *творить*, а теперь нельзя творить, не зная *во имя чего* и для чего.

Были раньше *писатели-зрители*. Даже крупные писатели, как Чехов. Они присматривались к жизни, следили за ней по мелочам. Если им удавалось эти мелочи «дать интересно», т. е. так, чтобы и им и читателям казалось, что они их осмыслили, то и они и читатели были довольны. И находились после другие писатели, которые на основе их сочинений писали целые трактаты о смысле жизни, т.-е. о ее бессмыслице. Прочтите письма Чехова к его жене. Эти письма производят потрясающее впечатление. Двум близким людям на протяжении многих лет нечего было сказать друг другу, кроме самых тривиальных вещей. Эти письма представляют собой великолепные комментарии не только к жизни и творчеству Чехова, но к целой эпохе, в которой можно было быть зрителем, да и то пустяков.

Но нельзя было быть зрителем во время мировой войны, когда погибали миллионы. Нельзя было быть зрителем во время гражданской войны, когда двинулся к своей гибели старый мир. Нельзя быть зрителем теперь, когда в СССР рождается новый мир. За или против — вот пароль.

Часть писателей осталась со старым миром, погибает с ним, но нельзя быть певцом гнили. Вся зарубежная русская литература не создала ни одного крупного художественного произведения. Другие замолкли и обратились в соляной столп, как говорит Ахматова в трагическом своем стихотворении «Жена Лота». Они знают, что гибнут Содом и Гоморра. Они знают, что должен погибнуть этот мир, но они так связаны с ним, что не могут оторвать глаз от его гибели, и стоят, обращенные в соляные столпы. Третьи, помоложе, пытались «признать» новую жизнь. Это было в годы великих страданий, героической борьбы. Они чувствовали, что над Россией проносится историческая буря. Они не испугались громов и молний. И дыша острым воздухом, бьющим в лицо, рвущим волосы, кричали: да здравствует буря! Так родились *советские писатели — не-коммунисты*. Они родились, как певцы величия и красоты разрушения. Лучшие произведения этой литературы помогут будущим поколениям понять годы гражданской войны и интервенции.

Но эти годы принадлежат прошлому. Жизнь идет теперь не под грохот артиллерии и не в молниях сабель конармии. Она идет в туманах угольной пыли шахт и рудников, облитая потом рабочих у доменных печей. Она идет за плугом крестьянина, она сидит за прилавком кооператива. Создаются новые отношения между людьми, вырастают новые опасности для революции. Все это требует литературного выражения. Смысл литературы — дать зеркало жизни для того, чтобы люди лучше могли понять ее смысл в художественном сгустке. Этого требует жизнь от литературы. Она запрещает художнику жить только прошлым. Она имеет великолепные средства заставить его подчиниться ее воле. Если художник не выполнит требований жизни, то его не будут читать те, кто для него наиболее ценен. Советские художники в громадном большинстве не слушаются этого требования жизни. Они не наказаны еще за это отсутствием внимания читателя. Ибо растет еще молодой читатель, которому интересно узнать про прошлое. Но советские писатели предчувствуют падение своего влияния. Последние вещи даже таких выдающихся писателей как Бабель, Всеволод Иванов и Пильняк, не только скучны для передовых читателей, но уже скучны для *самих авторов*. У них пропала радость творчества, ибо они повторяются, вместо того, чтобы итти вперед с жизнью.

Почему же они не изображают новой жизни,— той, которая складывается на основе новых отношений, созданных революцией? Для этого есть и внешние причины. Наши художники — плохие работники, они не любят труда. Они выросли на навыках богемы, усиленных беспорядочной жизнью времен гражданской войны. Им не хочется жить в тяжелых условиях деревни, не хочется ездить в третьем классе, если можно ехать в мягком вагоне, не хочется спускаться в шахты, жить в рабочих поселках, знакомиться с пригородным лабазником. Они не знают ни рабочего, каков он есть, ни крестьянина наших дней, они не знают даже нэпмана. Нет ни одной книги, которая была бы подлинной книгой о «нэпланде». То, что дано у нас в качестве изображения нэпа,— это история грехопадений слабых, мелкобуржуазных революционеров, но не нэп с его людьми, спасшимися из десяти подвалов чека, вырастаю-

щими из сельской буржуазии, с его людьми, вынутыми из нафталина, людьми оживающей старой буржуазии.

Но недостаточная связь с жизнью — еще не главная причина, почему художники, «стоящие на советской платформе», не дают изображения действительности. Литература — зеркало, но *не зеркало, механически отражающее мир.* Художник пропускает картины жизни через свой мозг, он должен их связать, т. е. *осмыслить.* А сущность так называемого советского художника, т. е. художника не-коммуниста, но «приявшего революцию», в том и состоит, что он *не понимает, что он принял.* Он потому не коммунист, хотя симпатизирует революции, что не имеет твердого взгляда на происходящее вокруг него, не знает, куда мир движется. Современная жизнь кажется ему хаосом.

Многие говорят, что нельзя писать правды, ибо Главлит не пропустит. Попробуйте, товарищи! Попробуйте написать не выдуманные сановные истории с намеками, сотканными из сплетней и слухов, а дайте-ка жизнь — в деревне или на фабрике — как она есть. И посмотрим, запретит ли ее цензура. Советское правосудие ставило процессы Лапицких, Дымовки, Гешелина и доказало этим, *что мы не боимся действительной картины советской жизни.* Так называемые советские писатели боятся не цензуры, а *боятся самих себя.* Они не умеют дать честной картины действительности, не понимая, что значит борьба кулака и бедноты в деревне, не зная средств преодоления опасностей бюрократизма, не видя великих творческих сил страны, новых пластов народа, поднятых революцией; они боятся, что дадут только темные картины, которых не пропустит цензура.

Когда им случайно приходится попасть куда-нибудь в глушь, в гущу народной жизни, они возвращаются и сообщают с глубоким удивлением о творческой работе, происходящей даже в медвежьих углах Союза. Прочтите путевые наброски Пильняка, которого аэроплан понес туда, куда без аэроплана никогда не попал бы московский писатель. На него подуло свежим ветром, он начал верить, что у нас создается что-то новое и великое.

В большинстве своем художники — люди ощущений, а не мысли. Когда советский пролетариат начнет строить небоскребы, метрополитэны, когда наша сеть электриче-

ских станций осветит весь Союз, когда вырастут новые города, тогда всякий художник легко поймет, что совершилось что-то великое. А теперь, *когда борются начала нового с остатками старого*, когда не видна еще окончательная победа нового, так называемый советский художник спрашивает себя: откуда мне знать, что это рождающееся — новое, победит? Ведь и старое восстанавливается. И он присматривается. То попытается дать картину какого-то светлого, нового явления. Выходит это у него казенно, лубочно, ибо он не видит целого, ибо он нарочно отбросил теневые стороны. Или же он дает развал, рост обывательщины, возрождение хищников, и тогда пугается. Пугается не только цензуры, но и себя, ибо чует, что где-то потерял революцию, которую ведь «признает». Последние два года советская литература не идет вперед. Трагедии Есенина и Соболя — это *симптом недуга литературы*.

По поводу смерти Есенина некоторые писатели кивали на нас, коммунистов: товарищи, смотрите,— литература, нежный цветок!.. И так дальше. По поводу смерти Соболя ленинградская «Красная газета» сообщала, что последний толчок к его решению дал журнал «На литературном посту», который причислил его к «правым попутчикам». Бросьте это! С Есениным мы носились как с настоящим сокровищем. Я не поклонник журнала «На литературном посту», ибо он, следуя традициям не очень славной памяти своего предшественника «На посту», больше шельмует, чем убеждает. Но писатель, который не выносит даже несправедливой критики, нежизнеспособен. Кто пишет — сам обстреливает и идет на обстрел. Что касается помощи литературе, то мы расходуем на нее больше, чем нам позволяют это ресурсы страны. Не в этом центр вопроса, и надо обращаться не по адресу коммунистов, а обратиться к себе.

В эпоху величайшей ломки писатель не может быть зрителем. Можно сидеть на берегу тихой речки, удить рыбу и наблюдать, что делается кругом. Но попробуйте выйти с зонтиком в руках на поле сражения, когда с двух сторон бьет артиллерия, летят снаряды, и там наблюдать. Там нет места для зрителя, там надо сидеть в окопах с винтовкой в руках, быть готовым погибнуть или итти в

атаку. Во время великой исторической ломки нет места для зрителя. Его буря бросает вверх тормашками, или же ему надо спрятаться, как клопу, за обоями. Выброшенный в воздух бурей, он разобьет себе череп о камни, а за обоями подохнет от скуки и отсутствия духовной пищи.

Время советских писателей, описывающих, как хороша была гражданская война, в которой они не принимали участия, кончается. *Советский писатель должен сделать шаг вперед, шаг к коммунизму.* Но это требует не только чтения книг и мышления о том, куда идет человечество. Это требует непосредственного участия в общественной борьбе, требует труда в рядах борющихся народных масс. Для того, чтобы быть хорошим писателем, недостаточно быть хорошим коммунистом. Но кто не будет коммунистом в СССР, коммунистом не на основании партийного билета, лежащего в кармане, а *коммунистом на основании глубоких внутренних решений, коммунистом, проверяющим себя ежедневно на общественной работе,— тот не будет в состоянии быть советским писателем,* ибо он не в состоянии будет понять того великого, что вокруг него делается.

Понятно, попутчики изменятся не сразу. Многие из них будут попутчиками до окончательной победы революции, но творчество их будет чахнуть. Понятно, нелегко стать коммунистом. Но это есть *вопрос жизни и смерти для русского писателя.*

Вот о чем надо подумать над могилами Есенина и Соболя.

Апрель 1926 г.

ОТ АВТОРА

I том «Портретов и памфлетов» является перепечаткой изданной в 1927 г. под тем же названием книги. Я в тексте ничего не менял, хотя суждения о людях и событиях подлежат влиянию исторического опыта. Исключение сделал я только в двух случаях: я выбросил из книги портрет Л. Д. Троцкого и полемику с М. Горьким.

Что касается этой последней, то она является только историческим документом. Наши разногласия с Горьким оказались временными. Горький — величайший борец за социалистическую стройку. Его роли посвящена статья во II томе и незачем вспоминать старую борьбу.

Если разногласия с великим пролетарским писателем оказались временными, то роль Троцкого в Октябрьской революции оказалась тоже только временным эпизодом. Заблестев как метеор, он упал обратно в болото борьбы против большевизма и скатился в лагерь контр-революции. Автор уплатил сам дань троцкизму и, порвав с ним, считает невозможным перепечатывать в этой книге, посвященной боям за социализм, свою исторически ошибочную статью.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ПИСЬМО БЕРНАРДА ШОУ В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ ЦИК СССР»

Дорогой сэр!

Боюсь, что для «Известий» невозможно опубликовать мое мнение о положении, создавшемся после отказа от англо-русских договоров. Я могу лишь сказать, что, в конце-концов, экономика должна взять перевес над политикой (как вы согласитесь, это есть здоровый марксизм), и вполне возможно, что Советское правительство получит в результате лучшие условия как относительно торгового договора, так и относительно гарантированных займов, лучшие, чем те, которые посмело предложить ему бывшее рабочее правительство. Английская поговорка гласит: «Одному удается украсть лошадь, а другой не решается и посмотреть через забор». Под давлением экономической необходимости торговли с Россией торийское правительство, очень возможно, украдет лошадь, тогда как Макдональд еле решился взглянуть через забор. Поэтому я советую Советам выжидать неизбежного в духе марксистского фатализма и тем временем со всей энергией развивать внешнюю торговлю России во всех возможных направлениях.

Однако, я должен присовокупить,— здесь мое мнение может поставить «Известия» в затруднительное положение,— что Советское правительство хорошо сделало бы, если бы как можно скорее отмежевалось от III Интернационала и ясно сказало м-ру Зиновьеву, что он должен окончательно сделать выбор между серьезной государственной деятельностью и детскими бессмыслицами для кино, раз Советское правительство должно отвечать перед Европой за его поступки; эти последние в противном случае сделают положение м-ра Раковского здесь почти невозможным. Я имею в виду не подложное письмо, а нечто гораздо более важное. Устав III Интернационала был в переводе опубликован в лондонской газете «Таймс», и сквозящие в нем на каждой строке мещанский идеализм и детское незнание людей и вещей нанесли серьезный удар английским друзьям Советов. С точки зрения английских социалистов члены III Интернационала не знают даже элементарнейших основ своей работы, как социалистов; и идея, что мир должен принимать приказы от горсти русских новичков, которые, очевидно, приобрели свои знания современного социализма, сидя у камина своего кабинета и читая памфлеты либеральных революционеров 1848—1870 гг,— эта идея ве-

дет к тому, что даже лорд Керзон и министр Уинстон Черчилль должны казаться крайне современными людьми в сравнении с ними. Пока Москва не научится смеяться над III Интернационалом и не станет на ту точку зрения, что везде, где социализм является живой силой, а не мертвой теорией, он оставил Карла Маркса так же далеко позади, как современная наука оставила Моисея, до тех пор не будет ничего другого, кроме недоразумений; дюжина самых ничтожных чудаков в России будет вести торжественную переписку с дюжиной самых ничтожных чудаков в Англии, и те и другие убежденные в том, что они — пролетариат революции, будущее, Интернационал и бог весть что еще.

Я говорю на основании опыта. Ибо теперь не впервые возникают такие международные недоразумения. После смерти Маркса Фридрих Энгельс годами держал германских социал-демократов вчуже от действительных, реальных английских социалистов, потому что он не в состоянии был понять, что он и Маркс, два старых человека, живших в самой ревнивой изоляции от всех независимых мыслителей, были оставлены за бортом и позади именно тем движением, которое они сами создали. Прошло почти десять лет, пока Либкнехт и Бебель пробудились к пониманию действительной ситуации. Она заключалась и заключается в том, что живой центр английского социализма был в обществе Фабиев и в Независимой Рабочей Партии, а не в подгородней буржуазной вилле, в которой второй из обоих великих жрецов Коммунистического Манифеста жил в полном политическом одиночестве. Попытка м-ра Зиновьева продолжать эту меланхолическую традицию устраняет его от политики. Быть может, его забавляет мечта, что он и полдюжины его марксистских соратников создают «железную организацию», которая немедленно возьмет Европу в свои клещи. Однако, на самом деле все его поступки делают русский коммунизм смешным и поставляют документы, оказывающие величайшую помощь реакции при каждых общих выборах.

Даже столь сильный ум и характер, как Ленин, был так парализован суеверием, что, когда м-р Уэллс высмеял марксистские идолы в Москве, то это показалось ему, Ленину, не использованием элементарного права критики свободомыслящим человеком, а просто кощунством против божественного авторитета, который он, Уэллс, в своей «мелкобуржуазности» не в состоянии был оценить. А в таком случае разве можно надеяться на правильную оценку для м-ра Сиднея Вебба, другого английского писателя, который пошел гораздо дальше Маркса, или для м-ра Рамзая Макдональда, или, если позволено мне сказать, и для моей персоны.

Я бью тревогу, потому что Советское правительство должно считаться с реальными фактами Запада, если не желает стать главным оплотом капиталистического империализма в Европе и Америке. М-р Зиновьев и его III Интернационал не намеревались сорвать английские выборы в интересах капиталистов и подарить Судан Британской империи и реку Нил суданскому хлопковому синдикату; однако, именно это они сделали своим неуместным литературным романтизмом, который нашим правящим классам весьма удобно брать будто бы всерьез. Если это будет продолжаться и Советское прави-

тельство тоже будет заявлять, что берет это всерьез, или же, что еще хуже, действительно будет брать это всерьез, то рушится всякая надежда на солидарность между социализмом Западной и Восточной Европы, и нам придется итти в Англии своей дорогой, считаясь с политикой Москвы не более того, чем Москва считается с политикой Мадагаскара.

Преданный вам
Г. Бернард Шоу

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ПИСЬМО ЛЕСЛИ А. УРКАРТА В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ ЦИК»

В виду выраженного редакцией газеты «Известия» желания поместить на страницах этого издания мой взгляд на отклонение нынешним английским правительством англо-советского договора и на созданное этим обстоятельством новое положение в отношениях между обеими странами, считаю полезным сообщить следующие мои соображения по данному вопросу.

Основною причиною провала англо-советского договора, подписанного представителями обоих правительств в Лондоне 8 августа 1924 г., является, как это ни странно сказать, то обстоятельство, что Советское правительство, поставив себе целью проведение в жизнь идей Карла Маркса, в практической политике недостаточно внимательно относится к указаниям своего учителя. Во всех произведениях Маркса, начиная от «Коммунистического Манифеста» 1848 г., неизменно выдвигается положение, согласно которому политическое устройство данной страны в данную эпоху определяется преобладающими способами производства и обмена и вытекающим отсюда социальным строем. Из этого, казалось бы, следует, что правительство, как бы сильно оно ни было, не может навязать избравшей его стране такого международного соглашения, которое противоречит существующему в этой стране социальному строю. Между тем, все усилия советской делегации в Лондоне направлены были именно к тому, чтобы добиться от бывшего английского правительства провозглашения в договоре таких положений и обещаний, которые в корне противоречат нынешнему социальному устройству Англии. Рабочее правительство Англии, к сожалению, уступило. В результате получился договор, не приемлемый для Англии, явившийся одной из главных причин падения подписавшего его правительства.

И для России и для Англии самою существенною частью договора является та, которая предусматривает, с одной стороны, урегулирование обязательств России в отношении английских подданных, а с другой стороны, заключение Советским правительством займа в Англии. Но по этим вопросам Советское правительство, если оно действительно желало достигнуть реальных результатов, должно было бы договориться с представителями тех деловых кругов, интересы которых пострадали от действий Советской власти и от доброй воли которых зависит реализация займов в Англии. Ведь при настоящем

социальном устройстве Великобритании как денежный рынок, так и фондовая биржа в мирное время вполне самостоятельны, и английское правительство не имеет над ними власти.

Но могут ли вообще подобного рода переговоры привести к реальным результатам. На это я должен прямо ответить: все зависит от той позиции, которую займет Советское правительство. Характер соглашения, приемлемого для английского денежного и фондового рынков, определяется общими условиями, в которых привык работать и накопляться капитал в странах, где ему предоставляется определенная свобода. И Советскому правительству, если оно серьезно намерено привлечь иностранный капитал в Россию, по необходимости придется сообразоваться с этими ему хорошо известными условиями, хотя бы и ценою отказа от тех или других принципов, которые лежат сейчас в основе социального устройства России. В данном случае я не могу также не вспомнить указаний Маркса, как они изложены в составленном им и Энгельсом «Коммунистическом Манифесте». Цитирую по английскому переводу его, изданному в 1888 г. Энгельсом.

«Буржуазия, благодаря быстрому усовершенствованию всех орудий производства, благодаря чрезвычайно облегченным средствам сообщения, привлекает все, даже самые отсталые, нации в лоно цивилизации. Дешевые цены производимых ею товаров являются тяжелою артиллериею, при помощи которой она разрушает все китайские стены, заставляет сдаться самую упорную ненависть к иностранцам со стороны отсталых в цивилизации народов. Она заставляет все нации, под страхом исчезновения, принять буржуазный способ производства; она заставляет их ввести в их среду то, что она называет цивилизацией, т.-е. сделаться самим буржуазными. Одним словом, она создает мир по своему образу и подобию».

«Точно так же, как она поставила деревню в зависимость от города, она поставила нецивилизованные и полуцивилизованные страны в зависимость от цивилизованных, нации крестьянские от наций городских, Восток от Запада».

Правда, до последнего времени Советское правительство рассчитывало на мировую революцию, надеясь, при сохранении в полной неприкосновенности своих принципов, получить ту помощь, в которой ему отказывали страны Западной Европы при теперешнем их социальном устройстве, от тех же стран после падения в них капиталистического строя. Не касаясь вопроса о том, насколько такая помощь могла бы быть фактически оказана этими странами при хаосе, сопровождающем социальную революцию, я должен заметить, что надежды Советского правительства на мировую революцию не исполнились. Его руководители повторили ошибку, совершенную в свое время Марксом и Энгельсом, когда они были убеждены, что разразившиеся в 1848—1849 гг. в некоторых странах капиталистической Европы революции приведут к падению существовавшего там социального строя; этот последний, однако, продолжает существовать и до сих пор.

Но Маркс в то же время ясно сознавал невозможность проведения социальной революции одною и при том не первостепенною в экономическом отношении страною. Достаточно вспомнить высказанные

им по этому вопросу взгляды в недавно переизданном в русском переводе труде «Борьба классов во Франции 1848 — 1850 гг.». Издательство «Красная Новь». Москва, 1923 г.

Описывая февральскую революцию 1848 г., Маркс говорит:

«Считая возможным освободиться около буржуазии, рабочие считали также возможным в пределах национальных стен Франции совершить пролетарскую революцию при существовании других буржуазных наций. Но производственные отношения Франции обусловлены внешней торговлей Франции, ее положением на мировом рынке и законами последнего. Могла ли Франция нарушить их без европейской революционной войны, которая была бы в состоянии потрясти Англию, этого деспота мирового рынка?» (стр. 29).

В другом месте названного труда он опять возвращается к той же мысли, подчеркивая, что «новая французская революция должна немедленно покинуть национальную почву и завоевать себе европейскую арену, на которой только и может найти осуществление социальная революция девятнадцатого века» (стр. 47).

Русской революции не удалось завоевать европейской арены в первые годы после войны, когда обессиленные войною страны представляли собою исключительно благоприятную почву для революционного взрыва. С постепенным заживанием ран, нанесенных войною народным хозяйствам Западной Европы, должны исчезнуть иллюзии о предстоящем ей в близком будущем социальном перевороте. Перед этим фактом реальной действительности не настало ли время пересмотреть Советскому правительству те начала, которыми оно до сих пор руководствовалось в своих отношениях к внешнему миру?

Л. А. Уркарт

1 января 1925 г.

Содержание

Requiem 7

ПОРТРЕТЫ

Ленин 27
Я. М. Свердлов 37
Дзержинский 43
К. А. Тимирязев 55
Лариса Рейснер 59
Борис Савинков 72
Вильсон 80
Ллойд-Джордж 87
Лорд Керзон 97
Ратенау 108
Стиннес 115
Гинденбург 129
Лео Шлагетер, бредущий в ничто 137
Эберт 143
Парвус 150
Памяти погибших неизвестных солдат революции Багинского и Вечоркевича 157
Ботвин 161
Сун Ят-сен 166

ПАМФЛЕТЫ

Финляндия 179
Красный террор против белого 185
Нота Вильсону 191
Сентиментальная поездка мистера Бертрана Ресселя в Россию 202
Скованный гигант 208
Патриоты чистой химической пробы 216
Люди железа и угля 220
Лекция истории для архиепископа Кентерберийского и лекция истории об архиепископах Кентерберийских 224
Спящая царевна и красный витязь 234

На террасе дворца в Чекерсе 239
Мистер Пиквик о коммунизме. (Великолепная сатира Бернарда Шоу на английский «социализм».) 245
Уроки марксизма для господина Л. А. Уркарта 254
Герой медного лба 263
В защиту германской социал-демократии 267
Польша — страж цивилизации 271
О «свободной» печати в «свободных» странах 275
Военный совет австрийского христианского правительства . . 283
Кукироль и гарантийный договор. (Путевые размышления) . . 287
Между Фордом и готтентотами 290
Пояс целомудрия и господин Бриан (Из путевых размышлений.) 293
Седьмое и девятое ноября 295
Объединение объеденной Европы 310
Бездомные люди 315

От автора 321

Приложения

Письмо Бернарда Шоу в редакцию «Известий ЦИК СССР» . . 323
Письмо Лесли А. Уркарта в редакцию «Известий ЦИК» . . 326

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство обращается ко всем читателям с просьбой о присылке отзывов на эту книгу. Просьба к библиотечным работникам сообщить издательству данные, характеризующие спрос читателей, высказываемые мнения (если производится коллективное обсуждение — желательно получить протоколы, резолюции и т. п.), а также сведения о профессиональном и возрастном составе читателей этой книги.

Все отзывы и материалы направлять по адресу: Москва, Тверской бульвар, 25, издательство «Советская литература».

3р.

Отв. редактор Г. Цыпин.
Техред А. Березницкий.
Уполномоч. Главлита № В—62372.
Тираж 10000 экз. С. Л. 164.
Сдана в производство 23/VIII—33.
Подписана к печати 5/XII—33.
Бумага 82×110 1/32. Печ. л. 20 3/4.
Заказ 74. Шк. ФЗУ Мособлполиграфа.

Цена 4 р.
Переплет 1 р. 50 к.